

Знамя.
1945г.
№ 5-6

182803

ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

ПОБЕДА. РОССИЯ

(Радиоречь)

Судьба дала мне счастливый жребий: после ряда походов быть при последних операциях по разгрому Германии.

Период с января по май 1945 года в мировой военной истории будет, без сомнения, считаться периодом великих классических операций Красной Армии, операций высшего типа... В действительности после тщательнейшей и длительной подготовки были приведены миллионные армии советских бойцов, которые непрерывными гениально задуманными ударами окончательно сломали мощь Германии.

Громадную роль в этих непрерывных и нарастающих в силе и темпах операциях сыграл войсковой тыл, блестяще, четко, продуманно передававший, распределявший все то военное богатство, технику, снабжение, которое давали доблестные работники великого тыла: работники Ленинграда, Москвы, Урала, Сталинграда, Волги, Сибири, Украины, Белоруссии и всех наших республик и городов. Их труд, обух, одел, накормил и вооружал нашу армию и флот... Бойцы фронта ни на минуту об этом не забывали и не забудут никогда... Под проливным дождем укрывала бойцов палатка, плащ, шинель, сделанные текстильщиками и швейницами Союза. Под огнем бойцы закапывались в землю лопатами, сделанными работницами и рабочими заводов инженерного имущества. Раненых спасали медикаменты, сделанные в тылу; их спасала кровь доноров, которую возили на самолетах. И бойцы слали низкий поклон всем, всем родным, бесконечно дорогим советским людям, чья выдержка, многотерпение, пылающий патриотизм и высокое трудолюбие не знают себе равных в мире...

Бойцы знали, что на трудном, дышащем огнем и гарью, сочащемся кровью переднем крае они не одиноки: за ними стоят двести миллионов наших советских людей: педагоги, воспитавшие храбрых солдат; инженеры и техники, сотворившие первоклассную технику; женщины, взявшие на себя святой труд заботы о сиротах, калеках, раненых; женщины, писавшие на фронт все четыре года; матери, давшие благословение на подвиг, приказавшие сыновьям драться и без победы не возвращаться; советские юноши и девушки, заявившие о своей готовности идти в бой любую минуту.

От имени тех, кто дрался в последних битвах, в самой Германии, от имени тех, кто участвовал в многосуточном непрерывном штурме Берлина,— сыновья и братская благодарность всем, кто помогал фронту. Писательская моя восторженная благодарность труженикам, которые так умело, так щедро, так по-русски широко снабдили и оснастили фронт для последних, решающих битв этой войны.

Воистину мы можем сказать: мы подавили врага и великолепно обученной войсковой массой, и духом нашим, и выучкой и мастерством, и неизмеримой нашей техникой и нашей численностью людской... Были случаи, когда мы подавляли врага своей техникой в десять, двадцать, тридцать, а то и более раз. Это было символом нашего культурного, организационного, экономического превосходства над немцами... Они, немцы, некогда выдвинули теорию «расы господ», расы немцев...

Что осталось от этой теории?... Вот я зашел в час развязки 2 мая, в Берлине, в канцелярию Гитлера. Ну, ты, мнивший себя повелителем России и мира,— что осталось от тебя, от твоей канцелярии и «империи»? Дворец твой, построенный первым архитектором Германии — Шпеером, разбит вдребезги. В него высажено ровным счетом 2 500 снарядов тяжелых орудий и страшных, убойных русских «катюш». Парадный подъезд снесен... Ступени дворца разбиты. Горделивая бронзовая вывеска с одноглавым орлом пробита насквозь в ряде мест. Стекла вылетели... Потолки проломлены... От гитлеровской канцелярии остался бумажный мусор. Валяются рыжие папки «правительственных докладов и проектов»... Шкафы распахнуты настежь,— это сюда постучался уральским, артиллерийским кулаком русский человек. Он грозно, басово сказал: «А ну, которые хотят нашу Россию забрать?... А ну, которые тут раса господ?..»

И полетел в рыже-серой противной пыли и «сам» Гитлер и его двухмиллионная национал-социалистская банда...

Вот густо, в пыли, на полу валяются билеты этих сбежавших или перебитых национал-социалистов... Опять одноглавые орлы и трескучие немецкие фразы. И над всем этим быллым расовым «господством» стоит наш часовой, стрелок, парень из России, простой, скромный... Стоит и поглядывает на все эти «имперские» ковры в сто метров длиной, на голых бронзовых тевтонских атлетов, на упавшие люстры, на гитлеровские документы, которые ветер гоняет по запыленному мраморному полу...

Я хочу рассказать здесь некоторые эпизоды из битвы за Берлин... Россия имела победы: и Чудское озеро, и Куликово поле, и Полтаву, и Гангут, и Бородино, и Севастополь; Россия увенчана лаврами сотен побед... Один Измаил потряс воображение всего мира — и даже Байрон исторг клик восторга перед подвигом северных русских богатырей, чудобогатырей Суворова... Россия знала эпические битвы гражданской войны,— где сияют имена Царицына, Петрограда, Кронштадта, Волжска, Перекопа...— Но Россия, Советский Союз не знали никогда битвы той, которая разыгралась в конце Великой Отечественной войны...

Немцы, Гитлер, два раза хотели окружить Москву... Они белокаменную, на Москву нашу святую, на сердце народа наш страшным скопом, по снегам ноября и декабря 1941 незадолго до года. Они докатывались до Химок... Москва, Россия развер-

всю ширь удара и дали в ответ немцам — справа и слева, и под вздох, и по скуле... И в крови, шатаясь, немец попятился...

И вновь в жаркое, сухое лето 1942 года пошел немец на Москву, стараясь вновь взять ее в кольцо, обходом с Волги. И уперлась тогда народная сила, упрямо, с непередаваемой мощью. Враг не переступил через Волгу, и в ноябре 1942 грянули, прорезали студёный воздух новые русские удары... Это было побоище, окружение 6-й и 4-й немецких армий под Сталинградом. Это был ответ советских народов немецким «теоретикам», мечтавшим о классических окружениях, о Каннах,— в первую очередь об окружении Москвы.

И с того момента началось великое контрнаступление Красной Армии. Нужно было итти от Мурманска, от Ленинграда, от Москвы и Сталинграда до Берлина. Но этого мало: надо было сломать огромные, сильные «валы» немцев на реках Восточной и Центральной Европы. Надо было штурмовать десятки крепостей, каждая из которых во много раз сильнее исторического Измаила. Надо было итти через воды великих рек. Надо было пересекать Карпаты, Балканы, Судеты, Великановы горы, Альпы в Австрии... Надо было в короткий относительно срок свершить то, что ранее свершалось в долгие десятилетние войны.

И наш солдат, наш офицер, наш генерал — верные сыны народа, верные питомцы военной школы Ленина и Сталина — свершили это. Но мало и этого: надо было показать врагу его неумение, его чванство, надо было на деле показать, как именно классически окружают столицы. И Красная Армия сделала это!..

Удар на Берлин был начат пред рассветом 16 апреля 1945 года. Начат с Одера... Немцы взорвали здесь все мосты и переправы. Русские инженеры и саперы ответили тем, что бросили через Одер двадцать три моста, утроив, учетверив количество мостов, которое было у немцев... Это разворачивалась непревзойденная большевистская организация... Немцы перепахали, взрезали все шпалы, одна за другой, на железных дорогах, ведущих к Берлину. Наши железнодорожные части, наши инженеры, строители, наши путейцы, наши движенцы ответили по-русски: они к моменту штурма подавали под Берлин десятки эшелонов по отремонтированным начисто путям... Это была школа Турксиба, школа БАМ'а (Байкало-Амурской железной дороги), школа приволжских железных дорог — школа пятилеток, в которые мы и набирали сил, набирались умения...

Так фронт и тыл — в едином, мощном усилии — подготовили последнюю битву этой войны. Миллионы наших бойцов получили все: от иголки и нитки, от ложки и поварежки до слоноподобных тягачей и осадных орудий, под которыми жалобно скрипели немецкие мосты.

Количество боекомплектов патронов, снарядов, мин было доведено до рекордного уровня в истории России... Если в первой мировой войне на триста немецких снарядов мы могли отвечать одним русским, то теперь социалистическая Родина наша могла подвести некоторые новые итоги... И на одиц немецкий снаряд мы отвечали тысячами.

В темном небе стояло апокалиптическое сверкание... Полыхали артиллерийские зарницы. Над немецкими линиями повисли беспощадные лампы-ракеты, высвечивавшие каждую складку местности. «Катюши» прорезали небо непрерывными сериями убойных ракетных снарядов. Трассирующ

Пули неслись беспрестанно в сторону врага... Проекторы, силой в семь-восемь миллионов свечей каждый,—новые наши модели—ослепили врага перед самым штурмом. Земля была перевернута, и пехота наша могла ударить на штурм вместе с танками. Над полем боя на десятки километров стояла пелена дыма и густой пыли... Губы у нас почернели от этой пыли... Воды не было, ибо немецкие пруды и колодцы снесены к чертям, засыпаны ураганом советской артиллерийской подготовки.

В рост встала пехота, поцеловав священные свои знамена... И энергичный профиль Ленина был обращен на Запад этих знамен. И с рассвета 16 апреля 1945 года до 3 часов дня 2 мая, пока окруженный Берлин не был брошен на колени, покоя ни враг, ни штурмующие армии наши не знали...

В зное и пыли, волоком по шлюзам и как угодно, тащили моряки краснознаменной Днепровской флотилии свои корабли к каналам Берлина, отвоевывая метр за метром у природы и врага... И бело-голубой флаг флота нашего взвился над рейдами Шпрее.

Это был великий, вдохновенный штурм, увлекший миллионы бойцов, офицеров, генералов и адмиралов, у всех была одна ясная цель: центр Берлина, рейхстаг — этот дворец, в котором Гитлер 1 сентября 1939 года объявил народам мира войну.

Штурмующим пришлось проламывать четыре мощных пояса обороны, затем Берлинский внешний пояс и потом кольцо за кольцом внутренние пояса в самом городе. Немцы изрыли километров на сто всю почву. Окопами были обнесены даже отдельные сельские дома. Каждая канава была рубежом. Везде кротовьи ходы... Сады и кустарники превращены в противотанковые засады. Стреляли чердаки, подвалы, деревья, часовни, костелы...

Немецкие войска инспектировались Гитлером и Геббельсом. Гитлеровская молодежь была брошена вперед в качестве «дивизий истребителей» против наших танков. Стены немецких домов были покрыты надписями-воплями, приказами и проклятиями: «Берлин останется немецким!», «Верность фюреру!», «1918 год не повторится!», «Лучше смерть, чем поражение» и т. п.

Немцы дрались в этой знойной мгле яростно. Они переходили на день десятки раз в контратаки. Шли трезвые и пьяные, в рост, наступали рьяно, падали и распластывались на сухом пыльном поле... Немцы бросили против нас лучших летчиков-ассов («королей воздуха»). Они каждые десять минут — в решительную фазу битвы — штурмовали наши узлы, пути, штабы, колонны... Это были озверелые, но безнадежные удары. Наши двигались вперед неумолимо: день и ночь. Противнику нельзя было дать ни минуты передышки, ни минуты для сна, ни минуты для завтрака, обеда или ужина. И это непрерывное усилие наш боец и наш офицер развили полностью... В лесах на врага обрушились наши отборные дивизии, знатоки ночного боя, люди, которые пройдут, где угодно, хоть с завязанными глазами. Немцы не выдерживали ужаса ночного боя — лесных эхо, внезапных русских «ура» над самым ухом.

Штурмующие неотвратимо шли на Берлин. К центру. К рейхстагу. Соревнование было благородным. Были случаи, когда тяжелая артиллерия опережала пехоту, в упор сносила немецкие укрепленные ру-

бежи, например, вокзалы Потсдамский и Ангальтский, крепости и прочищала путь пехоте. Саперы шли в воду без раздумий и строили мосты через Шпрее в 30 минут.

На рассвете 21 апреля мы ворвались в черту Большого Берлина. Это был необыкновенный рассвет. Перед нами лежал город, четвертый в мире по величине. С шеренгами колоссальных труб. С пятнами пожаров. Зловещий... Затаившийся... Город, в котором было до 3 миллионов немцев. Город с подземельями, системой метро, засадами, ловушками и серией колец внутренней обороны... Вперед же, братья!

И грянули первые залпы по Берлину. За тебя, Москва моя! За тебя, гордый Ленинград, за твои муки и раны! За тебя, прекрасный Сталинград! За тебя, Севастополь, черноморский знаменитый городок! За тебя, Одесса! За тебя, Тула! За тебя, Калинин! За тебя, древний Новгород! За тебя, Псков! За тебя, земля наша русская,— за все истоптанные поля наши, за крестьянские хаты, за всех сирот, за всех вдов, за всю боль, причиненную нам за четыре года войны. О, как яростно били мы и как неустанно. Берлин, тебе не будет спуска. И начался внутригородской бой. Били из окна в окно через улицу. Немцы пробовали пропускать авангарды наши и бить им из подземелий и метро в затылок. В метро тогда саперы пустили воду, и немцы потопили там, как крысы.

Взвивались наши флаги в отдельных районах. Немцы пытались их сшибить. Били подряд сутки, двое. Безуспешно.

Грохот в городе стоял неумолчный. Летели стекла, и пыль — ужасающая пыль — окутывала это огромное сражение. Пыль от рушащихся кварталов,— ибо Берлин получил колоссальную порцию советских снарядов — 4 200 000 штук. Он и не подозревал, что мы можем уготовить ему, этому надменному городу.

И вот пришла победа!.. В копоти, пыли, в крови предстала она нам. С белым флагом капитуляции пришли к нам сдающиеся, разбитые. Пришли немецкие генералы, которые отдавали честь, сами, без принуждения, нашим рядовым пехотинцам. Взвилось алое знамя на золоченом немецком памятнике 1870 года на Королевской площади... И немецкий ангел победы, куда забралась наша саперы-верхолазы, обязан был над Берлином держать это знамя, наше, нашей крови, нашего пылающего духа!

Над рейхстагом взвилось такое же знамя, и весь рейхстаг, зияющий пятиметровыми пробоинами, покрылся русскими солдатскими надписями мелом: «Мы с Волги», «Мы из Ленинграда», «Есть тут и мои снаряды. Сержант такой-то», «Дошли, расплатились», «Мы из Москвы»...

По улицам Берлина важно и медленно провели гвардейцы сталинградского верблюда, который служит до сих пор и носит боезапас. Склонились немцы и немки перед упорной пехотой и задымленными танками России... С поднятыми руками стали выходить немцы полками, дивизиями... Я остановил одну колонну: «Немецкие офицеры могут подождать, пока будет говорить русский боец». Колонну в полторы тысячи вел один русский конвоир. Вторую колонну вел узбек... Третью татарин. Это было символично. Это было победоносное братство наше,— мы были в центре Берлина,— и перед воинами, посланными нашими народами, стоял молчаливый, с поднятыми руками враг.

Отмщение свершилось!.. И в день, когда мы выводили немецкий

гарнизон из Берлина, к городу уже, свистя гудками паровозов раскатисто заливисто, пронзительно, подходили десятки наших эшелонов. Это ты наш, не отставая ни на шаг от нас, слал своей армии все нужное, в неограниченном количестве. Эшелоны подкатывали к головным разгрузочным станциям... Это Родина слала бойцам новое юбмундирование, майское, чистое, прекрасное. Это труженики нашей страны слали нам белье и мыло, чтобы отмыть корку грязи и пыли, которыми покрылись мы с ног до головы... Труженики слали чистую кровь свою, чтобы перелить ее раненым в битве за Берлин. Слали письма свои — милые, трепетные, душевные, материнские и отцовские, письма девичьи и письма младших братишек-школьников. Слали свежие газеты, в которых бойцы могли прочесть о содеянном ими с 16 апреля по 2 мая 1945 года.

И наша благодарность была глубока, безмерна... Сидя на плитах тротуаров, на ступенях рейхстага, на ступенях канцелярии Гитлера; читали мы письма дорогих нам людей, дышали, впивали в себя запах вложенных в листки скромных цветов России и думали, думали каждый о своем и все вместе — о ней, Родине, о милой, святой, вечной России нашей, о тех, кто все претерпел, все вынес, выстоял — и победил. О вас мы думали...

Не дешево победа мне досталась.
Ты и не знаешь, как сладка она.
Что он ответит русскому солдату,
Тот черный город в сломанных
крестах?

Припомнит ли, как страшен был
когда-то,

Припомнит ли, как поджигал
рейхстаг?

Припомнит ли, как в полуночных
барах

Он загодя, в засол и впрок вскормил
Прожженных бестий, катов

сухопарых,
Учтиво дрессированных громил?

Припомнит ли восторг и упоенье
И вздрог ноги, обутой в сапожок,

Как будто сильный ток его
в Компене,

Как лягушонка дохлого, прожег.

...таблицах
сугубых
Был замысел зловещий раскален;
И рядом с чертежами душегубок
Стояли банки с надписью
«циклон»...

Припомнит ли страстей своих
низины,

Своих желаний мертвенную тьму,
Плетей, плетей свистящую резину,
Людей, людей, обугленных в дыму

Припомнит все. И рухнет на колени
Как рухнули Гоморра и Содом,

Перед судом грядущих поколений
И перед нашим завтрашним судом.

Танкист с Урала усмехнется молча
И вытрет руки в масле и грязи

И скажет другу: — Над столицей
волчьей

Флаг нашей правды выше водрузи.

3. ПОБЕДИТЕЛЬ

От самой Волги шел он, не сгорая,
Дорогой света к западу, во тьму.
И вся земля от края и до края
Светала, благодарная ему.

Что вынес он! Кровь, холод, грязь,
усталость,

Три сотни ран и столько же смертей.
В его родне, быть может, не осталось

Ни стариков, ни женщин, ни детей.

Пропахла черным дымом гимнастерка.
Измята каска. Сбиты сапоги.

И только где-то в памяти не стерта,
Не выцвела,— вся в захлестнях пурги,

Вся в заревах,— равнина Подмосковья.
Тогда впервые этот человек

Снег обагрив своею жаркой кровью.
Что было дальше — не забыть вовек.

С тех пор прошли не месяцы, не
годы,—

В огне фугасных и термитных бомб
Прошло тысячелетье непогоды,
Забывшее о небе голубом.

Он выстоял, борясь и наступая,
Он только креп сжал упрямый рот,

Когда недавно гадина тупая
У Бранденбургских рухнула ворот.

Не посмотрев на падаль, всюю грудь
Вздохнув, он кратко справил

торжество,
...Меж тем Москва готовила орудья
Для громкого салюта в честь него!

Меж тем по длинным и коротким
волнам

Уже молва звонила и звала.
Уже за стол садились с кубком
полным

И только ждали гостя у стола.

И гость вошел. Не спрашивай,
откуда

Парнишка этот русский и рябой.
Прими его, как сбывшееся чудо,—
И он разделит торжество с тобой.

Ступай на площадь и в толпе
несметной

Ищи его, не отрывая глаз.
Вот и вернулся юноша бессмертный!
Он правду человеческую спас.

4. ГОВОРИЛ СТАЛИН

Вы слышали? Опять провозгласила
Нам формулу железную свою
Вся прямота его, вся страсть и сила,
Вся вера в тех, кто победил в бою.

Где он витает замыслом орлиным?
Где гнев солдата, мысль большевика?
Там, далеко на запад, за Берлином?
Там, далеко в грядущем, сквозь века?

Или под звук воинственного марша
Он вспомнил тех, кто пал за
Сталинград?

Иль ветеранам улыбнулся маршал
Улыбкой друга, лучшей из наград?
Но где бы ни был, с нами он навеки.
В огне фронтов, в любом конце
страны

В простом и сильном этом человеке
Все без изъята мы воплощены.

Вы слышали? Так вслушайтесь же
снова;

Чтоб вникнуть силой сердца и ума
В живое слово, в сталинское слово.
Так говорит История сама.

5. СЛАВА

Громче, трубы. Жарче, струны.
Сердце, сердцу отзовись.

Выше в пламенную вьсь
Взвейтесь, русские перуны.

Слава стойким в непогоду
Человеческим сердцам.

Слава русскому народу.
Слава сталинским бойцам.

Слава праведным и правым,
Кто мужал день ото дня.

Слава Линии Огня
И опасным переправам.

Слава тем, кто чист и зорок,
С ясной совестью в ладу,
Не поник душою в сорок
Первом и втором году.

Ярче белого каленья
Накаляется металл.

Слава тем, кто жизнь отдал
За свободу поколенья.

Слава жизни, вновь рожденной,
Хрупкой, крохотной, святой.
Слава правде, утвержденной
С беспощадной прямотой.

Слава сталинскому слову,
Вдохновлявшему в борьбе.
Сталин! Сталин! Мы тебе
В верности клянемся снова.

Встань же в маршальской шинели
У могучих стен Кремля,
Чтобы вновь моря синели,
Зеленели бы поля.

Пламенели на ветру бы
Флаги, плещущие ввысь.
Сердце, сердцу отзовись.
Жарче, струны. Громче, трубы.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ
СТОРОНКА РОДНАЯ

Солдатская песня

Гвардейцам гвардии генерал-лейтенанта Захватаева

С неразлучным своим автоматом
Не в одной побывал я стране,
Но везде и повсюду, ребята,
Я скучал по родной стороне.

Сторонка, сторонка родная,
Ты солдатскому сердцу мила.

Эй, дорога моя фронтовая,
Далеко ты меня завела!

Батальон наш стоял в Бухаресте,
Бухарест не плохой городок.

Но, признаться вам, братцы, по
чести —

Мне дороже родимый Торжок.

Сторонка, сторонка родная,
Ты солдатскому сердцу мила.

Эх, дорога моя фронтовая,
Далеко ты меня завела!

В Будапеште сражались мы долго,
Он на мутном Дунае лежит.

Как мне вспомнится матушка-Волга,
Так слеза на глаза набезит.

Сторонка, сторонка родная,
Ты солдатскому сердцу мила.

Эх, дорога моя фронтовая,
Далеко ты меня завела!

Нас цветами встречала София,
Обнимали у каждых ворот.

Но Болгария все ж не Россия,
Хоть и братский живет в ней народ.

Сторонка, сторонка родная,
Ты солдатскому сердцу мила.

Эх, дорога моя фронтовая,
Далеко ты меня завела!

Бил я немцев на улицах Вены,
В ней сады и дворцы хороши.

Только Вена, скажу откровенно,
Дорога не для русской души.

Сторонка, сторонка родная,
Ты солдатскому сердцу мила.

Эх, дорога моя фронтовая,
Далеко ты меня завела!

День и ночь я на запад шагаю,
Тыщи верст до Берлина прошел.

Но милее родимого края
Я нигде ничего не нашел.

Сторонка, сторонка родная,
Ты солдатскому сердцу мила.

Эх, дорога моя фронтовая,
Далеко ты меня завела!

Дождались мы великой победы,
И теперь, с окончанием войны,

Я уж как-нибудь, братцы, доеду
До далекой своей стороны.

Сторонка, сторонка родная,
Ты солдатскому сердцу мила.

Эх, дорога моя фронтовая,
Далеко ты меня завела!

Вена, 13 апреля 1945

АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*Роман*¹

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Когда строится новое здание, людей-мастеров, возводящих его, можно видеть на лесах вокруг здания и внутри него,— они наполняют здание своим трудом и говором. А человек, который стремится уничтожить плоды их трудов и взорвать здание, этот человек может находиться среди мастеров, но он человек-невидимка, он подготавливает свое черное дело тайно, невидно для людей.

Стоило на одной части нашей земли притти к власти немцам, как они подавили, оттеснили, заставили уйти в тень, замкнуться в себе или уйти в подполье миллионы людей-мастеров, возводивших здание нового советского общества, определявших собой его лицо и жизнь, а на поверхность всплыли, начали хвастать, заявлять о себе и услужать новым хозяевам люди-невидимки, только их стало видно и слышно на поверхности.

А иные люди, слыша на поверхности только голоса этих подлецов, с удивлением пожимали плечами и говорили:

— Скажите, пожалуйста! Кто мог бы подумать? Ведь мы же его знали, как облупленного! Кому же тогда можно верить?

Стеценко, начальник планового отдела треста «Краснодонуголь», был еще не старым человеком, где-то между сорока пятью и пятьюдесятью. Он действительно был сыном мелкого чиновника, до революции служившего в акцизе, и действительно никогда ни в чем «не был замешан». По образованию он был инженер-экономист и всю жизнь работал как экономист-плановик в различных хозяйственных организациях.

Нельзя сказать, чтобы он быстро продвигался по служебной лестнице. Но он и не стоял на одном месте: можно сказать, что он восходил не с этажа на этаж, а со ступеньки на ступеньку. Но он всегда был недоволен тем местом, какое занимал в жизни.

Он был недоволен не тем, что его трудолюбие, энергия, знания, скажем, недостаточно используются и в силу этого он не имеет от жизни того, чего бы он заслуживал. Он был недоволен тем, что не получает от жизни всех ее благ без всякой затраты труда, энергии и знаний.

¹ Продолжение; см. «Знамя» № 2, 3, 4, 1945 г.

... то, что такая жизнь возможна и что она приятна, он это наблюдал сам в старое время, когда был молодым, а теперь он любил читать об этом в книгах о старом времени или о заграничной жизни.

Нельзя сказать, чтобы он хотел стать баснословно богатым человеком, крупным промышленником, или купцом, или банкиром, — это тоже потребовало бы от него энергии, волнений: вечная борьба, соперники, стачки, какие-то там, чорт бы их побрал, кризисы! Но ведь существуют же на свете тихие доходы, какая-нибудь там рента или просто хороший оклад на спокойной и почтенной должности, — существуют везде, но только «не у нас». И все развитие жизни «у нас» показывало Стеценко, что годы его идут, а он все больше отдаляется от идеала своей жизни. И поэтому он ненавидел общество, в котором жил.

Но, будучи недоволен общественным устройством и своей судьбой, Стеценко никогда ничего не предпринимал для изменения общества и своей судьбы, потому что он всего боялся. Он боялся даже крупно сплетничать и был самым обыкновенным, рядовым сплетником, не выходящим за пределы разговоров о том, кто сколько пьет и кто с кем живет. Он никогда не критиковал конкретных лиц, ни ближних, ни дальних, но любил поговорить вообще о бюрократизме в учреждениях, об отсутствии личной инициативы в торговых организациях, о недостатках образования молодых инженеров по сравнению «с его временем» и о некультурном обслуживании в ресторанах и в банях. Он никогда ничему не удивлялся и склонен был от всех людей ждать решительно всего. Если кто-нибудь рассказывал о крупной растрате, о загадочном убийстве или просто о семейной неприятности, Стеценко так и говорил:

— Я лично не удивляюсь. Всего можно ждать. Я, знаете ли, жил с одной дамочкой, — очень культурная, между прочим, замужняя, — и она меня обокрала...

Как и у большинства людей, все, что он носил, чем обставлял квартиру, чем мылся и чистил зубы, было отечественного производства и из отечественных материалов. И в компании инженеров, побывавших в заграничной командировке, Стеценко любил за рюмкой водки простовато и хитровато подчеркнуть это.

— Наше, советское! — говорил он, теребя полной и необыкновенно маленькой по его грузной комплекции рукою кончик рукава своего пиджака в полоску. И нельзя было понять, говорит ли он это с гордостью или в осуждение.

Но втайне он завидовал заграничным галстукам и зубным щеткам своих товарищей до того, что его малиновая лысина вся покрывалась потом.

— Премиленькая вещичка! — говорил он. — Подумайте только — зажигалка, она же перочинный ножик, она же пульверизатор! Нет, все-таки у нас так не умеют, — говорил этот гражданин страны, в которой сотни и тысячи рядовых крестьянских женщин работали на комбайнах на колхозных полях.

Он хвалил заграничные кинокартины, хотя их не видел, и мог часами, по нескольку раз в день, перелистывать заграничные журналы — не те журналы по экономике горного дела, которые иногда попадали в трест (эти журналы его не могли интересовать, поскольку он не знал языков и не стремился их изучить); а те, что завозили иногда сослуживцы, —

журналы мод и вообще такие журналы, в которых было много элегантно одетых женщин и просто женщин возможно более голых.

Но во всех этих высказываниях, вкусах, привычках и склонностях не было ничего подчеркнутого, что резко выделяло бы его среди других людей. Потому что многие, очень многие люди, у которых были совсем другие интересы, иная деятельность, иные мысли и страсти,— в общении со Стеценко, в том или ином случае проявляли сходные с ним вкусы или взгляды, не задумываясь над тем, что в их жизни они занимают десятое, или последнее, или просто случайное место, а в жизни Стеценко они являются выражением всей его натуры.

И так бы он и прожил, этот грузный, с малиновыми лицом и лысиной, медлительный, не вызывающе, но достойно-солидный человек-невидимка, с тихим низким грудным голосом и маленькими красными глазами застарелого любителя выпить, прожил бы до конца дней, ни с кем не дружа, принимаемый решительно всеми, среди ненавистных ему дневных и ночных служебных часов, заседаний месткома, непременным членом которого он состоял, среди выпивок и преферансов, поднимаясь, независимо от собственной воли, со ступеньки на ступеньку по медленной служебной лестнице,— так бы он и прожил, если бы...

То, что страна, в которой жил этот человек-невидимка, не может выстоять против Германии, было ясно Стеценко с самого начала: не потому, что он был осведомлен о ресурсах обеих стран и хорошо разбирался в международных отношениях,— он решительно не знал и не хотел знать ни того, ни другого,— а потому, что не могла же страна, которая не соответствовала идеалу его жизни, выстоять против страны, которая вполне отвечала идеалу его жизни. И уже в тот воскресный час июня, когда он услышал по радио речь Молотова, Стеценко ощутил во всех внутренностях некоторое беспокойство, род волнения, возникающего перед необходимостью перемены обжитой квартиры.

При каждом известии об оставлении Красной Армией городов, все более удаленных от границы, он все более понимал, что квартиру переменить необходимо. А в момент взятия Киева Стеценко уже был как бы в пути на новое местожительство с грандиозными планами его устройства и освоения.

Так, к моменту вступления немцев в Краснодар Стеценко проделал духовно примерно тот же путь, что Наполеон Бонапарт проделал физически с момента бегства с острова Эльбы до вступления в Париж.

К генералу фон Венцель его, Стеценко, долго и грубо не впускали сначала часовой, потом денщик. На беду его, из дома вышла бабушка Вера, которой Стеценко очень боялся, и он, сам не зная, как это получилось, торопливо снял шляпу, поклонился бабушке в пояс и сделал вид, что воспользовался двором, чтобы пройти с улицы в улицу. И бабушка не нашла в этом ничего удивительного. Все-таки он дождался у калитки выхода молоденького адъютанта.

Толстый Стеценко, сняв шляпу, вприпрыжку бежал сбоку и немножко сзади немецкого офицера. Адъютант, не глядя на него и не вникая в то, что говорил Стеценко, указал ему пальцем на немецкую комендатуру.

Комендант города Штоббе, штурмфюрер службы СС, был из тех отлитых по единой модели пожилых прусских жандармов, каких Сте-

ценко в юности своей немало насмотрелся в «Ниве» на фотографиях, изображавших встречи венценосцев. Штурмфюрер Штоббе был аполлексичен, каждый ус его с проседью был туго закручен, как хвост морского конька, одутловатое лицо его, покрытое мельчайшей сетью желто-сизых прожилок, было налито пивом, а выпученные глаза были того мутного бутылочного цвета, в котором нельзя отличить белка от роговицы.

— Вы хотите служить в полиции?— отбросив все несущественное, прохрипел штурмфюрер Штоббе.

Стеценко, застенчиво склонив набок голову и плотно приложив к ляжкам полные маленькие руки с пальчиками, похожими цветом и формой на заграничные консервированные сосиски, сказал:

— Я инженер-экономист, я бы полагал..

— К майстеру Брюкнеру!— не дослушав, прохрипел Штоббе и так выпучил водяные глаза со слившимися белком и роговицей, что Стеценко, зигзагообразно отступая от коменданта, вышел в дверь задом.

Жандармерия помещалась в длинном, давно не беленом и облупившемся одноэтажном бараке, прижимавшемся к горушке, ниже райисполкома, и отделенном пустырем от района города, называвшегося в просторечии «Восьмидомики». Раньше там помещалась городская и районная милиция, и Стеценко запросто бывал в этом помещении, как-то перед войной, в связи со случившейся у него на дому покражей.

Сопровождаемый немецким солдатом с ружьем, Стеценко вошел в полутемный коридор, так знакомый ему, и вдруг отпрянул в испуге: он чуть не столкнулся с длинным, на полтуловища выше Стеценко, человеком и, вскинув глаза, узнал в этом человеке в старомодном картузе известного в Краснодоне шахтера—Игната Фомина. Игната Фомина никто не сопровождал. Он был в начищенных сапогах и в костюме, таком же приличном, как и у Стеценко. И оба этих прилично одетых господина, шмыгнув глазами, разошлись, будто не узнали друг друга.

В приемной того самого кабинета, где помещался когда-то начальник краснодонской милиции, Стеценко увидел перед собой Шурку Рейбанда, экспедитора хлебозавода, в хорошо знакомой Стеценко черной, с малиновым верхом, кубанке на маленькой смуглой костяной головке. Шурку Рейбанда, выходца из немецких колонистов, знал весь город, потому что он отпускал хлеб столовым всех учреждений, хлебным киоскам и магазинам горпо. Никто его и не звал иначе, как Шуркой Рейбандом.

— Василий Илларионович!..— в тихом изумлении сказал Шурка Рейбанд, но, увидев за спиной Стеценко солдата, запнулся.

Стеценко склонил лысину немного набок и вперед и сказал:

— Что вы, господин Рейбанд! Я хочу...— Он сказал— не «служить», а «услужить».

Господин Рейбанд приподнялся на носках, пометил и, не постучавшись, нырнул в кабинет начальника. И стало ясно, что Шурка Рейбанд является теперь неотъемлемой составной частью нового порядка— Ordnung'a.

Он пробыл там довольно долго. Потом в приемной прозвучал на-

чальственный звонок, и немецкий солдат-писарь, одернув мышинный мундирчик, проводил Стеценко в кабинет.

Майстер Брюкнер был, собственно, не майстер, а вахтмайстер, то есть жандармский вахмистр. И это была, собственно, не жандармерия, а краснодонский жандармский пункт. Окружная жандармерия помещалась в городе Ровеньки. Впрочем, майстер Брюкнер был не просто вахтмайстер, а хауптвахтмайстер, то есть старший жандармский вахмистр.

Когда Стеценко вошел в его кабинет, майстер Брюкнер не сидел, а стоял, заложив руки за спину. Он был высокий и не очень тучный, с опущенным и сильно выдавшимся круглым животом. Под глазами у него были мягкие морщинистые темные мешки того происхождения, которое, если вникнуть в него, могло бы пояснить, почему хауптвахтмайстер Брюкнер проводил большую часть своей сознательной жизни стоя, а не сидя.

— По образованию и опыту я инженер-экономист, я полагал бы... — сказал Стеценко, застенчиво склонив голову и приложив к брюкам в полоску плотно сдвинутые пальчики-сосиски.

Майстер Брюкнер повернул голову к Рейбанду и брезгливо сказал по-немецки:

— Скажи ему, что по полномочию фюрера я назначаю его бургомистром.

В ту же самую секунду Стеценко представил себе, какие люди из тех, кого он знал, кто раньше проходил мимо него или относился к нему панибратски, теперь попадут в зависимость от него. И он низко склонил лысину, сразу покрывшуюся потом. Ему казалось, что он много и сердечно благодарит майстера Брюкнера, на самом деле он молча шевелил губами и кланялся.

Майстер Брюкнер отогнул полу мундира, открыв плотно обтянутый брюками опущенный живот, круглый, как кавун, вынул из кармана золотой портсигар, достал папироску и прямым, точным движением большой, в ромбиках, желтой кожи руки вставил папироску между губ. Подумав, он взял из портсигара еще одну папироску и протянул ее Стеценко.

Стеценко не посмел отказаться.

Потом майстер Брюкнер, не глядя, нащупал на столе распечатанную узкую плитку шоколада, не глядя, отломил от нее несколько слитных квадратиков и молча протянул Стеценко.

— Это не человек, а идеал, — рассказывал впоследствии Стеценко своей жене.

Рейбанд препроводил Стеценко к заместителю старшего вахмистра господину Балдеру, который был уже просто вахмистром и всей своей комплекцией, манерами, даже тихим низким грудным голосом так походил на Стеценко, что, будь Стеценко в немецком мундире, его уже трудно было бы отличить от вахмистра. Стеценко получил от него инструкцию о сформировании городской управы и ознакомился со всей структурой власти при новом порядке — Ordnung'e. Согласно этой структуре, краснодонская городская управа во главе с бургомистром была просто одним из отделов канцелярии немецкого жандармского пункта.

Так Стеценко стал бургомистром.

А Виктор Кистриков и дядя Коля стояли теперь друг против друга, разводили руками и говорили:

— Кому же тогда можно верить?

В тот вечер, когда Матвей Шульга распростился с Кондратовичем, ему уже ничего не оставалось, как направить свой путь к Игнату Фомину, на Шанхай.

По внешним признакам,— а только по внешним признакам и мог теперь Матвей Костиевич составить первое впечатление — Фомин произвел на него благоприятное впечатление. Костиевичу понравилось, что, когда он сказал пароль, Игнат Фомин не выразил волнения и излишней торопливости, а внимательно осмотрел Костиевича, кинул взгляд вокруг, потом пропустил Костиевича в горницу и только здесь сказал ему отзыв. Фомин был очень немногословен и ни о чем не расспрашивал, а только внимательно слушал, и на все распоряжения отвечал: «Будет сделано». Понравилось Костиевичу и то, что Игнат Фомин у себя дома был в жилете под пиджаком, и при галстуге, и с часами с цепочкой,— в этом он видел признак культурного интеллигентного рабочего, воспитанного в советское время.

Правда, некоторые мелочи не то что бы не понравились Костиевичу,— они были так незначительны, что не могли вызвать с его стороны столь определенного отношения,— но были отмечены им, как неприятные. Ему показалось, что жена Фомина, мясистая, сильная женщина с широко поставленными узкими косящими глазами и неприятной улыбкой, обнажавшей крупные, редкие, желтые зубы, с первого же момента их знакомства стала относиться к нему, к Шульге, как-то уж очень льстиво и угодливо. И еще неволью отметилось ему в первый же вечер, что Фомин,— Игнат Семенович, как сразу же стал называть его Шульга,— немного скуповат: на откровенное заявление Костиевича о том, что он сильно проголодался, Фомин сказал, что с продовольствием им, должно быть, будет туговато. И они действительно нельзя сказать, чтобы уж так хорошо покормили его при их достатке. Но Костиевич видел, что они едят то же, что и он, и подумал, что он не может знать всех личных обстоятельств их жизни.

И эти мелочи не могли разрушить того общего благоприятного впечатления, какое Фомин произвел на Матвея Костиевича.

А между тем самый худший и последний из людей, к которому Матвей Костиевич мог бы пойти без всякого выбора, по чистой случайности, был бы лучше Игната Фомина. Потому что из всех людей, населявших город Краснодар, Игнат Фомин был самым страшным человеком, страшным особенно потому, что он уже давно не был человеком.

До 1930 года у себя на родине, в Острогжском округе, Воронежской области, Игнат Фомин, который вовсе не был тогда Игнатом Фоминим, слыл самым богатым и сильным человеком. Он владел непосредственно и через подставных лиц двумя мельницами, двумя конными машинами-лобогрейками, многими плугами, двумя веялками, молотилкой, имел три усадьбы, до десятка лошадей, шесть коров, несколько десятин плодового сада, пасеку до ста ульев, и кроме постоянно работавших у него четырех батраков он мог исподволь поль-

зоваться трудом крестьян из нескольких волостей, потому что во всех этих волостях было много людей, материально зависевших от него.

Он был богат и до революции, но еще богаче были два его старших брата, особенно старший брат, унаследовавший хозяйство отца. А Игнат Фомин, как самый младший, женившийся перед войной четырнадцатого года и выделенный отцом на самостоятельное хозяйство, был обижен им. Но после революции, вернувшись с германского фронта, Игнат Фомин очень ловко использовал свою, якобы, бедность — прикинулся обиженным старой властью человеком и проник во все органы советской власти и общественные органы села, начиная с комитета бедноты, как человек не только неимущий и революционный, но и беспощадный к врагам революции. Используя эти органы власти и то, что братья его были, как и он, действительно богатые и ненавидящие советскую власть люди, Игнат Фомин подвел под суд и высылку сначала самого старшего, а потом и второго брата, завладел их имуществом и пустил по-миру их семьи с малыми детьми, которых ему было не жаль, особенно потому, что своих детей у него не было и он не мог их иметь. Так он стал в округе тем, кем он был. И до самого 1930 года, несмотря на эти его богатства, многие представители власти считали его своеобразным явлением на советской почве, — богатым, но вполне своим человеком, так называемым культурным хозяином.

Но крестьяне ряда волостей, куда простиралось его влияние, знали, что это беспощадный кулак-кровопийца и страшный человек. И когда в тридцатом году стали создаваться колхозы и народ при поддержке власти начал раздвигать богатеев, на Игната Фомина, жившего тогда под старой собственной фамилией, обрушилась волна народной мести. Игнат Фомин лишился всего и подлежал высылке на север, но, как человека известного и, казалось, смиренного, местные власти не взяли его до высылки под стражу. А Игнат Фомин с помощью жены ночью убил председателя сельского совета и секретаря сельской ячейки: в эти дни председатель и секретарь жили не при своих семьях, а в помещении сельского совета, и в ночь, когда подстерег их Фомин, вернулись из гостей сильно выпившие. Фомин убил их и бежал вместе с женой сначала в Лиски, а потом в Ростов-на-Дону, где у него были свои верные люди.

В Ростове он купил документы на имя рабочего железнодорожных мастерских Игната Семеновича Фомина, документы, по которым он выглядел заслуженным рабочим человеком, выправил соответствующие документы и на жену свою. И так он появился в Донбассе, зная, что там очень нужны рабочие руки и не будут допытываться, кто он и откуда.

Он твердо верил в то, что рано или поздно дождется своего часа, а пока что наметил для себя определенную и ясную линию поведения. Прежде всего он знал, что должен трудиться на совесть: во-первых, потому, что так ему легче будет спрятаться, во-вторых, потому, что добросовестный труд, при его сноровке и умении, даст ему возможность жить в достатке, и, в-третьих, потому, что, как он ни был богат в прошлом, труд всегда был ему в привычку. А кроме того, он решил особенно не высовываться, не лезть в общественные дела,

а к начальству относиться с покорностью и, избави бог, никого не критиковать.

Так с течением времени этот человек-невидимка стал уважаем властями не только как прилежный, честный рабочий, но и как человек большой скромности и дисциплины. У него хватило выдержки ничем не изменить этой своей линии поведения, даже когда немцы подошли близко к Ворошиловграду. Он не сомневался в том, что немцы будут здесь. И только когда его спросили, не согласится ли он предоставить свою квартиру подпольной организации на случай прихода немцев, он чуть не выдал себя, такое им овладело чувство злорадства и наслаждения мстостью.

И даже то, что так понравилось Шульге,— что Фомин ходил у себя дома в пиджаке, и в галстучке, и при часах, объяснялось не его любовью к опрятности,— в обычное время он, как и все рабочие, одевался чисто, но в простую повседневную одежду,— а объяснялось тем, что он с часу на час ждал немцев и, желая понравиться им, вытащил из сундука все лучшее из того, что имел.

В то время, когда Стеценко находился сначала у старшего жандармского вахмистра Брюкнера, а потом у вахмистра Балдера, Матвей Костиевич лежал в том же бараке, на второй половине, в маленькой темной камерке, избитый и окровавленный.

В прошлом вся эта половина барака, состоявшая из нескольких камер и разделенная вдоль узким коридором, продолжением коридора, разделявшего служебные помещения милиции,— представляла собой единственное в Краснодоне место заключения.

Новый порядок — Ordnung — состоял в том, что теперь те несколько общих камер и несколько крохотных одиночек, которые составляли все помещение дома заключения, были битком набиты мужчинами, женщинами, подростками и стариками. Здесь были люди из города и из станиц и хуторов, задержанные по подозрению в том, что они советские работники, партизаны, коммунисты, комсомольцы, люди, поступком или словом оскорбившие немецкий мундир, люди, скрывшие свое еврейское происхождение, люди, задержанные за то, что они без документов, и просто за то, что они люди.

Людей этих почти не кормили и не выпускали не только на прогулку, но и по естественным надобностям. В камерах стояло невыносимое зловоние, и старые полы барака, давно тронутые грибок, были загажены, пропитаны мочою и кровью.

Но, как ни забыты были все камеры, Матвея Шульгу, или Евдокима Остапчука, под чьим именем он был арестован, поместили отдельно.

Он был избит еще, когда его брали: он оказал сопротивление и обнаружил такую физическую силу, что с ним долго не могли справиться. Потом его били здесь в тюрьме хауптвахтмайстер Брюкнер, вахтмайстер Балдер, ротенфюрер СС — Фенбонг и арестовавшие его начальник полиции Соликовский и немецкий полицейский Игнат Фомин, надеясь сразу же, пока он не пришел в себя, сломить его волю. Но если от Матвея Костиевича нельзя было ничего выведать в обычном состоянии, тем более нельзя было от него ничего выведать, когда он был в ожесточении борьбы.

Он был так силен, что и теперь, избитый и окровавленный, он

лежал не от изнеможения, а заставлял себя лежать, чтобы отдохнуть. Но если бы его снова взяли, он мог бы еще сражаться столько, сколько бы потребовалось.

У него саднило лицо, один глаз затек кровью. У него страшно ломило руку, по которой, выше кисти, его ударил железным прутом унтер Фенбонг. Душу Матвея Костиевича терзали представления того, как немцы где-то так же мучают его жинку, его детей, мучают из-за него, из-за Шульги, и нет уже никакой надежды, чтобы он когда-нибудь мог их спасти.

Но страшнее физической боли и этой душевной муки палило Костиевича сознание того, что он попал в руки врага, не выполнив своего долга, и что он сам в этом виновен.

То, казалось бы, естественное в его положении оправдание, что не он, а другие люди, плохо организовавшие дело, виноваты в его провале, только в самое первое время пришло ему в голову, но он тотчас же отбросил его, как ложное утешение слабых.

По опыту своей жизни он знал, что успех всякого общественного дела не может не зависеть от многих людей, среди которых найдутся и такие, кто плохо выполнит свою часть дела. Но только слабый духом и жалкий человек, будучи поставлен на чрезвычайное дело в чрезвычайных обстоятельствах и не выполнив его, способен жаловаться на то, что другие люди виноваты в этом. Внутренний чистый голос совести говорил ему, что он, особенный человек, с опытом прошлого подполья, потому и был выдвинут на это чрезвычайное дело в чрезвычайных обстоятельствах, чтобы своей волей, опытом, организационным навыком преодолеть все и всякие опасности, трудности, лишения, препятствия, в том числе и ошибки других людей, от которых зависело это дело. Вот почему Матвей Костиевич не мог винить и не винил никого в своем провале. И сознание того, что он не только провалился сам, а провалил все дело, страшнее и горше всякой иной муки терзало душу Костиевича.

Неумолкающий правдивый голос совести подсказывал ему, что где-то в чем-то он поступил неправильно. И он снова и снова мучительно перебирал в памяти своей мельчайшие подробности своих поступков и слов с того момента, как расстался с Иваном Федоровичем Проценко, и не мог найти, где, в чем и когда он поступил неправильно.

И в страшных мучениях, в тоске невыносимой душа его обращалась к Проценко и вопрошала:

— Ну, а ты ж, Иван Федорович? Як ты? Чи жив ты? Бьешь ли ты проклятых ворогов, пересилил ли ты их, перехитрил ли ты их? Или, может быть, так же, как и меня, терзают душу твою? А может, вороны уже клюют середь степу твои веселые очи?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Немцы окружили их на рассвете, а теперь уже солнце склонялось к вечеру.

Когда-то здесь был ручей, впадавший в Северный Донец. Ручей так давно пересох, что жители ближнего хутора Макаров Яр уже не помнили, когда здесь была вода. На месте ручья осталась лесистая

балка, узкая в вершине и все более широкая к устью, она имела форму треугольника, — лес широкой полосой выходил на самый берег Донца.

Иван Федорович лежал в низкорослых кустах на самом трудном участке обороны в вершине балки. Немецкая пуля скубанула его повыше правой зальсины, сняв кусочек кожи с волосами, кровь натекала на висок и запеклась, но Иван Федорович не чувствовал этого. Он лежал в кустах и стрелял из автомата, а рядом остывал другой автомат. Уже мало людей осталось вокруг.

Екатерина Павловна, жена Проценко, давно уже покинула своих раненых. Она лежала неподалеку от мужа с лицом строгим и бледным и тоже стреляла. Все движения ее были экономные, точные, полны скрытой энергии и незамечаемого ею самой природного изящества, — со стороны казалось, она управляет своим автоматом одними пальцами. Правее ее лежал старик Нарежный, колхозник из Макарова Яра, пулеметчик «старого германского бою», как определял он себя.

Тринадцатилетний мальчик, внук Нарежного, обложенный ящиками с патронами, заряжал диски. А позади ящиков, в ложбинке, не отпуская нагретую трубку телефона, адъютант командира, погибшего прошлой ночью, все время бубнил на своем условном языке:

— Мама слушает... мама слушает... Кто? Здорово, тетя! Мало слив? Возьми у племянника... мама слушает, мама слушает... У нас все в порядке. А у вас? Дальние родственники? Дайте им жару!.. Хорошо, я скажу... Сестричка! Сестричка! Сестричка!.. Ты что заснула? Братец просит подсобрать огоньком налево...

Если бы ночи не были такими лунными, можно было бы уйти вплавь на ту сторону Донца. Правда, партизанская база на той стороне, под станицей Митякинской, была давно обнаружена немцами и разграблена, — чудом уцелел только многострадальный «газик» Ивана Федоровича, спрятанный в старом глиняном карьере, вход в который был завален и замаскирован. И все-таки за рекой действовала другая немецкая администрация, там начиналась уже Ростовская область, легче было спрятаться, рассыпавшись по-двое, по-трое. Но ночи стояли светлые, как дни.

Была еще последняя надежда — с наступлением ночи прорваться в степь. Но если бы даже удалось прорваться в степь, хотя бы части отряда, дело все равно было проиграно. И сознание этого больше, чем чувство ответственности за жизни людей, чем представление собственной гибели, и гибели жены, терзало душу Ивана Федоровича.

Они начали неплохо — нет, совсем неплохо. Они истребляли оставших солдат и офицеров, жгли цистерны с бензином, захватывали обозы, ловили в селах немецких сельскохозяйственных администраторов. В непосредственной близости от Ворошиловграда они произвели переполох в движущихся на восток немецких войсках и в их тылу.

Но несколько дней назад части СС оцепили и прочесали всю местность в прилегающем к Донцу четырехугольнике — Ворошиловград, Краснодар, Гундоровская, Макаров Яр. И отряд был захвачен в этой лесистой балке, как в ловушке.

На десятки верст по эту сторону Донца тянулась степь, так густо заселенная, что рудники, хутора, станицы почти примыкали одни к дру-

им. Партизанские отряды, созданные по слепому подражанию отрядам лесных местностей или таких, где были широкие незаселенные степные пространства,—отряды этого типа были непригодны в густонаселенном промышленном Донбассе.

Мысль эта сверлила и мучила Ивана Федоровича, но он не только не имел права поделиться этой мыслью с кем-либо, даже с женой, он должен был сохранять видимость того, что все идет так, как было предусмотрено.

Лежа в кустах, маленький, складный, уже обросший мягкой темной мужицкой бородой, Иван Федорович исправно бил по противнику и перекидывался шутками со стариком Нарезным. Как ни тяжело было их положение, оба они были довольны и взаимным соседством, и, нельзя сказать чтобы уж очень сложным, разговором, который вели между собой.

Примерно через каждые полчаса Иван Федорович с посверкивающей в глазах его лукавой искрой говорил:

— Ну як, Корний Тихонович, трошки жарко?

На что Корней Тихонович не оставался в долгу и отвечал:

— Та не можу сказать, шоб прохладно, но ще и не жарко, Иван Федорович.

А если немец особенно наседал, Иван Федорович говорил:

— Коли б вин мав миномети, да підкинув бы нам огурков, вот годи б нам дюже жарко було! А? Корний Тихонович?

На что Корней Тихонович опять-таки не оставался в долгу и спокойно отвечал:

— Шоб такий лис закидать, треба багато огурков, Иван Федорович...

В лице у Нарезного было что-то молдавское, даже турковатое: борода с курчавинкой, черная, смолистая, глаза черные, быстрые, с огоньком, и весь он, подсушенный, как стебель на солнце, с широкими сильными сухими плечами и сильными загорелыми руками, при кажущейся медлительности движения, был полон скрытого огня.

Отряд, над которым, после гибели его командира, Проценко принял командование, состоял частью из людей, заранее оставленных в области, главным образом рабочих заводов, студентов, милиционеров, частью из примкнувших к ним колхозников окружных хуторов и станиц, людей пожилых и подростков. И старик Нарезный был дорог Проценко особенно потому, что он сам пришел в отряд, никем не привлеченный, пришел с вюком — сыном своего сына, находившегося на фронте.

— Ну як, Корний Тихонович, трошки жарко? — в который уже раз спросил Иван Федорович.

И вдруг оба они сквозь вихрь автоматного огня услышали нарастающий издали со стороны Макарова Яра стрекот моторов. На секунду они даже перестали стрелять.

— Чуешь, Корний Тихонович?

— Чую.

Иван Федорович предостерегающе повел глазами в сторону жены и вытянул губы в знак молчания.

По дороге, не видимой отсюда, двигался на подмогу немцам отряд мотоциклистов. Должно быть, его слышали в разных местах балки. Телефон лихорадочно заработал.

Солнце уже закатилось, но луна еще не взошла, и сумерки не надвинулись, и тени ушли, в небе еще тлели множественные тихие светлые краски, переходящие одна в другую, и на земле — на кустах и деревьях, на лицах людей, на оружии и разбросанных по траве расстрелянных гильзах — на всем лежал этот странный меркнувший свет готовый вот-вот быть поглощенным тьмою. Всего несколько мгновений стояла эта неопределенность — ни день, ни вечер — и вдруг точно какая-то сумеречная изморозь или роса начала рассеиваться в воздухе, оседала на кустах и на земле и мгновенно густела.

Иван Федорович взглянул на часы.

— Пора тикать... Терехин! У двадцать один ноль-ноль... — не оборачиваясь, сказал он адъютанту у телефона.

У Ивана Федоровича было условлено с командирами групп партизан, рассеянных по роще, что по его сигналу все группы сходятся в ложбине, выходящей в степь, у старого граба. Отсюда они должны были пойти на прорыв. Этот момент уже напевал.

Чтобы обмануть бдительность немцев, две группы партизан, оборонявшие рощу у самого Донца, должны были задержаться долее других и продемонстрировать последнюю отчаянную попытку переправиться через реку. Иван Федорович быстро огляделся, ища, кого бы к ним послать.

Среди партизан, оборонявших вершину балки, находился один краснодонский парень, комсомолец Евгений Стахович. До прихода немцев он учился в Ворошиловграде на курсах командиров ПВХО. Он выделялся среди партизан своим развитием, сдержанными манерами и очень ранне сказывающимися навыками общественного работника. Иван Федорович не доверяя явкам, данным ему Шульгою, предполагал использовать Стаховича для связи с краснодонским подпольем. И вот слева от себя Иван Федорович увидел его бледное лицо и мокрые растрепавшиеся светлые волосы, которые в другое время небрежными пышными волнами лежали на его горделиво вскинутой голове. Парень сильно нервничал, но из самолюбия не отползал в глубь балки. И это понравилось Ивану Федоровичу. Он послал Стаховича.

Евгений Стахович, насильственно улыбнувшись, пригибаясь худым телом к земле, побежал к берегу реки.

— Гляди ж, Корний Тихонович, не задержись, — сказал Проценко отважному старику, оставшемуся с группой партизан прикрывать отход.

С того момента, как партизаны, спрятавшиеся у самой реки, начали демонстрировать переправу через Донец, здесь, на берегу Донца, сосредоточились главные силы немцев и весь неприятельский огонь был направлен на эту часть леса и на реку. Командовал этими группами партизан начальник штаба отряда, пожилой человек, в прошлом военный.

Получив через Стаховича приказ Проценко, начальник штаба отправил большую часть партизан на сборный пункт, в ложбину, а сам во главе двенадцати человек остался прикрывать отход. Стаховичу очень хотелось уйти вместе с другими, но ему неловко было, и он, пользуясь тем, что никто не следит за ним, залег в кусты, уткнувшись лицом в землю и подняв воротник пиджака, чтобы хоть немного закрыть уши.

В какие-то мгновения не столь оглушающего средоточия огня можно было слышать резкие выкрики немецкой команды. Отдельные группы немцев уже вклинились в лес, где-то со стороны Макарова Яра.

— Пора, хлопцы,— вдруг сказал начальник штаба.— Айда, бегом!..

Партизаны разом прекратили огонь и бросились за командиром. Несмотря на то, что неприятель не только не убавил огня, а все усиливал его, партизанам, бежавшим по лесу, казалось, что наступила абсолютная тишина. Они бежали, что было силы, и слышали дыхание друг друга. Но вот в ложбине они увидели скрытно залегшие одна возле другой темные фигуры своих товарищей. И, пав на землю, уже ползком примкнули к ним.

— А, дай вам боже! — одобрительно сказал Иван Федорович, стоявший у старого граба.— Стахович тут?

— Тут,— не подумав, отвечал начальник штаба.

Партизаны переглянулись и не обнаружили Стаховича.

— Стахович! — тихо позвал начальник штаба, взглядываясь в лица партизан в ложбине. Но Стаховича не было.

— Та вы, хлопцы, може, до того очумели, шо не бачили, як его вбило! А може, кинули его десь раненого! — сердился Проценко.

— Что я, мальчик, что ли, Иван Федорович! — обиделся начальник штаба.— Как мы с позиции уходили, он был с нами, целехонек. А бежали мы по самой гущине и не теряли друг друга...

В это время Иван Федорович увидел скрытно подползавшую к нему сквозь кусты гибкую, несмотря на преклонный возраст, фигуру Нарезного, за ним тринадцатилетнего внука его и еще несколько бойцов.

— Ах ты, сердяга! Друг! — обрадованно воскликнул Иван Федорович, не в силах скрыть своих чувств.

Вдруг он обернулся и тоненько, слышно для всех протянул:

— Гото-овсы!..

В позах партизан, припавших к земле, появилось что-то рысье.

— Катя! — тихо сказал Иван Федорович.— Ты ж не отставай от меня.. Если я когда... Если было что... — Он махнул рукой.— Прости меня...

— Прости и ты... — Она чуть наклонила голову.— Если ты останешься жив, а со мной...

Он не дал ей договорить и сам сказал:

— Так и со мной... Детям расскажешь.

Это было все, что они успели сказать друг другу. Проценко тоненько крикнул:

— Вперед!

И первый выбежал из ложбины.

Луна, высунувшаяся из-за края степи, осветила как бы песшнеся низко над степью две цепочки людей, построившихся на бегу клином с вожаком во главе, как караван диких гусей.

Они не могли дать себе отчета в том, сколько их осталось и сколько времени они бежали. Кричать уже не было силы, казалось, не было уже ни дыхания, ни сердца, бежали молча, иные еще стреляя на бегу, другие, побросав автоматы, чтобы легче было бежать. Иван Федорович, оглядываясь, видел Катю, Нарезного, его внука, и это придавало ему силы.

Вдруг где-то позади и справа по степи раздался рев мотоциклов он далеко разнесся в ночном воздухе. Звуки моторов возникли уж где-то впереди, они обступали бегущих со всех сторон.

Одно мгновение Ивану Федоровичу казалось, что все кончено: единственным выходом для них было залечь в круговую оборону здесь посреди степи, и погибнуть с честью!

Но инстинкт подсказал людям другое: рассыпаться, уйти в землю проползти неслышно, как змеи, пользуясь зыбким светом луны и изрезанным рельефом местности. И люди исчезли из глаз один за другим.

Не прошло и нескольких минут, как Иван Федорович, Катя, Нарезный и внук его остались одни в степи, залитой светом луны. Они оказались среди колхозных бахчей, простиравшихся на несколько га вперед и вверх и, должно быть, по ту сторону длинного холма, вырисовывавшегося своим гребнем на фоне неба.

— Обожди трохи, Корний Тихонович, бо вже нечем дихати! — И Иван Федорович бросился на землю.

— Соберитесь с силами, Иван Федорович, — стремительно склонившись к нему и жарко дыша ему в лицо, заговорил Нарезный. — Не можно нам отдыхати! За той горкою село, там я людей знаю, спрячут нас..

И они поползли бахчами за Нарезным, который изредка оборачивал на Ивана Федоровича и на Катю кремневое лицо свое с пронзительными глазами и черной курчавой бородой.

Они выползли на гребень холма и увидели перед собой село с белыми хатами и черными окнами, — оно начиналось метрах в двухстах от них. Бахчи тянулись до самой дороги, пролежавшей вдоль плетней ближнего ряда хат. И почти в тот самый момент, как они выползли на гребень холма, по этой дороге промчалось несколько немецко-мотоциклистов, свернувших в глубь села.

Огонь автоматов попрежнему вспыхивал то там, то тут, — иногда казалось, что кто-то стрелял в ответ, и эти раскатистые звуки в ночи отзывались в сердце Ивана Федоровича болью и мраком. Внук Нарезного, совсем не похожий на деда, белесый, иногда робко и вопросительно подымал на Ивана Федоровича детские глаза, и трудно было смотреть в эти глаза.

На селе слышны были резкие удары прикладов о двери, немецкая ругань. То наступала тишина и вдруг доносился детский вскрик или женский вопль, переходивший в плач и снова вздымавшийся до вопля, — мольбы в ночи. Иногда и в самом селе, и мимо него, и совсем в стороне взрывались мотоциклы — один, несколько, а то, казалось, целый отряд движется. Луна во-всю сияла на небе. Иван Федорович, Катя, у которой саднила нога, натертая сапогом, и Нарезный с внуком — все лежали на земле, мокрые и съжившиеся от холода.

Так дождались они, когда все стихло и на селе, и в степи.

— Ну, пора, бо станет светати, — шепнул Нарезный. — Будем ползти по-одному, друг за дружкой.

По селу слышны были шаги немецких патрулей. Изредка то там то здесь вспыхивал огонек спички или зажигалки. Иван Федорович и Катя остались лежать в бурьяне позади хаты где-то в центре села а Нарезный с внуком перелезли через плетень. Некоторое время их не слышно было.

Запели первые петухи. Иван Федорович вдруг усмехнулся.

— Ты что?— шопотом спросила Катя.

— Немцы всех петухов порезали, два-три на все село поют!..

Они впервые внимательно, осмысленно посмотрели друг другу в лицо и улыбнулись одними глазами. И в это время послышался шопот из-за плетня:

— Где вы? Идите до хаты...

Высокая худая женщина, сильной кости, повязанная белой хусткой, высматривала их через плетень. Черные глаза ее сверкали при свете луны.

— Вставайте, не бойтесь, нема никого,— сказала она.

Она помогла Кате перелезть через плетень.

— Как вас зовут?— тихо спросила Катя.

— Марфа,— сказала женщина.

— Ну, як новий порядок?— угрюмо спрашивал ее Иван Федорович, когда и он, и Катя, и старик Нарезный с внуком уже сидели в хате за столом при свете коптилки.

— А новый порядок ось який: прихав до нас нимец з комендатури и наложив шість литрив молока з корови у день, та девять штук яец з курици в мисяць,— застенчиво и в то же время с какой-то диковатой женственностью покашываясь на Ивана Федоровича своими черными красивыми глазами, сказала Марфа.

Ей было уже лет под пятьдесят, но во всех движениях ее, с какими она подавала на стол еду и убирала посуду, было что-то молодое и ловкое. Чисто прибранная, беленая хата, украшенная вышитыми рушниками, была полна ребят, мал-мала меньше. Старший ее сын, четырнадцати лет, и дочь, двенадцати, поднятые с постелей, дежурили теперь на улице.

— Як два тиждни, так и нове завдання сдавать худобу. Ось, дивитесь, у нашему сели не бильше, як сто дворив, а вже в другий раз получили завдання на двадцять голив худобы, ото вам и нови порядок,— говорила она.

— Та ты ж не горюй, титко Марфа! Мы знаемо их ще по осьмнадцатому року. Вони як прийшли быстро, так и уйдуть!..— сказал Нарезный и вдруг захохотал, показав крепкие зубы. Его турковатые глаза на кремнистом загорелом лице мужественно и лукаво сверкнули.

Иван Федорович искоса взглянул на Катю, строгие черты лица которой распустились в доброй улыбке. После многих суток боев и этого страшного бегства, такою молодой свежестью повеяло на Ивана Федоровича и на Катю от двух этих уже не молодых людей.

— А що ж я бачу, титко Марфа, як вони вас ни обдирають, а у вас ще е трошки?— лукаво подмигнув Нарезному, сказал Иван Федорович, указав кивком головы на стол, на который Марфа «от щирого сердца» выставила и творог, и сметану, и масло, и яичницу на сале.

— Хиба ж вы не знаете, що у доброй украинской хати, як бы ни шуровав, всего ни съисти, ни скрасти, поки жинку не убьешь!— отшутилась Марфа с таким девическим смущением, до краскы в лице, и с такой грубоватой откровенностью, что и Иван Федорович, и Нарезный прыснули в ладоши, а Катя улыбнулась.— Я ж усе заховала!— засмеялась и Марфа.

— Ах ты ж, умнесенька жинка! — сказал Проценко и покрутил головой. — Кто ж ты теперь — колхозница чи единоличница?

— Колхозница, вроде як в отпуску, поки немцы не уйдуть, — сказала Марфа. — А немцы считают нас ни за кого. Всю нашу колхозную землю вони считают за германским... як воно там — райхом? Чи в оно там, Корний Тихонович?

— Та райхом, нехай ему! — с усмешкой сказал старик.

— На сходи зачитывали якуюсь-то там бумагу, — як его там, Розея берга, чи як его там, злодия, Корний Тихонович?

— Та Розенберга ж, хай ему! — отвечал Нарежный.

— Ций Розенберг каже, що колись получим землю у единоличном пользованне, та не уси, а хто буде добро робити для германского райха и кто буде мати свою худобу, та свий инвентарь. А який же там, бачити инвентарь, коли вони гонють нас колхозну пшеницу жати серпами, хлеб забирають для своего райха. Мы, бабы, вже одыкли серпами жати. Выйдемо на поле, ляжемо пид пшеницу от сонця, та спим...

— А староста? — спросил Иван Федорович.

— А староста у нас свий, — отвечала Марфа.

— Ах ты, умнесенька жинка! — снова сказал Проценко и снова покрутил головой. — А де ж чоловік твий?

— Деж вин? На фронти. Мий Гордий Корниенко на фронти, — серьезно сказала она.

— А скажи прямо: вон у тебя сколько детей, а ты нас прячешь, — неужто не боишься за себя и за них? — вдруг по-русски спросил Иван Федорович.

— Не боюсь, — так же по-русски отвечала она, прямо взглянув на него своими черными молодыми глазами. — Пусть рублять голову. Не боюсь. Знать буду, за що пойду на смерть. А вы мне тоже скажите: вы с нашими, с теми, что на фронте, связь отселя имеете?

— Имеем, — отвечал Иван Федорович.

— Так скажите ж нашим, пусть вони бьются до конца. Пусть наши мужья себя не жалиють, — говорила она с убежденностью простой честной женщины. — Я так скажу: може, наш батько, — она сказала «наш батько» как бы от лица детей своих, имея в виду мужа, — може, наш батько и не вернется, може, вин сложит свою голову в бою, мы будем знать за що! А коли наша власть вернется, вона будет отцом моим дитям!..

— Умнесенька жинка! — в третий раз нежно сказал Иван Федорович, наклонил голову и некоторое время не подымал ее.

Марфа оставила Нарежного с внуком ночевать в хате: оружие их она спрятала и не боялась за них. А Ивана Федоровича и Катю она проводила в заброшенный, поросший сверху бурьяном, а внутри холодный, как склеп, погреб.

— Трошки будет сыро, да я вам прихватила два кожушка, — застенчиво говорила она. — Ось, сюда, тут солома...

Они остались одни, и некоторое время молча сидели на соломе в полной темноте.

Вдруг Катя теплыми руками обхватила голову Ивана Федоровича и прижала ее к своей груди.

И что-то мягко распустилось в душе его.

— Катя! — сказал он. — Это все придется начинать сначала. Да, все, все сначала, — в сильном волнении говорил он, высвобождаясь из ее объятий. — Видать, вони, кто це дило организовал, Нат Пинкертон читали, а не наши бильшовицки книги! Мы в народе найдем тысячи таких людей, як Нарезный, як Марфа, тысячи тысяч!... Не-ет! Пускай этот Гитлер оглупил целу немецку нацию, — на то ж вони и немцы! А не думаю я, шоб вин передурив Ивана Проценка, не може того бути! — яростно говорил Иван Федорович.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

В эти дни, месяцы, годы во всех местах, занятых немцами, где, казалось им, уже безраздельно господствуют гаулейтеры и фельдкоменданты, группенфюреры и зондерфюреры, жандармские вахмистры и бургомистры, старосты и полицейские, происходило не видимое глазу подспудное, подводное, непрерывное движение народа.

Как, незаметно для человеческого глаза, под корнями деревьев и грав, по трещинам и капиллярным сосудам земли, под почвой, бесшумно, непрерывно сочатся в разных направлениях грунтовые воды, как под властью немцев степными, лесными, горными тропами, балками, под крутыми берегами рек, по улицам и закоулкам городов и сел, по людным базарам и черным ночным яругам двигались с места на место миллионы мужчин, женщин, детей, стариков всех национальностей, населяющих нашу землю.

Согнанные с родных мест, вновь возвращающиеся на родные места, ищущие таких мест, где их не знают, пробирающиеся через рубежи фронта на свободную советскую землю, выбирающиеся из окружения, бежавшие из немецкого плена или из концентрационных лагерей, просто брошенные нуждою на поиски одежды и пищи, поднявшие оружие для борьбы с угнетателем — партизаны, подпольщики диверсанты, агитаторы, разведчики в тылу врага, разведчики отступившей великой армии великого народа, — они идут — идут, неисчислимы, как песок...

По степной дороге под солнцем идет человек. Он в простой крестьянской одежде, у него темная мягкая мужицкая борода, за плечами у него грубый полотняный мешок. Так же, как он, идут тысячи, тысячи... Как узнать, кто он? У него синие глаза, но разве можно всем заглянуть в глаза и разве все можно узнать по глазам? Может быть, в них поскакивают чертовские искры, а к господину вахтмайстеру или даже хауптвахтмайстеру они обернутся самыми обыкновенными человеческими глазами.

Человек с темной бородой в одежде крестьянина входит в город Ворошиловград и теряется в уличной толпе. Зачем он пришел в город? Может быть, он несет в мешке на базар масло, или творог, или утку, чтобы обменять это на гвозди, на бязь или на соль. А может быть, это самый страшный человек, способный подорвать власть самого советника седьмого отдела фельдкомендатуры доктора Шульца.

Юноша худой, съезжившись, спит в низинке в степи, солнце пригревает его, и от одежды его поднимается пар. Солнце подсушило мокрый след на траве, который юноша оставил за собой после того как

...из реки. как же он устал, плывя по реке, если он заснул в степи ночью в мокрой одежде!

Но когда солнце начинает калить, юноша просыпается и идет. Светлые волосы его высохли и сами собой небрежными живописными волнами легли на его голове. Вторую ночь он ночует в шахтерском поселке в случайной квартире, где ему дают приют, потому что с почтой земляк: он из Краснодона, он учился в Ворошиловграде, а теперь возвращается домой. И он свободно среди бела дня входит в Краснодар. Он не знает что с его родителями, не стоят ли у них на квартире немцы, и поэтому он идет сначала к своему товарищу по школе, Володе Осьмухину.

У Володи стояли немцы, но сейчас их нет.

— Женья!.. Откуда ты?..

Но товарищ Володи в обычной своей несколько горделивой и официальной манере говорит:

— Ты мне скажи сначала, чем ты дышишь...

Это старый товарищ Володи, активный комсомолец, Евгений Стахович, перед ним нечего таиться, и Володя рассказывает ему все, что касается лично Володи.

— Так...— говорит Стахович.— Это хорошо. И другого от тебя не ждал...

Он говорит это с оттенком покровительства. Но, должно быть, он имеет на это право. Он не только жаждет приобщиться к подпольной борьбе, как Володя. Он уже сражался в партизанском отряде, и он официально послан штабом, чтобы организовать дело в Краснодоне.

— Здорово!..— с уважением говорит Володя.— Мы немедленно должны пойти к Олегу...

— А кто такой этот Олег?— самолюбиво спрашивает Стахович, потому что Володя произносит имя Олега с большим уважением.

— Это, брат, такой парень!..— неопределенно говорит Володя.

Нет, Стахович не знает Олега. Но если это ценный парень, почему бы к нему и не пойти?

Человек с военной выправкой, одетый в штатское, тихо стучит в дверь квартиры Борца.

Дома только одна маленькая Люся. Мама ушла на рынок обменять кое-что из вещей на продукты, а Валя... Нет, дома находится еще папа, но это и есть самое страшное. Папа в своих темных очках мгновенно прячется в гардероб. А Люся с замиранием сердца, приняв взрослое выражение, подходит к двери и спрашивает как можно независимее

— Кто там?

— Валя дома?— приятным застенчивым тенорком спрашивает из-за двери мужской голос.

— Ее нет!..— Люся притихла в ожидании.

— А вы откройте, не бойтесь,— говорит тот же голос.— Кто это говорит со мной?

— Люся.

— Люся? Валина сестренка? Вы откройте, не бойтесь...

Люся открывает. На крыльце стоит не знакомый ей высокий, стройный и скромный юноша. Люся воспринимает его как взрослого муж

...ину. У него хорошие глаза и мужественная складка очень худого лица.

— Скоро она вернется? — вежливо спрашивает он.

Люся принимает этот знак уважения серьезно и благосклонно.

— Не знаю, — говорит она, снизу вверх серьезно глядя в глаза этому мужчине.

В лице у него разочарование. Некоторое время он стоит молча, потом снова берет под козырек. Но едва он по-солдатски поворачивается, чтобы идти, Люся быстро спрашивает:

— А что передать?

В глазах у него мгновенно возникает насмешливое выражение, но он говорит совершенно серьезно:

— Передайте, что жених приходил...

И сбегает с крыльца.

— И вы сразу уходите? А как она вас найдет? — в волнении горлопанию говорит Люся вслед ему.

Но она говорит это слишком робко и слишком поздно. Он уже удаляется по Деревянной улице в сторону к поезду.

У Вали жених... Люся взволнована. Конечно, она не может рассказать об этом папе. Об этом невозможно рассказать и маме. «Никто же его у нас в доме не знает!.. Но, может быть, они еще не женятся?» — успокаивает себя Люся.

Молодые люди — двое юношей, почти мальчиков, и две девушки — гуляют в степи. Почему в такое страшное время, когда решительно никто не гуляет, двое юношей и две девушки гуляют в степи? Они гуляют в будний день в рабочее время, очень далеко от города. Но, с другой стороны, гулять никем не запрещено...

Они гуляют попарно, юноша, с жесткими, светлыми, чуть курчавыми волосами, босой, ловкий и быстрый в движениях, и загорелая девушка с голыми, покрытыми пушком ногами и светлорусыми золотящимися косами; другой юноша, белоголовый, маленький, веснучатый, и с ним девушка, тихая, не броско одетая, с умными глазами, — ее зовут Тося Машенко. Пары то расходятся далеко-далеко, то опять сходятся в одно место. Они гуляют неумоимо с утра до вечера, страдая от жажды, под слепящим солнцем, от которого у белоголового юноши (становится втрое больше веснушек. И всякий раз приносят что-нибудь в руках и в карманах: патроны, гранаты, иногда немецкое ружье, револьвер, русскую винтовку. В этом нет ничего удивительного: они гуляют в районе последних боев отступившей Красной Армии, возле станции Верхнедудуванной. Вместо того чтобы снести это оружие немецкому коменданту, они сносят его в одно скрытое место у рощи и зарывают. Но их никто не видит.

Однажды паренек, быстрый в движениях, который всеми коноводит, находит заряженную мину и на глазах девушки с светлорусыми косами, с необыкновенной точностью орудия шустрыми пальцами, разряжает эту мину. Несомненно в этом районе должно быть много мин. Он научит всех, как их разряжать. Мины тоже пригодятся.

Девушка с светлорусыми золотящимися косами возвращается домой вечером, сильно загоревшая, усталая, возбужденная, — и это уже не первый вечер. Люсе удастся на минутку увлечь ее в садик. Пoble-

скивая в темноте белками глаз, Люся страшным шопотом сообщает ей о женихе.

— Какой жених? Что ты мелешь?— сердито говорит Валя, немного растерявшись.

Мысль о том, что, может быть, это шпион, подсланный немцам и противоположная мысль, что это представитель подпольной большевистской организации, узнавший о деятельности Вали, разыскивает ее, оба эти предположения быстро отпадают. Хотя Валя начинена литературой приключений, как мина взрывчатым веществом, она человек реального, практического склада, как все ее поколение. Она перебирает в памяти всех своих знакомых. И вдруг ее точно озаряет: «Жених...» Ну конечно! Это Ваня Туркенич... Весна прошлого года... Прощальный спектакль драмкружка в клубе имени Ленина,— проводы Туркенича в Севастопольское зенитно-артиллерийское училище. Он — в роли жениха, Валя — невесты...

Ваня Туркенич! Обычно он всегда играл роли комических стариков. Конечно, здесь не Московский Художественный театр. «Моя установка такая,— говорил Ваня,— зритель от первого ряда до последнего должен сидеть мокрый от хохота». И это ему вполне удавалось. В чем бы он ни выступал, в «Бесталанной» или «На перши гули», он неизменно гримировался под садовника Данилыча. Но ведь он же на фронте, как же он мог очутиться в Краснодаре? Он же лейтенант Красной Армии. Прошлой зимой он заезжал домой по дороге в Сталинград, куда его послали учиться стрелять из зенитных пушек по танкам.

— Вечно ты, мама, ну какое тебе дело? Я не хочу ужинать! И Валя мчится к Олегу.

Туркенич в Краснодаре!

Маленькая беленькая девушка идет через всю большую землю. Она прошла уже всю Польшу и всю Украину, песчинка в неисчислимом людском песке, заблудившееся семечко, взметенное вихрем войны. Теперь доходит она до Первомайки и стучится в окно маленького домика. «Если среди сестер Ивановых ты видишь одну беленькую, то знай, что это сестры Ивановны».

Лиля Ивановна, пропавшая без вести на фронте, вернулась по родной кров.

Уля узнала об этом от Майи Пегливановой и Саши Бондаревы. Вернулась Лиля, добрая, веселая Лиля, душа их компании, первая из них оторвавшаяся от семьи и подруг, первая окунувшаяся в этот страшный мир борьбы, пропавшая без вести, уже похороненная и вновь воскресшая.

И все три подруги — тоненькая, с мальчишескими ухватками, Саша Бондарева, смуглая, как цыганка, Майя с самолюбиво вывернутой нижней нижней губкой, всегда деятельная и даже при немецком господстве несколько не утратившая привычки всех поправлять и всех воспитывать, и Уля со своими волнистыми черными косами, выпущенными в грудь поверх темносинего, в белую крапинку, простого платья, почтеннейшего, оставшегося после немецких солдат, строго обрисовывающего ее высокий, стройный, гибкий стан,— все три подруги побежали к Ивановым, жившим в центре поселка, недалеко от школы.

Было даже странно бежать по поселку, в котором не осталось ни одного немецкого солдата. Девушками овладело чувство свободы, они сами не заметили, как оживились. В черных глазах Ули заблестела веселая и такая неожиданный на ее лице озорная улыбка, и эта улыбка вдруг словно отразилась на лицах подруг и на всем, что их окружало.

Едва они поравнялись с зданием школы, в глаза им бросился наклеенный на одной створке большой школьной двери яркий красочный плакат. Точно по уговору, девушки разом взбежали на крыльцо.

На плакате была изображена немецкая семья: улыбающийся пожилой немец в шляпе, в рабочем переднике и в полосатой сорочке с галстуком бабочкой, с сигарой в руке и белокурая, тоже улыбающаяся моложавая полная женщина, в чепчике и розовом платье, окруженная детьми всех возрастов, начиная от толстого годовалого, с надутыми щеками мальчика и кончая белокурой девушкой с голубыми глазами. Они стоят у дверей сельского домика с высокой черепичной крышей, по которой гуляют зобатые голуби. И этот мужчина, и женщина, и все дети, из которых младший даже протягивает ручонки, улыбаются навстречу идущей к ним, с белым эмалированным ведром в руке девушке в ярком сарафане, в белом кружевном переднике, в таком же чепчике и в изящных красных туфельках, полной с сильно вздернутым носом, неестественно румяной и тоже улыбающейся так, что все ее крупные белые зубы наружу. На дальнем плане картины рига и хлев под высокой черепичной крышей с прогуливающимися голубями, кусок голубого неба, кусок поля с колосющейся пшеницей и большие пятнистые коровы у хлева.

Внизу плаката написано по-русски: «Я нашла здесь дом и семью». А ниже, справа: «Катя».

На другой половине двери наклеены были два объявления. Одно поменьше, приказ об обязательной регистрации всех трудоспособных жителей от пятнадцати до шестидесяти лет. А второе, побольше, призыв к молодежи на работу в Германию. Объявления отпечатаны были типографским способом, и под ними стояли подписи бургомистра города Стеценко и директора биржи труда обер-лейтенанта Шприк.

Уля, Майя и Саша особенно сблизилась между собой за то время, что в городе стояли немцы. Они даже ночевали одна у другой, когда у кого-нибудь из них останавливались немцы на постой, а квартира какой-либо из подруг была свободна. Но за все это время они, точно по молчаливому соглашению, как бы чувствуя, что еще не созрели для этого, не говорили друг с другом по самому большому и главному вопросу их жизни, — о том, как жить при немцах. Так и теперь, они только переглянулись и молча сошли с крыльца и так же молча, не глядя друг на друга, пошли к Иванихиным.

Снявшая от счастья младшая из сестер, Тоня, со своими длинными ногами еще не девушки и уже не девочки, со своим крупным носом и толстыми прямыми волос, выбежала из домика навстречу им.

— Девочки! Слыхали? Боже, я так рада! — заговорила она, сразу увлажняясь слезами.

В доме полно было девушек. Среди них Уле бросились в глаза недавно вернувшиеся в город сестры Иванцовы, Оля и Нина, которых она не видела уже много месяцев.

Но что случилось с Лилей! Вся она со своими светлыми волосами, добрыми-добрыми веселыми глазами была такая беленькая, чистая, милая, круглая, как сдобная. Теперь она стояла перед Улей, опустив вдовы высохшего тела беспомощные руки, ссутулившись. Бледное личико ее подернулось нездоровым загаром, один крупный похудевший нос выделялся на лице ее, да глаза смотрели с прежним добрым выражением. Нет, не прежним!

Что-то дрогнуло у Ули в лице. Она молча, порывисто обняла Лилю и долго не отпускала ее, прижав ее личико к своей груди. А когда Лилия отняла лицо свое от груди Ули, в нем не было выражения рамягченности. Добрые глаза Лилии глядели с каким-то нездешним, с чужденным выражением, как будто то, что Лилия пережила, так отделило ее от подруг детства, что она не могла уже разделять с ними их обычные повседневных чувств, как бы сердечно и бурно они ни выражались.

Но в это время Саша Бондарева перехватила Лилию и завертела ее по комнате.

— Лилька! Ты ли это?.. Лилечка, дружочек, золотко мое! Как же ты исхудала! Но ничего, ничего ничего, мы тебя откормим, счастье что ты нашлась. Лилечка, счастье наше! — говорила Саша со своей восторженной стремительной манерой выражения чувств и кружила Лилию по комнате.

— Да отпусти ты ее! — смеялась Майя, самолюбиво вывернув нижнюю полую своевольную губку. И она тоже обняла Лилию и расцеловала ее. — Рассказывай, рассказывай, — тотчас же сказала Майя.

И Лилия, усевшись на стул в центре кружка девчат, сдвинувших к ней, продолжала рассказывать спокойным, тихим голосом:

— Правда, нам трудно было среди мужчин, но я была рада, потому что рада, а просто счастлива, что меня не разлучили с нашими ребятами из батальона. Ведь мы же все отступление прошли вместе столько людей потеряли, — мы, те, что остались, мы знали уже друг друга по именам... Знаете, девочки, всегда жалко, когда гибнут свои люди. Но когда в ротах по семь-восемь человек в строю и всех знаешь по именам, тогда каждого, как родного, отрываешь от сердца. Помню, в прошлом году меня привезли в Харьков, раненую, положили в хороший госпиталь, а я все думаю: «Ну, как же они там в батальоне без меня?» Каждый день письма писала, и мне все писали, и отдельные и коллективные, а я все думала: «Когда же, когда же...» Потом мне отпуск дали, а после отпуска я должна была в другую часть, а упросила коменданта, и он меня устроил в эшелон к нашим... Я в Харькову все пешком ходила, потому что один раз села в трамвай, так расстроилась — люди друг дружку толкают, оскорбляют, и я, из-за себя, а за них за всех расстроилась, — даже неудобно: военная а у меня слезы текут, а мне вдруг так обидно и жалко стало за людей. «Ах, если бы вы знали, — думала я, — как у нас на фронте каждый день гибнут люди, тихо, без лишних слов, как они друг друга берегут, а берегут самих себя, а ведь это же ваши мужья, отцы, сыновья... Если бы вы только вдумались в это, вы бы, вместо того чтобы грубить, оскорблять друг друга, вы бы должны были уступать друг другу дорогу, говорить самые ласковые слова, а если кого-нибудь невзначай обидели, утешить, погладить по головке...»

Она рассказывала все это ровным, тихим голосом, глядя не на подруг, а куда-то сквозь них, а они, притихшие, подавшись к ней, слушали, не отводя от нее просветленных глаз.

— Жили мы в лагере прямо под небом. Дождь идет, так под дождем трусимся; кормили нас одной баландой на отрубях; а то на картофельной шелухе, а работа все ж таки тяжелая — дороги копать; ребята наши таяли, как свечки. День за днем, день за днем, а многих уж нет. Мы, женщины, — Лиля так и сказала: «Мы, женщины», а не девушки, — мы, женщины, все ж таки выдерживали дольше, чем мужчины. Там был один наш парень из батальона, сержант Федя, я с ним дружила, очень дружила, — тихо сказала Лиля, — и он все шутил про нас, про женщин: «У вашей сестры внутренний запас». А сам он, когда нас уже стали перегонять в другой лагерь, сам-то уж он не выдержал, и его конвойный пристрелил. Но он не сразу умер, а еще жил и все смотрел на меня, как я ухожу, а я уже не могла его ни обнять, ни поцеловать, а то б и меня убили...

Лиля рассказала, как их перегнали в другой лагерь и там, в женском отделении лагеря, была надсмотрщица немка, Гертруда Геббех, и эта волчица терзала девушек и засекала их до смерти. И Лиля рассказала, как они, женщины, сговорились или погибнуть самим, или уничтожить Гертруду Геббех и как им удалось, возвращаясь ночью с работы в лесу, обмануть охрану, подкараулить Гертруду Геббех и накрыть ее шинелью и задушить, и их, несколько женщин и девушек, бежало, но они не могли вместе идти через всю Польшу и Украину домой и разошлись, и Лиля одна добиралась эти сотни и сотни километров, и ее прятали и кормили поляки, а потом наши, украинцы.

Все это рассказывала Лиля, когда-то такая же обыкновенная краснодоночка, беленькая, толстая, добрая девочка, — она была такая же, как они все. И трудно было представить себе, что это она душила Гертруду Геббех и потом прошла своими ногами через всю Польшу и Украину, занятую немцами. И каждая из девушек думала о себе: «Ну, а если бы все это выпало на мою долю, смогла ли бы я вынести все это, и как бы я себя вела?»

Она была прежняя Лиля, но она была другая. Нельзя сказать, чтобы она ожесточилась сердцем после всего, что перенесла; она не выказывалась и не заносилась перед подругами — нет, она стала многое понимать в жизни. Она стала ровнее, но в каком-то смысле она стала даже добрее к людям, точно она узнала им цену. И при всем том, что она и физически и душевно стала как бы суше, этот великий человеческий свет добра озарял ее исхудавшее лицо.

И все девушки снова стали целовать Лилю, каждой хотелось погладить ее или хотя бы дотронуться до нее. И только Шура Дубровина, девушка постарше других, студентка, была сдержаннее других, потому что она уже ревновала Майю Пегливанову к Лиле.

— И что это, дивчата, у всех глаза на мокром месте, в самом деле! — воскликнула Саша Бондарева. — Давайте заспиваем.

И она было затянула «Спят курганы темные», но тут девушки зашикали на нее: разные люди жили в поселке, и мог забрести кто-нибудь из «полицаев». Стали подбирать какую-нибудь старинную украинскую, а Тоня предложила «Землянку».

— Она и наша, и вроде не притерешься,— робко сказала Тоня.

Но все нашли, что и так невесело на душе, а с этой «Землянкой» еще расплачешься. И Саша, которая среди всех первомайских девушек была главная певунья, затанула:

На закате ходит парень
Возле дома моего,
Поморгает мне глазами
И не скажет ничего...

И все подхватили. В этой песне не было ничего, что могло бы насторожить полицейское ухо. Но это была песня, сложенная лучшим советским песельником и много раз слышанная девушками по радио в исполнении любимого хора. И именно потому, что они не раз слышали песню по радио из Москвы, теперь они точно проделывали с этой песней обратный путь — из Первомайки в Москву.

Вся та жизнь, в которой девушки росли, которая была для них такой же естественной жизнью, какой живут в поле жаворонки и котурнулы у них насильственно отняли,— вся эта жизнь вошла в комнату вместе с этой песней. И у всех на душе раскрылось что-то большое и доброе.

Уля под села к сестрам Иванцовым, но старшая Оля, увлеченная пением, только ласково и сильно пожала Уле руку повыше локтя,— в глазах у нее точно синий пламень горел, отчего ее лицо с неправильными чертами стало даже красивым. А Нина, с вызовом смотревшая вокруг себя из-под могучего раскрытия бровей, вдруг склонилась к Уле и жарко шепнула ей в ухо:

— Тебе привет от Кашука.

— Какого Кашука?— так же шопотом спросила Уля.

— От Олега. Для нас,— подчеркнуто сказала Нина, — он теперь всегда будет Кашук.

Уля смотрела перед собой, не понимая.

— Зайдем отсюда вместе к Анатолию,— сказала Нина.

Уля не стала ее спрашивать.

Поющие девушки оживились, покраснелись. Как им хотелось забыть, хотя бы на это мгновение, все, что окружало их, забыть немцев, «полицаяв», забыть, что надо регистрироваться на немецкой бирже, забыть муки, перенесенные Лилей, забыть, что дома уже волнуется их мать, почему так долго нет дочерей! Как им хотелось, чтобы все было, как прежде! Они кончали одну песню и начинали другую.

— Боже мой!— вдруг сказала Лиля своим тихим, проникновенным голосом.— Сколько раз, когда я сидела в лагере, когда шла по этой Польше, ночью, босая, голодная, сколько раз я вспоминала нашу Первомайку, нашу школу и всех вас, девочки, как мы собирались и как в степь ходили и пели... И кому же это и зачем же это надо было все это разломать, растоптать? Чего же это нехватает людям на свете?.. Улечка!— вдруг сказала она.— Прочти какие-нибудь хорошие стихи, помнишь, как раньше...

— Какие же?— спросила Уля.

Девушки наперебой стали выкликать любимые стихи Ули, которые они не раз слышали в ее исполнении.

— Улечка, прочти «Демона»,— сказала Лиля.

— А что из «Демона»?

— На твой выбор.

— Пусть всего читает!

Уля встала, тихо опустила руки вдоль тела и, не чинясь и не смущаясь, с той природной, естественной манерой чтения, которая свойственна людям, не пишущим стихов и не исполняющим их со сцены, начала спокойным, свободным, грудным голосом:

Печальный Демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним носились толпой...

И странное дело: как и все, что пели девушки, то, что Уля читала, тоже мгновенно приобрело живое, жизненное, значение. словно та жизнь, на которую девушки были теперь обречены, вступала в непримиримое противоречие со всем прекрасным, созданным в мире, независимо от характера и времени создания. И то, что в поэме говорило как бы и за демона, и как бы против него,— все это в равной степени подходило к тому, что испытывали девушки, и в равной мере трогало их.

Вот уже ангел на своих золотых крыльях нес грешную душу. Тамары и адский дух взвился к ним из бездны.

Исчезни, мрачный дух сомненья...—

читала Уля с тихо опущенными вдоль тела руками:

...Дни испытания прошли;
С одеждой брэнною земли
Оковы зла с нее ниспали.
Узнай! Давно ее мы ждали!
Ее душа была из тех,
Которых жизнь одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недосягаемых утех...
Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои...
Она страдала и любила—
И рай открылся для любви..

Лиля уронила свою белую головку на руки и громко, по-детски заплакала. Девушки, растроганные, кинулись ее утешать. И тот ужасный мир, в котором они жили, снова вошел в комнату и словно отравил душу каждой из них. V

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

С того самого дня, когда Анатолий Попов, Уля и Виктор с отцом вернулись в Краснодар после неудачной эвакуации, Анатолий не жил дома, а скрывался у Петровых, на хуторе Погорелом. Немецкая администрация еще не проникла на хутор, и Петровы жили открыто.

Анатолий вернулся в Первомайку, когда ушли немецкие солдаты.

У Нина передала ему и Уле, что бы они, — лучше Уля, которую меньше знали в городе, — немедленно установили личную связь с Кошевым и и метили группу ребят и девочек, первомайцев, которые хотят бороться против немцев и на которых можно положиться. Нина намекнула, что Олег действует не только от себя, и передала некоторые его советы говорить с каждым поодиночке, не называть других, не называть, конечно, и Олега, но дать понять, что они действуют не от себя лично.

Потом Нина ушла. А Анатолий и Уля, не видевшиеся с момента и возвращения, прошли к спуску в балочку, разделявшую усадьбы Поповых и Громовых, и сели под яблоней. У

Вечер опустился на степь, на сады.

Немцы изрядно повредили садик Поповых, особенно вишневые деревья, на многих из которых обломаны были ветви с вишнями, но все же он сохранился, внешне такой же уютный, опрятный, как и в те времена, когда им занимались вместе отец и сын.

Преподаватель естествознания, влюбленный в свой предмет, подарил Анатолию при переходе из восьмого класса в девятый книгу о насекомых: «Питомцы грушевого дерева». Книга была так стара, что в ней и было первых страниц и нельзя было узнать, кто ее автор.

У входа в садик Поповых стояла старая-старая груша, еще более старая, чем книга, и Анатолий очень любил эту грушу и эту книгу.

Осенью, когда поспевали яблоки, — яблоневые деревья были гордостью семейства Поповых, — Анатолий обычно спал на топчане в саду, чтобы мальчишки не покрали яблок. А если была дождливая погода приходилось спать в комнате, он проводил сигнализацию: опутывал ветви яблонь тонким шпагатом, который соединялся с веревкой, протянутой из сада в окно. Стоило коснуться хотя бы одной из яблонь, как у изголовья кровати Анатолия с грохотом обрушивалась связка пустых консервных банок, и он в одних трусах мчался в сад.

И вот они сидели в этом саду, Уля и он, серьезные, сосредоточенные, полные ощущения того, что с момента разговора с Ниной они вступили на новый путь жизни, неизвестный, опасный, влекущий. У

— Нам не приводилось говорить с тобой по душам, Уля, — говорил Анатолий, немножко смущаясь ее близостью, — но я давно уважаю тебя. И, я думаю, пришла пора поговорить нам откровенно, до конца откровенно... Я думаю, это не будет преувеличением нашей роли, зазнайство, что ли, дать отчет в том, что именно ты и я можем взять на себя все это, то есть организовать наших ребят и девочек на Первомайке. И мы должны договориться прежде всего, как мы сами-то будем жить... Например, сейчас идет регистрация на бирже. Я лично не пойду на биржу. Я не хочу и не буду работать на немцев. Клянусь перед тобой, — говорил он сдержанным, полным силы голосом, — я не сойду с этого пути! Если придется, я буду скрываться, прятаться, перейду на подпольное положение, погибну, но не сойду с этого пути...

— Толя, ты помнишь руки того немца, ефрейтора, который попался в наших чемоданах? Они были такие черные от грязи, заскорузлые, цепкие, я теперь их всегда вижу, — тихо говорила Уля. — В первый же день, как я приехала, я опять их увидела, как они рылись в наших постелях, в сундуке, они резали платья материнские, мои и сестрины и свои шарфы-косынки, они не брезговали даже искать в грязном белье

ю они хотят добраться до наших душ... Июли я провела не одну ночь без сна у нас на кухонке, — ты знаешь, она у нас совсем отдельная, — я сидела в полной темноте, слушая, как немцы горланят в доме и заставляют прислуживать больную мать, я сидела так не одну ночь, потому что я проверяла себя. Я все думала, хватит ли силы у меня, имею ли я право вступить на этот путь? И я поняла, что иного пути у меня нет. Да, я могу жить только так, или я не могу жить вовсе. Клянусь матерью своей, что до последнего дыхания я не сверну с этого пути!.. — говорила Уля, глядя на Анатолия своими черными глазами. V

Волнение охватило их. Некоторое время они молчали.

— Давай наметим, с кем поговорить в первую очередь, — хрипло сказал Анатолий, овладев собой. — Может быть, начнем с девчат?

— Конечно, Майя Пегливанова и Саша Бондарева. И, конечно, Лиля Ивановна. А за Лилей пойдет и Тоня. Думаю еще — Лина Самошина, Нина Герасимова, — перечисляла Уля.

— А эта наша активистка, ну, как ее, — пионервожатая?

— Вырикова? — Лицо Ули приняло холодное выражение. — Знаешь, я тебе что скажу: бывало мы все, в тяжелые дни, резко высказывались о том, о другом. Но должно быть у человека в душе святое, то, над чем, как над матерью родной, нельзя смеяться, говорить неуважительно, с издевкой. А Вырикова... Кто ее знает? Я бы ей не доверилась...

— Отставить, присмотримся, — сказал Анатолий.

— Скорей уж Нина Минаева, — сказала Уля.

— Светленькая, робкая такая?

— Ты не думай, она не робкая, она застенчивая, а она очень твердых убеждений!..

— А Шура Дубровина?

— О ней мы у Майи спросим, — улыбнулась Уля.

— Слушай, а почему ты не называла лучшей своей подруги — Вали Филатовой? — вдруг с удивлением спросил Анатолий.

Уля некоторое время сидела молча, и Анатолий не мог видеть, какие чувства отражались на лице ее.

— Да, она была лучшей моей подругой, я попрежнему люблю ее, и я, как никто, знаю ее доброе сердце, но она не может вступить на этот путь, она бессильная, — мне кажется, она может быть только жертвой, — сказала Уля, и что-то дрогнуло у нее в губах и в ноздрях. — А из ребят кого? — спросила она, точно желая отвести разговор.

— Среди ребят, конечно, Виктор, я уже с ним говорил. И если ты назвала Сашу Бондареву и назвала, конечно, правильно, то надо и Васю, брата ее. И, конечно, — Женька Шепелев и Володька Rogozin... Кроме того, я думаю, Боря Гловань, знаешь, молдаванин, что эвакуировался из Бессарабии?..

Так они перебирали своих подруг и товарищей. Месяц, уже пошедший на убыль, но все еще большой, красным заревом стоял за деревьями, густые резкие тени легли вдоль сада, тревожная таинственность была разлита во всей природе.

— Какое счастье, что и ваша и наша квартиры свободны от немцев! Мне невыносимо было бы видеть их, особенно сейчас, — сказала Уля.

V Со времени возвращения Уля жила одна в крохотном помещении кухонки, примыкавшей к ряду домашних пристроек для коровы, для

дров, для птицы. Уля засветила ночник, стоявший на печке, и некоторое время сидела на постели, глядя перед собой. «Вот оно то, чего я так ждала,— думала она,— теперь моя жизнь принадлежит не мне, не только мне»... Она была наедине с собой и своей жизнью, в том состоянии предельной открытости перед собой, какое бывает в минуты больших душевных свершений.

Она опустилась возле постели, вытащила чемоданчик и из глубины его, из-под белья, вынула сильно потрепанную клеенчатую тетрадку. С момента отъезда из дома Уля не брала ее в руки.

Полустершаяся запись карандашом на первой же странице, как бы эпитафия ко всему, сама говорила о том, почему Уля завела эту тетрадку и когда это было:

«В жизни человека бывает период времени, от которого зависит моральная судьба его, когда совершается перелом его нравственного развития. Говорят, что этот перелом наступает только в юности. Это неправда: для многих он наступает в самом розовом детстве (Помяловский)».

С чувством одновременно и грустно-приятным, и удивления перед тем, что она, будучи почти ребенком, записывала то, что так отвечало ее теперешнему душевному состоянию, она читала на выборку то одно, то другое:

«В сражении нужно уметь пользоваться минутой и обладать способностью быстрого соображения».

«Что может противостоять твердой воле человека? Воля заключает в себе всю душу, хотеть — значит ненавидеть, любить, сожалеть, радоваться, жить; одним словом, воля есть нравственная сила каждого существа, свободное стремление к созданию или разрушению чего-нибудь творческая власть, которая из ничего делает чудеса!.. (Лермонтов)».

«Я не могу найти себе места от стыда. Да, стыдно, стыдно, нет, больше,— позорно смеяться над тем, кто плохо одет! Я даже не могу вспомнить, когда я взяла это себе в привычку. А сегодня этот случай с Ниной М.,— нет, я даже не могу писать... Все, что я ни вспомню, заставляет меня краснеть, я вся горю. Я сблизилась даже с Лизкой У., потому что мы вместе высмеивали, кто плохо одет, а ведь ее родители... об этом не нужно писать, в общем она дрянная девчонка. А сегодня я так надменно, именно надменно насмеялась над Ниной и даже потянула за эту кофточку так, что она вылезла из юбки, а Нина сказала!.. Нет, я не могу повторить ее слова. Но ведь я никогда не думала так дурно. Это началось у меня от желанья, чтобы все, все было красиво в жизни, а вышло по-другому. Я просто не подумала, что многие еще могут жить в нужде, а тем более Нина М., она такая беззащитная... Клянусь, Ниночка, я больше, никогда, никогда не буду!..»

Дальше шла приписка карандашом, сделанная, очевидно, на другой день: «И ты попросишь у нее прощения, да, да, да!..»

Через две странички было записано:

«Самое дорогое у человека — жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое... (Н. Островский)».

«Все-таки комичный этот М. Н.! Конечно, я не скрою, мне приятно поведать с ним время (иногда). И он хорошо танцует. Но он очень любит подчеркнуть свое звание и прихвастнуть своими орденами, а мне это как раз совсем неважно. Вчера он заговорил о том, что я уже давно стала, но чего я совсем не хотела... Я посмеялась и не жалею. А то, что он говорит,—покончу с собой,—это и неправда и свинство с его стороны. Он такой толстый, и ему бы надо быть на фронте, с ружьем оходить. Никогда, никогда, никогда...»

«Храбрый среди скромных наших командиров и скромнейший среди храбрых — таким я помню товарища Котовского. Вечная ему память и слава (Сталин)».

Уля сидела, склонившись над своей ученической тетрадкой, пока не слышала, как тихо хлопнула калитка и чьи-то легкие маленькие ножки пробежали через дворик к двери в кухню.

Дверца без стука отворилась, и Валя Филатова, ничего не видя перед собой, подбежала к Уле, упала на колени и уткнулась лицом в плечо Ули.

Некоторое время они молчали. Уля чувствовала вздымающуюся грудь Ули и биение ее сердца.

— Что с тобой, Валечка? — тихо спросила Уля.

Валя подняла лицо с полуоткрытым влажным ртом.

— Уля! — сказала она. — Меня угоняют в Германию...

При всем своем глубоком отвращении к немцам и ко всему, что они делали в городе, Валя Филатова до дурноты боялась немцев. С первого дня их прихода она все время ждала, что вот-вот должно случиться что-то ужасное с ней или с матерью.

После того как вышел приказ о регистрации на бирже, а Валя все еще не выполнила этого приказа, она жила в ожидании ареста, чувствуя себя преступницей, вставшей на путь борьбы с немецкой властью.

Этим утром, идя на рынок, она встретила несколько первомайцев, уже сходящих на регистрацию: они шли на работу по восстановлению одной из малых шахтен, каких немало было в районе Первомайки.

И тогда Валя, стыдясь признаться Уле в своей слабости, тайно от нее пошла на регистрацию.

Биржа труда помещалась в одноэтажном белом доме на холме, недалеко от районного исполкома. Небольшая очередь в несколько десятков человек, молодых и пожилых, главным образом, женщин и девушек, стояла у входа в здание. Валя издали узнала в очереди одноклассницу по первомайской школе Зинаиду Вырикову. Валя узнала ее по маленькому росточку и по гладким, точно приклеенным волосам и торчащим вперед коротким острым косичкам и подошла к ней, чтобы попасть в очередь поближе.

Нет, это была не из тех очередей, в которых немало пришлось потеть людям в дни войны — и в хлебной, и в продовольственной, и за получением продкарточек, и даже при мобилизации на трудовой фронт. Тогда каждый старался попасть поближе, и люди ссорились, если кто-нибудь проходил без очереди, используя знакомство или служебное положение. Это была очередь на немецкую биржу труда, никто не стремился попасть туда раньше других. Вырикова молча взглянула на Валю недобрыми, близко сведенными глазами и уступила ей место перед собой.

Очередь продвигалась довольно быстро,—входили по-двое. Валя, державшая у груди в потной руке паспорт, завернутый в платочек, вошла вместе с Выриковой.

В комнате, где регистрировали, прямо против входа стоял длинный стол, за которым сидели толстый немецкий ефрейтор и русская женщина с очень нежной, розовой кожей лица и неестественно развитым длинным подбородком. И Валя и Вырикова знали ее: она преподавала в краснодарских школах, в том числе и в первомайской, немецкий язык. Как это странно, но фамилия ее тоже была Немчинова.

Девушки поздоровались с ней.

— А... мои воспитанницы!— сказала Немчинова и неестественно улыбнулась, взмахнув длинными темными ресницами.

В комнате стучали машинки. К дверям направо и налево протянулись две небольшие очереди.

Немчинова спрашивала у Вали сведения о возрасте, родителях, адресе и записывала в длинную ведомость. Одновременно она переводила эти данные немецкому ефрейтору, и он заносил их в другую ведомость по-немецки.

Пока Немчинова опрашивала ее, кто-то вышел из комнаты направо, а кто-то вошел. Вдруг Валя увидела молодую женщину со сбившейся прической, неестественно красным лицом, со слезами на глазах. Она быстро прошла через комнату, одной рукой застегивая кофточку на груди.

В это время Немчинова еще что-то спросила Валу.

— Что?— спросила Валя, провожая глазами эту молодую женщину в сбившейся прическе.

— Здорова? Ни на что не жалуешься?— спрашивала Немчинова.

— Нет, я здорова,— сказала Валя.

Вырикова вдруг дернула ее сзади за кофточку. Валя обернулась, но Вырикова смотрела мимо нее близко сведенными, безразличными глазами.

— К директору!— сказала Немчинова.

Валя машинально перешла в очередь направо и оглянулась на Вырикову. Вырикова механически отвечала на те же вопросы, какие задавала и ее подруге.

В комнате у директора было тихо, только изредка доносились рывистые негромкие восклицания по-немецки. Пока опрашивали Вырикову, из комнаты директора вышел паренек лет семнадцати. Он растерян, бледен и тоже застегивал на ходу гимнастерку.

В это время Валя услышала, как Вырикова резким своим голосом сказала:

— Вы же сами знаете, Ольга Константиновна, что у меня тебе что вот слышите?— И Вырикова стала демонстративно дышать на Немчинову и на толстого немецкого ефрейтора, который, отпрянув на стуле, с умлением смотрел на Вырикову круглыми петушиными глазами. В груди Выриковой действительно что-то захрипело.— Я нуждаюсь в домашнем уходе,— продолжала она, бесстыдно глядя то на Немчинову, то на ефрейтора,— но если бы здесь в городе, я бы с удовольствием, просто с удовольствием! Только я очень прошу вас, Ольга Константиновна, по какой-нибудь интеллигентной, культурной профессии. А я с удовольствием пойду работать при новом порядке, просто с удовольствием!

«Боже мой, что она городит такое?»—подумала Валя, с бьющимся сердцем входя в комнату директора.

Перед ней стоял немец в военном мундире, упитанный, с гладко прилизанными на прямой пробор серо-рыжими волосами. Несмотря на то, что он был в мундире, он был в желтых кожаных трусиках и в коричневых чулках, с голыми коленками, обросшими рыжими волосами, как шерстью. Он бегло и равнодушно взглянул на Валю и закричал:

— Раздевай! Раздевай!

Валя беспомощно повела глазами. В комнате, за столом, сидел еще только немецкий писарь, возле него стопками лежали старые паспорта.

— Раздягайся, чуешь?—сказал немецкий писарь по-украински.

— Как?..—Валя вся так и залилась краской.

— Как! Как!—передразнил писарь.— Скидай одежду!

— Schneller! Schneller!¹—отрывисто сказал офицер с голыми, обросшими волосами коленями. И вдруг, протянув к Вале руки, он чисто промытыми узловатыми пальцами, тоже поросшими рыжими волосами, раздвинул Вале зубы, заглянул в рот и начал расстегивать ей платье.

Валя, заплакав от страха и унижения, быстро начала раздеваться, путаясь в белье.

Офицер помогал ей. Она осталась в одних туфлях. Немец, бегло оглядев ее, брезгливо ощупал ее плечи, бедра, колени и, обернувшись к солдату, сказал отрывисто и так, точно он говорил о солдате:

— Tauglich!²

— Пачпорт!—не глядя на Валю, крикнул писарь, протянув руку.

Валя, прикрываясь одеждой, всхлиывая, подала ему паспорт.

— Адрес!

Валя сказала.

— Одягайся,—мрачно и тихо сказал писарь, бросив ее паспорт на другие.— Буде оповидання, колись являться на сборний пункт.

Валя пришла в себя уже на улице. Жаркое дневное солнце лежало на домах, на пыльной дороге, на выжженной траве. Уже больше месяца, как не было дождя. Все вокруг было пережжено и высушено. Воздух дрожал, раскаленный.

Валя стояла посреди дороги в густой пыли по щиколотку. И вдруг, застонав, опустилась прямо в пыль. Платье ее надулось вокруг пузырем. Валя уткнула лицо в ладони.

Вырикова привела ее в себя. Они спустились с холма, где стояло здание райисполкома, и мимо здания тюрьмы, через Восьмидомики, пошли к себе на Первомайку. Валю то знобило, то бросало в жаркий пот.

— Дура ты, дура!—говорила Вырикова.— Так вам и надо таким!.. Это же.— немцы,—с уважением и даже подобострастием сказала Вырикова.— К ним надо уметь приспособиться!

Валя, не слыша, шла рядом с ней.

— У, ты дура такая!—со злобой говорила Вырикова.— Я же дала тебе знак! Надо было дать понять, что ты хочешь им помогать здесь, они это ценят! И надо было сказать: нездорова... Там, на комиссии, врачом Наталья Алексеевна, с городской больницы, она всем дает освобо-

¹ Быстрей! (немецк.)

² Годен! (немецк.)

ждение или неполную годность, а немец там просто фельдшер и ни черт не понимает. Дура, дура и есть! А меня определили на службу в быструю контору Заготскот, еще и паек дадут...

Все это Валя рассказывала теперь Уле, стоя перед ней на коленях.

Первым движением Ули было движение жалости. Она обняла вали голову и стала молча целовать ее волосы, глаза. Потом у нее зароились планы спасения Вали.

— Тебе надо бежать,— сказала Уля,— да, да, бежать!

— Куда же, куда, боже мой?— беспомощно и в то же время радостно говорила Валя.— У меня же нет теперь никаких документов!

— Валечка, милая,— заговорила Уля ласковым шопотом,— я понимаю кругом немцы, но ведь это же наша страна, она большая, ведь кругом все те же люди, среди которых мы жили, ведь можно же найти выход из положения! Я сама помогу тебе, все ребята и дивчата помогут...

— А мама? Что ты, Улечка! Они же замучают ее!— Валя заплакала.

— Да не плачь же ты, в самом деле!— всерьез сказала Уля. А если тебя в Германию угонят, ты думаешь, ей будет легче? Раз она это переживет?

— Улечка... Улечка... За что ты еще больше мучаешь меня?

— Это отвратительно, что ты говоришь, это... это позорно, гадко! Я презираю тебя!— со страшным, жестоким чувством сказала Уля.— Да, да, презираю твою немоцность, твои слезы... Кругом столько горя неизбежного, неумолимого, сотни тысяч людей, здоровых, сильных, прекрасных людей, гибнут на фронте, в фашистских концлагерях, застенках. Подумай, что испытывают их жены, матери, но все работают, борются. А ты девчонка, тебе все дороги открыты, тебе предлагают помощь, а ты хнычешь, да еще хочешь, чтобы тебя жалели. А мне тебя не жалко, да, да, не жалко!— говорила Уля.

Она резко встала, отошла к двери и, прислонившись к ней заложив женными за спину руками, стояла, глядя перед собой гневными черными глазами. Валя, уткнувшись лицом в постель Ули, молча стояла на коленях.

— Валя! Валечка!.. Вспомни, как мы жили с тобой. Сердечко мое!— вдруг сказала Уля.

Валя зарыдала в голос.

— Вспомни, когда же я посоветовала тебе что-нибудь дурное. Помнишь тогда, с этими сливами, или когда ты кричала, что не переплывешь, а я сказала, что я тебя сама утоплю? Валечка! Я тебя умоляю.

— Нет, нет, ты покинула меня, да, ты покинула меня сердцем, еще когда ты уезжала, и потом уже ничего не было между нами, ты думаешь я этого не чувствовала!— говорила Валя, рыдая.— А сейчас?.. Я с всем, совсем одна на свете...

Уля ничего не отвечала ей, и черты лица ее приняли суровое, и девичье выражение.

Валя встала и, не глядя на Улю, утерла лицо платком.

— Валя, я говорю тебе в последний раз,— тихо и холодно сказал Уля.— Или ты слушаешь меня, тогда мы сейчас же разбудим Анатолия и он проводит тебя к Виктору на Погорелый, или... не терзай мне сердца.

— Прощай Улечка... Прощай навсегда...— Валя, сдерживая слезы выбежала из кухонки на двор, залитый светом месяца.

Уля едва сдержалась, чтобы не догнать ее и не покрывать поцелуями все ее несчастное, мокрое лицо.

Она потушила ночник, отворила оконце и, не раздеваясь, легла на постель. Сон бежал от нее. Она прислушивалась к неясным ночным звукам, доносившимся из степи и из поселка. Ей все казалось, что, пока она лежит здесь, к Вале уже пришли немцы и забирают ее, и нет никого, кто мог бы сказать бедной Вале доброе и мужественное слово на прощание.

Вдруг ей почудились шаги по мягкой земле и шорох листьев где-то на огороде. Шаги приближались, шел не один человек. Надо было бы закрыть дверь на крючок и захлопнуть окно, но шаги зашуршали уже под самым окном, и в окне возникла белая голова в узбекской шапочке.

— Уля, ты спишь?— шопотом спрашивал Анатолий. Уля уже была у окна.

— Ужасное несчастье,— сказал Анатолий,— у Виктора отца взяли...

Уля увидела приблизившееся к окну бледное лицо Виктора, освещенное месяцем.

— Когда взяли?

— Сегодня вечером. Пришли — немец, эсэсовец, в черном, толстый такой, с золотыми зубами, вонючий,— с ненавистью сказал Виктор,— с ним еще солдат и русский, полицай... Били его. Потом отвели к конторе лесхоза, там стоял грузовик, полный арестованных, всех повезли сюда... Я бежал за ними все двадцать километров... Если бы ты не ушел позавчера, они б и тебя взяли,— сказал Виктор Анатолию.

Конец первой части

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

ТВОЙ ПУТЬ

Поэма

I

...И все осталось там — за белым-
белым,
за тем январским ледовитым днем.
О, как я жить решилась, — как я
смела, —
ведь мы давно условились: вдвоем.

А тот, который с августа запомнил
сквозь рупора звеневший голос мой, —
зачем-то вдруг нашел меня и поднял,

со снега поднял и привел домой.
Как в притчах позабытых и
священных
пред путником, который изнемог,
ты встал передо мною на колени
и обувь снял с моих отекавших ног
высокое сложил мне изголовье,
чтоб легче сердцу было по ночам
и лег в ногах, окоченевший сам
и ничего не называл любовью..

II

Я знаю, слишком знаю это зданье.
И каждый раз, когда иду сюда, —
все кажется, что вышла на свиданье
сама с собой, такой же, как тогда.

Но это больше, чем воспоминанье.

Я не боюсь самой себя — вчерашней:
на все отвечу, если уж пришла, —
вот этой серой, беспощадной,
страшной,
глядящей из блокадного угла.

Я той боюсь, которая однажды
на Мамиссоне¹ искрящимся днем
глядела в мир с неукротимой жадной
и верила во всем ему, во всем...

¹ Мамиссонский перевал — один из самых высоких горных перевалов на Кавказе.

Но это больше, чем воспоминанье
я не о ней.

Я о гранитном зданье.

Здесь, как в бреду, всё было
смещено:

здесь умирали, стряпали и ели,
а те, кто мог еще

вставать с постелею
пораньше утром, растемнив окно,
в кружок усевшись, перьями

скрипели:

отсюда передачи шли на город, —
стихи и сводки и о хлебе весть;
здесь жили дикторы и репортер
поэт, артистки... всех не перечес:
Они давно покинули жилища

там где-то в недрах города, вдал
они одни из первых на кладбища
последних родственников отвезли.

И, спаяны страшней, чем кровью рода,
родней, чем дети одного отца,
сюда зимой сорок второго года
сошлись—сопротивляться до конца.
Здесь, на походной

койке-раскладушке,
у каменки, блокадного божка,

...по сумрачным утрам
ты за водой ходил на льдистый
Невский,
где выл норд-вест,
седой, косматый, дерзкий,
и запах гари стлался по дворам.

Стоял, пылая, город.
В семь утра
темнел скелет Гостиного двора,
и мертвые у городских дорог
уже давно лежали без сапог,—
спокойные,
как будто б тяжкий долг
отдав тому,
кто жил еще и шел...

...И на Литейном был один источник:
грубу прорвав, подземная вода
однажды с воплем вырвалась из
почвы
и поплыла, смерзаясь в глыбы льда.

Вода плыла, гремя и коченея,
и люди к стенам жались перед нею,
но вдруг один,—

устав пережить,—
наперерез пошел
по корке льда,
ожесточась пошел,
но не прорвался,

В те дни исчез, отхлынул быт.
И смело
в права свои вступило бытие.
А я жила.
Изнемогало тело,
и то сняло, то бессильно тлело
сознание смятенное мое.

я новую почувствовала душу,
самой мне непонятную пока.

Я здесь стихи горчайшие писала,
спешила свет использовать дневной...
Сюда, в тот день,

когда я в снег упала,
ты и привел, бездомную,— д о м о й.

III

и сбит волной,
свалился на ходу
и вмерз в поток,
и так лежать остался
здесь, на Литейном, видный всем,—
во льду.

А люди утром прорубь продолжили
невдалеке

и длинную чредой
к его прозрачной ледяной могиле
до марта приходили за водой.

...Тому, кому пришлось когда-нибудь
ходить сюда— не говори: «Забудь».

Я знаю все. Я тоже там была,
я ту же воду жгучую брала,
из той же ленинградской Иордани:
где человек, судьбы моей собрат,
как мамонт, павший сто веков назад,
лежал, затертый городскими льдами...

...Вот так настал,
одетый в кровь и лед,
Сорок второй—необоримый—год.

О год ожесточенья и упорства!
В то время насмерть,
насмерть встали мы.
Год Ленинграда, год его Зимы,
год сталинградского единоборства.

IV

Сжималась жизнь во мне...
...Совсем похоже,
как древняя шагреневая кожа
с неистойвой сжималась быстротою,
едва владелец—бедный раб ее—
любое, незапретное, простое
осуществлял желание свое.

Сжималась жизнь...
Так вот что значит—смерть:
не сметь желать. Самой, совсем—
не сметь.

Ну, что же, пусть...
Я все равно устала,
я все равно не этого ждала
на тех далеких горных перевалах,
под небосводом синего стекла,
там, где цветок глядел из-за сугроба,
где в облаках, на кромке крутизны
мы так тогда прекрасны были оба,
так молоды, бесстрашны и сильны...

...Все превратилось вдруг в
воспоминанье:
вся жизнь,
все чувства,

даже я сама,
пока вокруг в свирепом ожиданье
стоят враги, безумствует зима,
и надо всем,—сквозь лед, и бред,
и ночи,—
не погасить его, не отойти—
рублевский лик и стынущие очи
того, кому не сказано: «Прости!»
того, кто был со мной на перевале
на одиноком, блещущем пути
и умер здесь—от голода в подвале,—
а я—я не могла его спасти...

... Еще хотелось повидать сестру.
Я думала о ней с такой любовью,
что стало ясно мне: на-днях—умру.
То кровь тоскует по родимой крови.

Но незнакомый, чей-то, не родной
ты ближе всех, ты рядом был со мной.

И ты не утешал меня. Ночами,
когда, как все, утратив радость слез,
от горя корчась, я почти мычала,
ни рук моих не гладил, ни волос.

Ты сам, без просьб,
как будто б встал на страже
глухого отчуждения моего;
ты не коснулся ревностью его
и не нарушил нежностию даже.
Ты просто мне глоток воды горячо
давал с утра,

и хлеба,
и тетрадь,
и заставлял писать для передачи:
ты просто не давал мне умирать...
Недаром был обычай в эту пору—
ходить вдвоем.

Ты взял с собой меня.
И вот мы шли... Мы шли,
как весь наш город—
к сегодняшним — тогда незримым —
дням.

Не знаю—как, но я на дне страдан
о мертвом счастье бредя, о тепле,
открыла вдруг, что ты—мое желанье,
последнее желанье на земле.

Я так хочу.
Я так хочу сама.
Пускай, озлясь, грозится мне зима,
что радости вместить уже не сможет
остаток жизни

— мстительная кожа,—
я так хочу;
пускай сойдет на-нет,
мне мерзок своеволия запрет.

Я даже пела что-то в этот вечер
почти забытое, у огонька,
цветным платком плотней укрывала
плечи

и темный рот подкрасила слегка.
В тот самый день сказал ты мне,
смущаясь:

— А все считают, ты—моя жена...
...И люди нас не попрекнули счастьем
в том городе, где бредила война...

V

Мы жили высоко—седьмой этаж.
Отсюда был далеко виден город:
он обгоревший, тихий был, и гордый,
пустынный был,
и весь, до пепла,—наш.

А мы ходили в Летний по грибы,
где, как в бору, кукушка куковала
Возили реже мертвых. Но гробы
не появлялись: сил не доставало

на этот древний горестный обряд.
О нем забыл блокадный Ленинград.

И первый гроб, обитый кумачом,
проехавший на катафалке красном,—
обрадовал людей: нам стало ясно,
что к жизни возвращаемся и мы
из недр нечеловеческой зимы.

О нет, я не кошуinstвую!
Так было!
Нам все о жизни яростно твердило,
и точно дар торжественный—для нас
все на земле

явилось
в первый раз.

И солнце мы впервые увидали,
и с наших крыш—
с постов сторожевых—
Большой Земли мерцающие дали
в румяных зорях,
в дымке синевы.

До стона,
до озноба,
до восторга

мы вглядывались в эту синеву...
Прекрасная!

Нельзя тебя отторгнуть.

Ты—это жизнь.

Ты есть—и я живу.

...Я помню час, когда, толкнув рукой
окошко, перекрещенное слепо,
я в одичавший, зимний угол свой
впустила полднем дышащее небо.
Я отойти не смела от окна!

Слепорожденный

в первый день прозренья
глядел бы так,

с таким же изумленьем
на все, что знал под именем «весна».

Мне так же все рукой хотелось
трогать.

Страшило все,—открытое вокруг,
и больше всех—влюбленный,
верный, строгий
мой новый муж,

мой поводырь,
мой друг.

.

VI

...А в темноте, почти касаясь кровли,
всю ночь снаряды бешеные шли:
так, метров семь над сонной нашей
кровью.

И рушились то близко, то вдали.
Ты рядом спал,
как спал весь город—каменем,

сменясь с дежурства.
Мы с утра в бою...
Как страшно мне! Услышав свист,—
руками

я прикрываю голову твою.
Невольный жест, напрасный—знаю,
знаю...

А ночь светла.
И над лицом твоим
с тысячелетней нежностью склоняясь,
я тороплюсь налюбоваться им.
Я тороплюсь, я знаю, что сосчитан
свиданья срок. Разлука настает.

Но ты не знай...

Спи под моей защитой,—
солдат уставший, муж, дитя мое...

Три выстрела—три грохота подряд.
Как хорошо—пока не в наш квадрат.

А рядом в изголовьи надо мною
охапка веток, полная весною,—
ты с фронта, из Рыбацкого принес...
Как пахнут листья, господи,—до
слез!..

Так ты вернулась, встала в изголовье,
о молодость... твой запах узнаю...
Сплети ж с моей сегодняшней

любовью
всю чистоту и трепетность твою,
верни мне все...

...Свистит. Опять фугас!
Сюда идет... Враг обнаружил нас,

засек,
нашел,
здесь кладет снаряды,
невидимый, нацелился в упор
откуда-то из гатчинского сада,
от царскосельских дремлющих озер,—
здесь идет...

я узнаю, безносый невидимка,
тебя.

Ты приходил ко мне зимой.
Свистишь?

Свисти.

Я принимаю бой.

Ты утопить хотел меня в отеке.
Ты до костей обтягивал мне щеки.
Ты мне глаза мои вдавил в глазницы,
ты зубы мне расшатывал во рту,
ты гнал меня в подвалы,

в темноту,
под свод психиатрической больницы.
Но из развалин горестных и дымных,
в ожогах вся, в запекшейся золе,
я поднялась, как все—неистребима,
с неистребимой верностью Земле,
и здесь, под этой обреченной крышей,
нашла возлюбленного своего.

Он рядом спит. Он жив. Он мирно
дышит,
я ни за что не разбужу его.

Что может враг?
Разрушить и убить.
И только-то?

А я могу любить,
а мне не счесть души моей богатства,
а я затем хочу и буду жить,
чтоб всю ее,

как дань людскому братству,
на жертвенник всемирный положить.

Грозишь?

Грози.

Свисти со всех сторон.
Мы победили.

Ты приговорен.
Обстрел затих.
Зарею полон город,
сменяются усталые дозоры,

на улицах пустынно и светло.
Сметают в кучи дворники стекло,
и неусыпным эхом повторен
щемящий, тонкий, шаркающий звук
и зайчики бегут по тротуарам
в стеклянных брызгах.
В городе весна,
разбитым камнем пахнет и пожар
в гранитный берег плещется волна
как сотни лет плескалась.

Тишина.

...Какая ночь над сердцем прогремела
над самой головой моей прошла...
Помолодела я или постарела?
Какой восход—багряный, чистый,
смелый;
и этот тонкий, ломкий звон стекла
и тишина,
как будет—без предела...

...О девочка с вершины Мамиссон
что знала ты о счастье?

...В ночной молочной дымке Оно
неласково,

сурово и бессонно
и с гибелью порой сопряжено.
Пред ним ничто—веселье.
Радость—прах.

Пред ним бессилен враг,
и тлен,
и страх,
оно несет на крыльях лебединых
к таким неугасающим вершинам,
к столь одиноким, нежным и нагим
что боги позавидовали б им.

Я счастлива.

И все яснее мне,
что я всегда жила для этих дней,
для этого жестокого расцвета.
И гордости своей не утаю,
что рядовым вошла

в судьбу твою,
мой город,

в званьи твоего поэта.
Не ты ли сам
зимой библейски грозной
меня к траншеям братским подозвал
и, весь оостеневший и бесслезный
своих детей оплакать приказал.

И там, где памятников ты не ставил,
где счесть не мог,
где снег лежал где никого не славил,
от зарев розоватый,
где прогрызал траншеи экскаватор,
где динамит на помощь нам, без силы,
пришел,
чтоб землю вздыбить под
могила,—
там я твоею плакальщицей стала...
Неся избранье тяжкое свое,
из недр души
я стих свой выдираю,
не пощадив
живую ткань ее...
И ясно мне судьбы моей веленье:
стихом своим на много лет вперед
я к твоему пригвождена виденью,
я вмерзла
в твой неповторимый лед.
...А тот, над кем светло и неустанно

мне горевать, печалиться, жалеть,
кого прославлю славой безыменной —
немою славой, высшей на земле,—
ты слит со всем, что больше жизни
было:
мечта,
душа,
отчизна,
бытие,
и для меня — везде твоя могила
и всюду — воскресение твое.
Твердит об этом
трубный глас Москвы,
когда она,
колебля своды ночи,
как равных, славит павших и живых,
и Смерти —
смертный приговор
пророчит.

Ленинград 1945

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

НА РУБЕЖАХ

С рельс
ногтями
отдирали лед мы.

Пар плясал
над паровозною трубой,
Песни прозолоченной «Олекмы»
Пел солдат —
сибирский зверобой.

Зацветала дальняя «Олекма» —
Золото червоное лилось,
Вологодский ветер
рвался
в окна,

Заглушая перестук колес.

А за горизонтом
Ладога лежала,
А за Ладогой огромный город жил —
На морозе душный от пожара,
Втиснутый в кривые рубежи;
Бомбили луть —
да так, что шпалы
в небо,

Взрывные волны шли тяжелым ветром.
Последней не блокадной пайкой хлеба
Нас в Волховстрое наградили щедро.

Да, Маяковский... В толстых словарях
Таилось слово страшное
«блокада»...

Последний съев сухарь,
я умираю
в Пулковском кювете.
Направо —
пепелище Ленинграда,

Над пепелищем высохший балтийский ветер
Все словари в Москве.

Пути отсечены
И я о июле
не видал
Москву.

Мне больше о войне не снятся сны
Нет словарей.
Блокада.
Наяву.

Мы зимуем в синявинских топких
чащобах.
Иглы веток периной на углях стел
Нас насквозь пропитала
священная
злоба,

На которой стоит
и стояла земля.

Здесь болото по пояс.
Болото по плечи

И такая тоска
шалашей продувных,
Что полгода
под пулями выдержать
легче,

Чем какой-нибудь
месяц
в них...

Дневального
холод
прижмет к костру,
Сном окружив,
свалит,
И запыляет шалаш на ветру
И поминай, как звали!
Горят
синявинские шалаша,
Патроны трещат в огне,
А мы их едва успеваем тушить —
И пеплом
покрылся снег.
Промерзшие руки
в огне почернели,
Растрескались.
В трещинах
капли
крови.
Мы над кострами прожгли шинели
И опалили брови.
Ветры
расправу над нами вершат,
За голенищами иглы да сучья.
В чадающих
простуженных шалашах
Покрылось тело
корой
дремучей.
Раньше мы снегом
скоблили
кожу,
Но ведь нельзя месяцами не спать.
Нас пеплом начало засыпать,
И мы на сожженные
трупы
похожи...
Суровой земли
я нигде не видал,
Такую и выдумать
не легко.—
Желтым пятном
проступает
вода,
Если снег проколоть штыком,
И тонут танки
по самые башни,
И кажется, нет здесь совсем земли.

Задремлешь.
Проснешься.
И станет стрелами,
Трясина —
вблизи,
вдали,
На ней ни сеять,
ни жать,
ни жить
Она не кормит,
не греет,
Зверь,
не выдержав,
прочь бежит,
А человек —
звереет.
Мы в ней утонули,
в нее вросли,
И враг из месяца в месяц,
Пытаясь вырвать нас из земли,
Болото бомбами месит.
Осколки врезаются, как шипы,
Рвут
снеговой
покров.
Металл, охлаждаясь в воде, шипит,
Как печь
от сырых
дров.
Осколки расписывают кору,
Осколками
воют
клячья
кору,
А мы под бомбами
ползем
к костру
И телом готовы его закрыть,
Чтобы взрывная волна не смела
Углей золотую валюту,
Чтобы периной нас грела зола
В синявинском ветре люгом...
Сон сегодня приснился мне,
А здесь даже сны не часты.
Счастливый сон
на такой войне —
Это большое счастье.

Четыре пальца раздирают рот
На ноте «си», над тучей ветровой.

Идут машины через лужи — вброд,
Идут, шурша, по черной мостовой.

Гулящий дождь, цыганский и грибной,
Дождь голубятников и голубей —
Свистящий, булькающий, проливной,
Дождь, разговаривающий со мной
По водосточной сломанной трубе.

Щекочет ноздри свист на ноте «си»
И турмана на ниточку берет,
Над черной крышей турман колесит,
Над острием узорчатых ворот.

Гуляют закадычные друзья,
Гремит по крышам листовая дрожь,
Обводный вдоль навывлет просквозья,
Гортанным свистом покрывают дождь.
Четыре пальца раздирают рот.
И я готов побиться об заклад,
Что каждый от рождения крылат —
Летит по крышам кувырком вперед,
Четыре пальца раздирают рот...
Над Ленинградом плотный дождь
повис,

На голубятник переводит свист,
И свист летит сквозь тучу — в синеву,
И, обессилев, падает на сквер,
На мокрую, прохладную траву.

Но с Ладоги торопятся ветра,
И тучи поворачивают вспять,
И медленно

Июльская жара
На город опускается опять.
А голубь набирает высоту
(Он облетел все в мире города),
Но эту неземную красоту
Не видел на планете никогда.

И сизый турман над рекой Невой
От счастья захлебнулся синевой...

Надо верить хорошим снам,
Потому что все они —
в руку,
Верить до шороха,
верить до дна,
Верить!

Рассказывать их друг другу,

И если приснится тебе
вот это,
О чем я только что рассказал,
Не обязательно

быть поэтом,
Просто закрой на минуту глаза,
И ты почувствуешь
этот город —

Дворцы.
Прспекты.
Балтийский ветер
Забудешь холод.

Осилишь голод.
Вынесешь все на свете,
И только в ритмах
ломаной строки
Останется былая канонада,

Когда-нибудь
расплавим мы штыки
В литье
для новостроек
Ленинграда...

А пепел с цыгарок пылит на ветру,
И ракеты туман сверлят.
— В каком сражении
я умру?

Какая примет меня земля?
Ночь блокадная!
Расскажи,
В каком сражении
я умру,
Какие российские рубежи
Прославит
мой ратный
труд?

Ночь блокадная,
Расскажи!

Очень
Хочется
Жить!
Бродить по острой сухой траве,
Лежать на песке горячем,
Смотреть, как в июльской сплоси
синеве

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

ВАГОН

Мимо дымных застав
Шел товарный состав
И ревел на последнем своем перегоне,
И, привыкший к боям,
Заливался баян
В полутемном, карболкой пропахшем вагоне.

Там, под песни и свист,
Спал усталый радист,
Разметав на соломе разутые ноги,
И ворочался он,
Сквозь томительный сон
Волоча за собой груз вчерашней тревоги.

Он под грохот колес
Околесицу нес
И твердил, выводя весь вагон из терпенья:
«Говорит Ленинград,
Назовите квадрат,
Назовите квадрат своего нахождения..»

Шел состав «с ветерком»,
Дым летел кувырком,
И щемило в груди от зеленой махорки.
Я молчал, как сурок,
И сухой ветерок
Пробивался за ворот моей
Гимнастерки.

А внизу скрежетал
Разогретый металл.
Было шумно в вагоне, и жарко, и тесно.

НИКОЛАЙ ВИРТА ЧАС РАССВЕТА

1

Мы ждали — что скрывать! — мир был полон слухами, но еще никто смел сказать это слово — «конец».

Кто в эти дни забывал о радио? Кто выключал его хоть на один ? Мы ждали.

Мы ждали седьмого, и мы ждали восьмого... Молнией пронеслось по шве: слушайте в три.

— Слушайте в четыре, — звонили мне, — когда ничего не было ска-
но в три.

— Слушайте в семь, в восемь, в десять, в двенадцать...

Кто спал эту ночь в Москве и в дальних и ближних городах нашей
или? Миллионы сердец гулко забились в предрассветную пору, услы-
ев призыв радио столицы слушать в два часа и десять минут важное
общение. И уже по одному тону диктора мы поняли — вот она!

Когда все было сказано и победа стала реальностью, явю, когда
рнчились бесчисленные звонки и поздравления, я взобрался на крышу
шего высокого дома — отсюда видна вся Москва.

Как тихи, как безмолвны бывали обычно улицы и площади ее в этот
меречный час!

Город, погруженный во мрак, встал в моей памяти. Жерла этих же
шек, у которых я стоял, много, много раз видели мы обращенными
запад, и страшно было смотреть туда, откуда каждую секунду мог
явиться враг. !

И холодной была эта тишина ночей в промежутках между бомбеж-
ки, тишина, три с половиной года сковывавшая город... С затемненными
рами шли редкие машины, и их сигналы были тревожны и глухи... Ни
кого луча света не примечал глаз в замаскированных окнах... Будто
арованное царство лежало ногами по обоим берегам реки...

И вот словно добрый волшебник своим чудодейственным жезлом
икоснулся в то утро к злему очарованию и разрушил его..!

Бледным дрожащим туманом был затянут горизонт, серая облач-
ть закрывала небо, и еще неясно было, каким придет день.

Медленно, медленно с востока шел рассвет. Как бы изумленный видом
ю освещенного города, он задерживался на окраинах...

Улицы и площади перекликались звучными голосами. Торжественно

5/II-11
Копия с. 55-98. ч

ревели сигналы автомобилей. По Москворецкому мосту на Красную площадь двигались людские толпы: испокон веков русское сердце тянется туда, где бьется сердце родины, где как бы проходит ось ее жизни: где на древнем холме, в древнем дворце, среди древних башен, увенчанных звездами новой эпохи, живет человек, владеющий нашими сердцами!

Как медленно шел рассвет!

Как холодна и влажна была парусина чехлов, закрывающих стволы зенитных пушек!

Стай самолетов пришла откуда-то с запада, их обычные опознавательные огни казались праздничными, гул их моторов казался особенно мощным, и все долго смотрели на них, на плавный и мирный их полет. Сделав круг над Москвой, они пошли на посадку — один за другим.

Пробило пять на Спасской башне, и в тот же миг, точно, как это указано в календаре, светлый луч пробился сквозь серую предрассветную муть... Солнце всходило на очищенном от облаков небе. Гигантский раскаленный шар поднимался все выше и выше и вот холодный утренний свет залил весь видимый мир.

День начался, великий майский день, долгожданный ясный день!

Конец мраку и ужасу! С рассветом, с холодным весенним солнцем мир пришел мир — завоеванный гением, доблестью, завоеванный кровью, трудом, умом, волей и самоотречением народа.

2

Долго сидел я на краю крыши, наблюдая, как наполнялся людьми город, как закипали улицы и площади праздничной суматохой, как появлялись гармоника и балалайки, как возникали хороводы, кадрили и танцевальные круги, как плескались по свежему ветру знамена домов и флажки в ручонках детей, как гордо реял над Кремлем красный стяг правительства.

...И вспомнил я другие годы.

Они остались позади — эти тысяча четыреста семнадцать дней войны. Кто забудет хоть один из них?

Больше, чем минут, было в каждом из них человеческих смертей. Каждый из этих дней — это сотни, а быть может, и тысячи ушедших из жизни наших братьев, наших отцов... Они отдали самое драгоценное, самое неповторимое, самое святое, что имеет человечество, — свою горячую кровь... Кто забудет хоть одного из них? До самого конца каждого из них знал, что дело, за которое он умирает, не погибнет, что правое дело победит!

Они думали так везде, где бы я ни видел их в дни войны.

Я вспомнил величавые пейзажи Севера в осенние дни тысяча девятьсот сорок первого года, Мурманск, яростно ошестинившийся дулами и выстрелами артиллерийских орудий, сумасшедшее пламя подожженных немцами бензиновых баков, как факел пылающий у причала пароход, гигантский фон бьющий в центре города из развороченной водопроводной магистрали, грохот рушащихся стен, испуганные лица детей, женщины, закрывающие своими телами грудных младенцев, дикий вой сирен, к которым никто не может привыкнуть человек, как бы храбр он ни был, свирепый

пикирующих бомбардировщиков, много раз в день посылаемых немецким генералом Дитлом...

Тогда фронт был в пятидесяти километрах от Мурманска, и Фалькенхорст — гитлеровский главнокомандующий на Севере — клялся Гитлеру, что мурманские большевики не будут праздновать «свой октябрьский юбилей». Фронт был в пятидесяти километрах от Кольского залива, он проходил по местам, где редко ступала нога человека, куда редко забегал зверь, где бездонные озера, сжатые мрачными голыми скалами, холодны и угрюмы в своей безлюдности, где редок птичий крик, где веет ледяным дыханием океана...

Две пехотные дивизии и морская пехота Северного флота держали фронт на Мурманском направлении, окопавшись по берегу Западной Лицы — широкой, суровой реки, текущей по каменистому ложу среди дикого нагромождения первобытных камней, одетых многовековым мхом. Двум дивизиям и морской пехоте противостояла 20-я немецкая армия — альпийские горные дивизии Дитла.

Ночами в палатке сухопарого, седовласого полковника Вещезерского — командира одной из наших дивизий — мы слушали с ним и с комиссаром Орловым радио, лежа на звериных шкурах, посланных по верх еловых ветвей, и каждая ночь приносила нам вести, от которых мы ту же сжимали челюсти. Каждую ночь мы слышали безумные завывания фюрера германского и многочисленных иных европейских фюреров и фюрерчат, и грохотали барабаны главной квартиры Гитлера, извещения «райха» о новых победах коричневых орд и каждый день ровно в десять утра над высотой 314,9, у подошвы которой ютился командный пункт дивизии, мы видели германские самолеты, идущие вдоль линии фронта и сворачивающие затем на Мурманск. С них летели бомбы и листовки, и Фалькенхорст тщетно предлагал изо дня в день советским дивизиям Севера сдать на его милость.

Чем только не бахвалился он в те дни! Белой булкой он зазывал в плен русских солдат. «Каждому сдавшемуся солдату гарантирую ежедневно белую булку» — громадными красными буквами было написано под изображением круглого белого хлеба.

Чем только не угрожал генерал непокорным!

Какими только страхами не пугал!

В многотысячных тиражах летели вниз карты, где черная, зловеще-жирная линия мертвой петлей охватывала Ленинград, змеей подползала к Москве и, извиваясь, спускалась к югу, разрубая пополам советскую землю...

Каждое утро, позавтракав и прочитав очередное послание Фалькенхорста и послав по его адресу пару крепких солдатских слов, полковник Вещезерский надевал свой старый плащ с капюшоном, брал неизменную сучковатую дубину и либо в лодке, либо верхом, а чаще пешком, уходил в свою батальоны, шагал по кручам Западной Лицы, в каменистых берегах которой, в траншеях, выбитых динамитом, сидели его солдаты...

Полковник не говорил им трескучих фраз, не напоминал об опасности, грозящей родине. Тут все и каждый знали ее меру, и все и каждый знали, в чем заключается их долг.

И в выполнении этого тяжелого долга не было ничего парадного, показательного...

Тут знали и понимали, что черная петля, сдавившая Ленингр. отрезала его от России, от Большой Земли. Тут многое знали и понимали.

Тут все знали и понимали, что судьбы отечества решаются в Смоленском, под Ленинградом, на Украине, на Черном море, а не в этих глухих, неезженных и нехоженных местах, но люди дрались так беззаветно, как дрались повсюду люди Страны Советов, потому что и отрезанные от родины, они были верны ей до конца. Они знали, что позади них — за сопками, за низкорослыми лесами, за холодными озерами за теплым заливом — лежит город Мурманск, порт, куда придут корабли союзников и привезут провиант и оружие сражающимся под Москвой на юге, и что Сталин приказал не отдавать его Фалькенхорсту, что там ни было...

И они все знали и понимали, что нельзя сделать ни одного шага назад от Западной Лицы и сдать хоть вершок этого каменного барьера. Просто и обыденно дрались солдаты Севера с многочисленными дивизиями Дитла, рвавшимися день и ночь на восток.

И ни превосходящая сила пехотных дивизий, ни авиация немцев, ни днем и ночью висела над фронтом и городом, ни обещанные бомбы, ни жирная линия фронта, которая с каждым днем подвигалась в дальше на восток, там, в центре России, ничто не разъедало их души.

Тут, как и везде, не было сомнений и гнетущей тоски, отчаяния и слабости! Тут была твердость, похожая на скалы, окружавшие батальоны, но похожая лишь внешне, ибо эта солдатская твердость была одухотворенной, она была наполнена верой в вождя и в силу и твердость всех, кто дрался на черной линии фронта и позади нее.

Часто тихими вечерами (сентябрьские и октябрьские дни в этих глухих местах были как-то по-особому хороши) сидели мы с комиссаром и полковником у костра среди острых осколков скал, свалившихся с высоты 314,9, и вслух размышляли о войне.

Эти люди, ставшие мне близкими, как-то особенно мягко и сердечно произносили слово «партия». Партия — партия большевиков — была для них жизнью, партия была в них, и они всей душой были в партии и с ней, и я видел, какие силы она давала этим и множеству подобных им людей, окружавших меня.

Они говорили о делах на фронте, не бахвалясь, не рисуясь и не прикрываясь цветистой фразой от суровой действительности. Они были убеждены, что партия и Сталин в эти трудные минуты проявляют сверхчеловеческие усилия, организуя на борьбу всех людей Советского Союза, где бы они ни жили, к какой бы расе ни принадлежали, и что там — в Урале, в Сибири, на Кавказе — в городах и колхозах, на заводах и в полях образуются резервы и гигантская моторная сила... Страна медленно, но верно наращивает свои силы и темпы, — они будут доведены партией до возможных человеческих пределов, и тогда, в положенный историей срок, зловещая линия фронта сначала остановится, потом дрогнет и начнет откатываться на запад.

Признаться, я тогда изумлялся этой категорической внутренней убежденности. Она, как мне казалось, не могла лежать только в партийных корнях, питавших этих двух пожилых людей. Я принялся внимательно прислушиваться к разговорам, которые комиссар и полковник ве-

бойцами и командирами — коммунистами и беспартийными, и лишь тогда, всей ясностью увидел источники их веры.

Солдат, сидевший в каменной траншее, отрезанный от сердца России, мстующий перед собой громадную силу альпийских немецких дивизий, над собой тогда еще цвет германских ассов, посаженных в отличные машины, — этот солдат, невозмутимо уверенный, что не может быть огибели правому делу, на вопрос полковника или комиссара: «Как дела, Сидоров?» — отвечал: «Все в порядке, товарищ полковник! Набили им сегодня морду, а что еще завтра будет!» — этот Сидоров питал воей уверенностью людей, поставленных силой жизненных законов над ним, а эти люди, стоявшие над ним, аккумулировали в себе уверенность Сидоровых и разумно направляли ее, создавая таким образом неокрушимое единство низа и верха, народа и власти, партии и людей, лживших ей, ее идеям и ее идеалам...

В этом маленьком фронтовом мире Севера, словно в капле воды, увидел, как вечно свежие, вечно здоровые, вечно движущиеся соки, оставляющие духовную сущность народа, питают тех, кто поставлен на высшую ступень общественной лестницы, как эти соки, проходя по всем ступеням общественной лестницы, превращаются в волю, в действие, в решимость, в гений организатора, руководителя, командира и так, преобразовавшись в могучие действенные силы, по каналам зримым и незримым, поступают в самую гущу народа, возбуждая и поднимая все более мощные залежи народной энергии, собирая ее в величайшие резервуары, готовые в любой момент вступить в дело...

3

Некоторое время спустя я видел в действии накопленную партией энергию народа.

...Душен, непривычно-зноен был конец октября 1941 года в Узбекистане. Фантастически неправдоподобной казалась для этой поры свежая зелень тополей, непривычно мирной казалась жизнь за тысячи километров от фронта...

Тут все изумляло, ослепляло, раздражало — и яркое небо после серых небес Севера, и электрический свет по вечерам, и незамаскированные окна после мрака московских улиц. Тут такой поразительной была тишина ночей после ночей Москвы с воем бомбардировщиков, сирен, с грохотом рвущихся бомб... Внешне все это было абсурдом, чем-то сугубо нейтральным, не имеющим никакой видимой связи с тем, что делалось под Москвой, под Ленинградом, на юге...

Купаясь в сиянии ослепительно-резких солнечных лучей, бесстрастно зирали на окружающий мир колоссы древних времен — мавзолей, мечети, башни; пестрые краски базаров, груды овощей, плодов, винограда, туши мяса, гам и разноголосица еще более пестрых, словно нарочно, для представления одетых толп, казались фантастическими после скудности, суровой серости родимых мест, после пожаров и пепелищ...

Но все это было лишь деталью, штрихом той гигантской работы, что велась здесь и повсюду в советской Средней Азии — от Казахстана

до Таджикистана, на этих гигантских пространствах которые, по уверениям немецкой пропаганды, должны были незамедлительно подняты знамя Магомета, восстать, объявить газават большевикам, отпасть от советского братства народов... Но народы Азии, соединившие свою судьбу с судьбой России, Украины, Грузии, Белоруссии, Армении и других советских республик, не мыслили иначе, чем весь народ СССР. Растворившись в судьбу со всеми, они остались верными своему слову в дни испытаний.

Усман Юсупов, один из выдающихся деятелей советской Азии, вышедший из недр талантливого, трудолюбивого, честнейшего узбекского народа,— к народу и обратился в первый же час войны.

— Делать оружие для фронта. Давать хлопок для фабрик Союза, фрукты для раненых и для детей,— сказал он.— Выращивать столько хлеба на своих полях, чтобы Москва не тревожилась за нас. Найти руду и делать металл, чтобы не возить его оттуда, где он нужен, как воздух, как вода. Послать в армии, дерущиеся с немцами, дивизии узбеков, обучить их, одеть за свой счет, дать им оружие, изготовленное нашими руками, не щадить сил ради торжества великого братства народов,— так говорил Усман Юсупов народу Узбекистана.

Я слушал беседу Усмана Юсупова с ремесленниками Старого города Ташкенте, со старцами, убежденными сединами, то что хранят тайны чеканки знаменитых металлических, изумительных по тонкости изделий,— он просил их снова возжечь горны своих кузниц, дабы ковать в них не роскошные дары Востока, а клинки и кинжалы для кавалерии. Старики одобрительно кивали головами, слушая мудрую и, по восточному обычаю, цветистую речь этого человека. И они зажгли горны в своих давно заброшенных мастерских на рынках, и части Красной Армии, укомплектованные Узбекистаном, ушли на фронт с холодным оружием, изготовленным народом... Народ дал им коней и одежду, обувь и припасы, заводы, переведенные из центральной части страны,— минометы. Москва же вооружила их пушками и танками, и люди Узбекистана дрались на далеких от Азии рубежах, защищая там независимость и свободу родной страны.

Я видел колоссальные бунты хлопка у железнодорожных станций, готовые к отправке на запад,— он был собран на полях Узбекистана. На Чирчике были зажжены огни второй очереди, и Азия дала сырье для взрывчатых веществ уже на второй год войны.

Металлургический завод в Байсуне, призванный освободить Узбекистан от ввоза металла извне, был заложен в эти великие дни.

Я видел тысячи людей, вышедших по призыву партии и советского правительства Узбекистана на сооружение новых оросительных каналов и уже в первый год войны у мертвых пустынных степей были вырубаны гигантские площади,— на них был засеян хлопок и пшеница, и с тех пор Узбекистан не ввозит хлеб для своих нужд,— он сам полностью с избытком покрывает их... И уже зрела в партийных кругах идея великого всенародного строительства канала среди скал Фархада, монументальной постройки, способной обеспечить республику электрической энергией и дать новые тысячи гектаров плодородной земли... Шел на горах уголь на Ангрене; искали нефть, добывали серу, размещали заводы, переехавшие из угрожаемых районов; десяткам тысяч людей

вакуированных из Москвы, Ленинграда, с Украины и Белоруссии, Узбекистан дал кров, пищу, работу.

И, как бы закрепляя кровное и неразрывное родство наций, населяющих территории великого советского социалистического братства, узбеки принимали в свои семьи детей, оставшихся без матерей и отцов,— русских и украинцев, евреев и латышей, карелов и литовцев.

Никогда мне не забыть одного тенистого дворика в Старом городе в Ташкенте. Здесь жил кузнец. Шесть сирот взял он в свою и без того большую семью, и эти копающиеся в песке дети многих национальностей — курносые и горбоносые, черно-курчавые и белесые, скуластые и с нежными овалами загорелых мордочек — как бы символизировали то великое и доброе, ради чего за многие-многие сотни километров лилась кровь — в Ленинграде и под Москвой.

И хотя далеко мы и тысячи нам подобных были от родного города — он стал ближе и дороже нам, чем когда бы то ни было, и по вечерам, прильнув ухом к едва шепчущему радиорупору, мы слушали слова Москвы.

Слова Сталина жадно ловили мы 7 ноября, и хотя никто здесь, в самые тяжелые часы подмосковных сражений,— ни мы, ни народ, давший нам братский кров,— не сомневались в их исходе, потому что знали, что Сталин там, что там Красная Армия,— слова вождя в это утро были как бы солнцем, вдруг выглянувшим из мрачных туч, и горизонт стал видим до самого края небес.

И разве забыть эту минуту всеобщего восторга, что делили с нами все, кто своими сердцами были с Москвой (а Москва для всех родина), когда радио передало сообщение о разгроме германских армий под столицей, и какой праздник царил на улицах, каким ярким казался этот сумеречный день, какая радость и гордость наполнила всех, какая безмерная любовь к Сталину, к армии, руководимой им, с новой силой объединила нас!

4

И зимнюю полупустынную Москву сорок второго года вспоминал я, эти груды снега повсюду, редкие, медленно ползущие трамваи, метро, закрывающееся рано, чтобы дать в своих мраморных недрах приют детям и женщинам, холод нетопленных квартир, окна, забитые фанерой, руины разбитых немцами домов, больниц, яслей, баррикады у застав, детей, тоскующих по школам, их матерей и отцов, утомленных работой, стоянием в очередях за хлебом, водой, дровами, умопомрачающую черноту ночей, сирены воздушных тревог — и снова бомбы, и жертвы, и груды камней на том месте, где час назад жили, любили, трудились.

Каждый из москвичей, кто в октябре, ноябре и декабре чувствовал дыхание близкого фронта и вложил свою долю усилий в разгром немцев под столицей, не мог скрывать своей гордости.

Да, они рыли окопы, противотанковые рвы, ставили надолбы и возводили баррикады... Под свинцовым дождем, который лили немецкие самолеты, носясь над головами строителей подмосковных укреплений, под осенним пронизывающим ветром, в бураны и в морозы, по пояс в воде и

грязи — они копали смерзающуюся землю, пока несколько колец оборонительных сооружений не опоясали Москву.

Эти люди в июле и в августе спасли Москву от пожаров, научившись презирать злобное шипение зажигательных бомб; осенью и в холодный декабрь 1941 года они помогли Красной Армии разрушить дьявольский план гитлеровского генерального штаба. Дело кончилось не только тем, что немцы посмотрели на Москву в бинокль... Здесь, под стенами Москвы, их побили, побили крепко, побили, когда почти весь мир считал, что их побить невозможно, что нет такой силы, которая смогла бы совершить это.

Было ли чудо под Москвой, как писали тогда зарубежные журналисты и радиобозреватели?

Тот, кто видел фронт в 1941 году, неважно какой, кто видел тыл Красной Армии — безотносительно от расстояния до Москвы, кто побывал на заводах, что еще оставались в столице и работали на оборону, кто видел труд тысяч под Москвой в рвах и траншеях, в дотах и пулеметных гнездах, — тот никогда не произнесет этого слова. Это был великий, кровавый подвиг советских людей, воодушевленных единой прекрасной целью, организованный единой стальной волей партии, это был труд, доведенный до апогея, потому что, слишком близким, слишком дорогим было то, во имя чего люди отдавали себя без остатка, — это был родной дом, гнездо, свитое много лет назад, это были ее улицы, река, ее небо, ее Красная площадь, ее мавзолей, ее памятник Пушкину, парки, метро, это было сердце каждого и сердце всей страны — это была Москва.

И вся страна, как все оставшиеся в Москве люди, поднялась на ее защиту. Это была всенародная оборона. Здесь стреляли пушки, сделанные на Урале, здесь били зенитки, отданные Ленинградом, здесь бились танки, сделанные на Волге, здесь дрались самолеты, выпущенные с заводов, отправленных в глубь Азии, здесь сражались сибирские дивизии и дивизии узбеков, казахов, таджиков, здесь падали мертвыми сыны Украины, Белоруссии и Грузии, здесь солдаты ели хлеб Кавказа, Сибири и Кубани, рис Азии, здесь, в обороне Москвы, великое братство, созданное Лениным и Сталиным, давало бой фашистам, и здесь оно еще и еще раз победило, здесь оно еще и еще раз скрепило свое великолепно единство — кровью своих детей.

...Мы все видели труд людей СССР.

Мы знали, на что способен советский человек.

Мы были очевидцами строительства колоссов индустрии; на наших глазах миллионы безвестных героев труда осуществляли план Сталина: Магнитогорск, Днепрострой, Кузбасс, Большой Донбасс, колхозы и совхозы — все это возникало на наших глазах. Мы еще тогда с восхищением говорили — на что же способен наш человек!

Но когда пришла пора тяжких, горьких испытаний, когда враг двинул на Россию свои громадные, до зубов вооруженные орды, когда во Европа, казалось, пошла на нас, — вот лишь тогда в полной мере открылись все родники народного могущества; тогда советский народ воистину показал, на что он способен, если едина и благородна цель, если нет ничего дороже ее, если едина и правдива единая направляющая воля, если кормчий не сгибаем перед лицом ужасных гроз.

Холодные толкователи теорий, блюстители мертвых букв хотят ныне сказать нам:

— Чуда не было, нечему удивляться, логика вещей не может вызывать изумления и восхищения.

Да, чуда не было, причина родила следствие, но так же, как мы не верим в чудеса, приходящие с небес, так мы восхищаемся тем чудесно-великим, что совершил народ в 1941 году, что он совершал в 1942 году в Ленинграде, в Сталинграде и всюду, где редела буря войны. Человечество открывает изумленно глаза не только перед неожиданным, но и перед величественным. Мир восхищается не только тем, что прекрасно, но и творцами всего прекрасного. Мы — дети советского народа, очевидцы того, что он сделал, участники в малой или большой степени этого сделанного, мы восхищаемся им, потому что еще ничего более прекрасного не было сделано с того дня, как человечество помнит себя. Наш народ спас сотни поколений от унижений, от уродства, от всего того, что им готовил фашизм! И вечно грядущие за нами поколения, спасенные народом СССР, будут восхищаться делами недавно отгремевших дней.

Рождение ребенка причинно, и тем не менее каждое появление новой жизни вызывает в нас изумление, каждый год цветут яблони и вишни — и каждый год мы останавливаем на них свой восхищенный взор.

Наш народ, победив чуму Гитлера, рождает эпоху, свет которой засияет над всем человечеством; он принес человечеству весну!

...Подруга дочери, узнав о моем возвращении в Москву, в холодный солнечный январский день пришла ко мне. Мы пошли гулять. Мы шли мимо школы, выстроенной перед самой войной, — и я вспомнил теплый день в сентябре, когда она открывалась и как мы все радовались тогда. В школу попала германская бомба и разбила правое крыло, как раз то самое, в котором был класс этой десятилетней девочки и моей дочери. На стене висела доска, и на ней мелом была написана какая-то нерешенная задача, ветер трепал зоологические таблицы, груды камня и битого кирпича лежали на площадке перед школой.

— Это разбил Гитлер, — сказала девочка.

Мы прошли мимо детского сада, стертого бомбой с лица земли.

— Сюда ходил мой брат, — сказала девочка. — Его не нашли. Это же сделал Гитлер! — Она была бледна и худа, в ее глазах я видел серьезность, которой можно было бы ужаснуться, если бы не война. Девочка рассказала мне, как летом, вместе с другими ребятами, она гасила «зажигалки», как она приняла хозяйство от матери, ставшей к станку, как на ее руки лег весь дом, все заботы — еда, доставание хлеба, керосина, дров, заботы о маленькой сестре...

— Когда начали строить баррикады, я три часа в день работала там. Мне не велели таскать большие камни, я носила кирпичи, иногда по два, иногда и по три. Но они негодились, — сказала девочка.

...Зачем я вспоминаю все это? Чтобы беречь старое? Нет, чтобы хвалить: достойно трепетного удивления мужество людей Москвы — старых, молодых и подростков. Мы знаем, им не было так тяжело, как подям Ленинграда. Ну что же, достойна великого удивления твердость духа ленинградцев, и чем дальше будут отходить дни, пережитые ими, пережитые всей страной, — тем могучее будет сила этой легенды,

легенды о том, как человек Страны Советов победил то, что казал непобедимым.

И сверкающей вершиной этой легенды на веки веков останется Сталинград!

5

Немцы рвались к Сталинграду, шли кровавые бои на Дону у Клясской, гигантский танковый клин гитлеровцев врезался в живое тело Кавказа...

Уже копали укрепления вокруг Сталинграда, создавались рабочие дружины на Тракторном, на «Баррикадах», на «Красном Октябре» и после работы люди выходили в поле к пулеметам — через двадцать четыре года оживали традиции Царицынской обороны.

Весь мир, затаив дыхание, следил за тем, как советские армии отвали чудовищный натиск Гитлера, решившего расчленить СССР, отзаты Москву глубоким обходом...

Волей обстоятельств в эти дни я попал в Таджикистан, а оттуда на Памир.

Это за тридевять земель, за поднебесными горами, за реками, с грохотом и воем стремятся между дикими ущельями.

Неприступной грядой скал, остриями бесподобно грандиозных вшин отделен от мира этот уголок советской земли. Тонкая нить трашох-Хорог да воздушная трасса над горами, по которой ходят самолеты, управляемые мастерами летного дела, связывают область с внешним миром. То и другое часто рвется — погода здесь изменчива, нигде, — вечная, смертельная опасность поджидает пилота и пассажиров на каждом повороте, маленькое облачко через минуту превращается в черную тучу, ветры — в ураганы, в безднах рождаются вихри... Автомобильный тракт проходит многие реки, — характер их крут и своеобразен: таяние снегов где-то на кручах гор вздымает волны горных ручьев и в течение часов они становятся полноводными реками; с визгом, скрежетом, с оглушительным воем желтые шипящие волны несут к Гунту, переворачивая многотонные скалы, дробя их в песок, в пылу все сокрушая на своем пути, взламывая предместные заграждения, слизывая в мгновение ока мосты...

Так было и при мне, — тракт, во многих местах взорванный реками, обезлюдел, Памир сообщался с Советским Союзом по радио и самолетами, что приходили в Хорог раз в сутки, да и то не всегда.

Нигде и никогда я не видел такого скопления людей у радиорубки, как в Хороге, — этом маленьком городке у подножия необозримых гор и в кишлаках по долинам рек.

Война, казалось, шла на другом конце света. Горы, целые гигантские страны, пустыни, степи, реки отделяли этот мир от мира воюющих. Но этот мир был с ним, эти люди были с теми, что воевали далеко на западе, и там, среди русских и прочих солдат, дралась сыновья горцев Памира.

Тихий Дон стал здесь так же близок, как Гунт, ревущий трудный день и ночь, неведомая станица Клетская была у всех на языке, и как диктор называл ее, все облегченно вздыхали — еще держится станция

еще не пробилась немцы дальше, еще есть время подготовить к обороне Сталинград!

Мужественный и красивый народ живет на Памире — свободное, вольнолюбивое племя горячих богатырей. Немного людей в этой суровой стране непокорных стихий — но все, кто способен носить оружие, спутались с гор в первые дни войны и ушли защищать вольность великой страны, верными сынами которой они слывут все годы, прожитые в едином братстве.

Страна заботилась о них, она была внимательна к ним, как внимателен старший брат к младшему. По тракту, проложенному среди скал, через заоблачные крутые перевалы шли машины, груженные всем, что нужно человеку. Когда реки и ураганы разрушали мосты — инженеры ехали сюда. Летчики, рискуя жизнями, проложили между пиками высотой во много тысяч метров воздушную трассу, почти единственную в мире по сложности. Здесь открылись школы, больницы, кино-театры, — этого всего не знал народ Памира до социалистической революции, это все обрел он заботами советского правительства, заботами людей далекой равнинной России.

И когда пришла година испытаний, — не было человека, живущего здесь, среди этих высот, чье сердце осталось бы черствым к общему делу.

Тут сиздавна женщина не работала на полях. Ее удел был дом, дети, забота о муже. Не в бесправии дело, — женщина на Памире равна мужчине. Мужчина благородно взял на себя полевой труд, — не только тяжел, но и опасен он здесь, на этих кручах, где каждый дюйм земли пропитан человеческим потом. Когда мужчины ушли на фронт, женщины вышли в поле. Пробираясь по каменным крутизнам, они обрабатывают полосы земли, нанесенной ветрами и столь же легко ветрами сдуваемой, сами рыли каналы орошения, и вода, послушная их воле, поднималась на сотни метров, заставляя плодоносить камни.

Много машин, до отказа груженных теплыми вещами, связанными женщинами Памира, в зимние дни ушли по тракту к железной дороге, а оттуда на фронт.

Памир посылал на фронт мясо. Памир посылал редкие металлы, найденные тут после начала войны. Памир воевал вместе со всеми, в одном ряду, против одного врага, — потому что тут знали, что враг должен быть уничтожен или он принесет рабство, а рабство и Памир — понятия, исключают друг друга.

Военный заем, выпущенный правительством, разошелся здесь в течение суток; не было дома на Памире, который бы не имел облигаций его. Не было в эти дни дома на Памире, в котором бы не слушали радио, а там, где радио не было, люди сходились на площади кишлаков и слушали человека, присланного областным комитетом партии с новостями и призывом утроить усилия во имя победы.

Далеко шла битва! Но эхо ее было слышно и здесь.

Дон. Клетская. Сталинград. Эти слова знали все. Все знали, что подразумевается под ними. Все знали, что нельзя допустить немцев до Волги, потому что хоть и очень далеко течет эта Волга, но она так же дорога каждому честному сердцу, как Гунт; потому что хоть и очень далек Сталинград, но он носит имя человека, который всей своей

душой за свободу, всей своей жизнью за счастье людей, где бы они жили и какая бы кровь ни текла в их жилах; потому что нельзя отвать врагу этот город — город Сталина, друга и отца!

И хотя все тут знали, что жертвы Памира не велики, что не с решают судьбу человечества и исход битвы, но все также знали, понимали, что великие реки — в своих истоках лишь малые ручьи, что малые победы в полях и в рудниках слагаются в великую победу.

6

...И вспомнился Сталинград, декабрь 1942 года, Волга во льду, опаленный разрывами снарядов, черные полосы пороховой гари на снегу, запорошенный пеплом пожарниц, пожарница в городе, и рев снарядов, и свист пуль, и несмолкаемые пулеметные очереди, лай шестиствольных немецких минометов, неумолчное грохотание боя, — и целый день за днем, неделю за неделями...

Какими словами описать то, что было там?

Пока их нехватает.

Придет кто-то, бывший там, и мир узнает все о Сталинграде, — о том как держалась там на прибрежном клочке земли армия генерала Чуйкова как она устояла перед силами, собранными Гитлером со всей Европы.

Здесь были немцы, австрийцы, итальянцы, румыны, словаки, фашисты, изменники Польши, испанские головорезы, венгры. Здесь стреляли орудия, сделанные в Руре, в Чехословакии, во Франции, Бельгии и в иных покоренных фашистами странах. Здесь летали знаменитые асы «райха», здесь были собраны самые совершенные танки, лучшие немецкие генералы командовали дивизиями, которым было приказано взять Сталинград, взять во что бы то ни стало, сбросить армию Чуйкова в Волгу, а потом, повернув направо и налево, — докопаться до Советов.

Пять месяцев бой не стихал ни на одну минуту, каждый день головы защитников города летели сотни тонн металла, — но против металла в его самых разнообразных видах, против лучших танков, генералов, против отборных дивизий, против совершеннейших асов против немцев, австрийцев, итальянцев, румын, словацких фашистов, изменников Польши, испанских головорезов, против пушек Крупн Шкоды и иных многих марок и систем, против всей этой черной силы стояли двадцать пять лет советской власти, стояли все гиганты сталинских пятилеток, стояли рабочий класс и все колхозное крестьянство, стоял советский человек, стояла справедливость и правда, разум, сердце, воля и мысль.

Потом немцы говорили, что в Сталинграде в них стрелял каждый камень. Да, тут в немцев стрелял каждый камень, потому что в каждом камне на улицах Сталинграда жила вся социалистическая держава. А потому что о скалы Волги у Сталинграда разбились надежды реакционеров в 1918 году и должны были здесь же разбиться вдребезги все надежды фашизма, все планы германского генерального штаба. Именно здесь началось уничтожение германского фашизма и его генерального штаба и то, что началось у Сталинграда, было окончено у Берлина — солдатами.

Сталинграда,—они не ушли из Сталинграда, и они первыми вошли в Берлин.

Те, кого Гитлер хотел потопить в Волге, в море крови потопили германскую армию, гитлеризм, мрак, насилие, вандализм. Те, кого он хотел растоптать,—растоптали навечно военную мощь Германии. В Сталинграде не было чуда, потому что за сталинградцами стояла вся мощь СССР, вся мощь партии, объединившей в одно разноплеменных, весь негибемый дух народа.

Не было чуда в Сталинграде, но дела, творимые там, чудесны, они бессмертны и еще при жизни тех, кто воевал у Волги,—они названы Сталиным и народом легендарными.

Все знают, как и где, и при каких обстоятельствах сражалась армия Чуйкова. Его штаб находился в 1500 метрах от переднего края немцев, а штабы дивизии и полков считали эти метры лишь на сотни, а в штабе батальона порой была слышна немецкая речь, потому что немцы сидели за стеной, и стена здесь очень часто была линией фронта.

За спиной армии была Волга, и она так некстати долго не могла покрыться льдом, и лишь шаткий штурмовой мостик связывал в этом месте запад и восток, а над этим мостом ревели германские самолеты и немецкие танки рвались к переправе, чтобы порвать и эту едва видимую нить, что питала армию людьми, снарядами, медикаментами, едой.

Немцы в своих дневниках и письмах называли Сталинград адом, вместилищем самых свирепых ужасов. Воспаленному сознанию фашистов казалось невероятным это упорство русских солдат, ибо, если Сталинград оказался адом для немцев, располагавших свободой маневра, обеспеченным тылом, превосходящими силами и техникой, то для русских, по их мнению, он должен был быть сверхадом.

Было ли это слово в обиходе солдат Сталинграда? Я не слышал его. Была ли обреченность в этом стоянии насмерть? Я не видел ее.

Дивизия полковника Ивана Людникова, зажата немцами на плацдарме вдоль Волги длиной в восемьсот метров и глубиной в шестьсот метров, отрезанная от армии, атакуемая двумя дивизиями, в том числе одной совершенно свежей, только что переброшенной из Магдебурга,—семьдесят дней отбивалась от яростных атак немцев, переходя сама в контратаки, не отдавая противнику ни одного вершка земли, положила перед своим фронтом только за два ноябрьских дня три тысячи гитлеровцев. Уже после этой двухдневной битвы солдат Людникова стали звать «ветеранами Сталинграда»; человек, оставшийся в живых после трех дней сталинградского боя, признавался «настоящим сталинградцем». Три дня здесь помножались на множество обычных боевых дней.

Когда кольцо окружения сомкнулось, Чуйков по телефону спросил Людникова:

— Что намереваетесь делать?

Людников сказал:

— Драться до конца, товарищ командующий.

Ему сказали:

— Перенесите командный пункт дивизии на левый берег Волги.

Людников ответил:

— Традиция дивизии такая,— командиру быть там, где идет б
Я остаюсь на правой стороне.

Чуйков спросил:

— Сколько у вас боеприпасов, патронов и снарядов?

Людников сказал:

— Снарядов и патронов достаточно, чтобы драться, еды достато
чтобы не умереть с голода.

— Хорошо,— сказал Чуйков,— держитесь.

И Людников держался.

Я уже сказал, что Волга в том году стала очень поздно. Мно
дней шел сплошной лед — шуга, по-местному, — ни человеку, ни лодке,
бронекатеру невозможно было пробиться к Людникову с левого бере
Десять дней дивизия питалась пайком, вес которого был шестьде
пять граммов. Шестьдесят пять граммов еды в день. Триста пятьде
раненых, скопившихся в подвалах и блиндажах, медикаменты на исхо
на исходе снаряды и патроны, а немцы валят валом, немцы идут во
рост в «психические» атаки, а Гитлер шлет приказ за приказом, — р
давить Людникова, сбросить его в Волгу; свирепеет артиллерийск
огонь, штаб 6-й германской армии приказывает своей артиллерии т
обстреливать Волгу, чтобы даже мышь не могла перебежать к Люднико
с левого берега, немецкая авиация утраивает, учетверяет свои усили
трескаются от бомбежек волжские скалы, обваливаются потолки в бл
дажах, битва достигает невероятного напряжения, а солдаты Люд
кова стоят, словно они тверже волжских скал!

Десять дней они дрались так — на голодном пайке, действуя г
натами и штыками, сокрушая наступающие германские батальоны, п
вода в ужас генералов Паулюса своими контратаками...

Чем же они держались?

Этот вопрос бесконечное количество раз задавали мы всем, к
был и дрался в Сталинграде.

Чуйков ответил мне на него так:

— Каждый из нас понимал, что Сталинград сдавать нельзя, что у
отсюда невозможно. Это здесь одним бойцом были сказаны слова: «
левого берегу Волги земли нет даже для наших могил». Был при
Сталина и приказ родины. — не сдавать Сталинграда. Мы получа
письма от наших близких. Нам говорили: «Не сдавайте Сталинграда
Мы читали газеты, в которых писалось: «Не сдадим Сталинграда!» М
слышали радио из стран союзных, из стран, угнетенных фашистам
«Не сдавайте Сталинграда!» Мы понимали, что под Сталинградом
шается судьба не только нашего советского народа, но судьба все
человечества. Итак, каждый из нас знал, во имя чего он воюет зде
Сказав однажды: «Умрем, но не сдадим Сталинграда», — солдаты ст
на смерть и выполнили приказ Сталина. Мы чувствовали присутст
Сталина между нами каждую минуту, каждый из нас умом и сердцем
с ним. Он не сдал Царицына в 1918 году. Мы были поставлены т
чтобы не сдать Сталинграда в 1942 году. В наших руках было оруж
врученное нам родиной, совершенное и могучее оружие — продукт
линских пятилеток, — и мы дрались им. Но сильнее нашего оруж
было наше сознание, что с нами и за нас весь народ, что, с нами Ста
Мы всей душой верили тому, что он сказал 3 июля 1941 года о г

деровской армии — армии, которая будет сокрушена, как некогда были сокрушены казавшиеся непобедимыми армии Фридриха, Наполеона... Мы держались нравственной силой, силой оружия, силой уже приобретенного боевого опыта, — и против соединения этих трех сил немцы оказались бессильны.

Часто вспоминал я слова Чуйкова: «сила оружия и сила приобретенного боевого опыта» в дни разгрома 6-й германской армии в районе Сталинграда. Как некогда говорили, что все дороги ведут в Рим, так зимой 1943 года все пути судеб мира сошлись под Сталинградом.

Пока армия Чуйкова сдерживала натиск немцев в самом городе, пока армия Шумилова, держа фронт от Волги и Бекетовки и дальше на запад, не давала возможности гитлеровцам распространяться по Волге на юг, — грандиозная работа совершалась в Советской стране. Народ ковал оружие, грохот которого должен был скоро услышать весь мир. Народ оснащал армии, железная поступь которых скоро должна была удивить мир. Армия, взяв в руки сделанное страной оружие, в совершенстве овладела им. В то же время воинствующая мысль Сталина искала решение предстоящей задачи, грандиозностью которой впоследствии был потрясен мир.

Сталинград — вершина физических и нравственных усилий народов СССР. Здесь сошлись все прожитые нами годы, все сделанное партией, весь наш опыт, знания, труд, выносливость и мужество народа, чистота его идеалов, талант его руководителей, его генералов, необычайные качества его солдат и гений его вождя, его проницательность, его умение бить по-ленински, ни на минуту раньше, ни на минуту позже, его мудрость, знание людских сердец, вера в силу ленинских идей, в братство народов, в беспредельность самопожертвования.

Все это воедино слилось под Сталинградом и определило исход великого плана Сталина.

Я видел результаты этой битвы, положившей начало концу. Я видел генералов Гитлера и колонны немцев, шагавших по Волге под конвоем советских бойцов, видел хаос разрушенной немецкой техники под Сталинградом; бесконечные немецкие кладбища с черными крестами и воронов, слетавшихся сюда... Я видел Сталинград в смертельных ранах, его камни, обогранные кровью советских людей, его дома, ставшие бастионами, его руины, превращенные в крепости. Здесь каждый осколок кирпича — сама история, здесь было совершено величайшее, здесь была остановлена черная, жирная линия фронта, здесь она впервые дрогнула, и отсюда она начала откатываться назад, на запад, с каждым километром приближаясь к Германии.

Девятого февраля, уезжая из Сталинграда и прощаясь с Чуйковым, я спросил его:

— Куда теперь?

— В Берлин! — сказал он.

Я не знаю, — шутил ли Чуйков в ту минуту, но его гвардия и сам он одними из первых вошли в Берлин.

6-я германская армия не смогла укрепить знамени фашизма над волжскими утесами, над Сталинградом.

Гвардейская армия Чуйкова, пробившись 2 мая 1945 года к сердцу Берлина, поставила на колени Вейдлинга, его штаб, армию, защищав-

шую город. На рейхстаге, подобно пламени, взвилось великое, священное красное знамя — знамя Победы, принесенное с Волги от Сталинграда солдатами Сталинграда, Ленинграда, солдатами Москвы, Одессы, Севастополя.

7

И лето 1943 года вспомнилось мне в этот час рассвета, — страдным оно было на полях сражений. Оттремели гигантские бои в дуге Орел — Курск, все дальше на запад пробивались армии Советской страны, очищались равнины Украины... Страдным было это лето на полях сражений и на полях колхозных.

Под тяжестью плодов гнулись яблони в садах Тамбовщины, уже скошены и обмолочены были озимые, созревали яровые хлеба в тех родимых дворикских местах, куда попал я после десятилетнего перерыва; стар и млад были на полях, вымершим казалось село, лишь малые дети да согбенные древние старухи копошились в избах и подле них.

Задолго до рассвета вставали все и уходили в поле, поздно ночью возвращались оттуда.

Целый день — от зари до зари — скрипели телеги на дорогах, идущих с полей в село, — возили снопы к токам.

На задах крутилась по ветру мякина, молотили хлеб при дневном свете и при свете фонарей — спешили сдать государству, фронту драгоценное, золотое зерно.

Целый день скрипели телеги на дорогах, ведущих к станциям, к элеваторам, к ссыпным пунктам, красные флаги трепетали над головными телегами хлебных обозов, возницы перекликались между собой, облаком стояла пыль, вставало и заходило знойное августовское солнце, и неумолчен был скрип колес.

Я бродил по полям и огородам, меж токами и гумнами, наблюдая этот великий соединенный труд крестьянства, встречал знакомых, говорил с теми, с кем сидел на одной парте в сельской школе, заходил в прохладные пустынные бревенчатые классы, — на их стенах висели портреты людей, посланных селом на фронт, отличившихся в боях под Москвой, в Ленинграде, под Сталинградом. Тут было много друзей детства, я подолгу рассматривал эти лица — и все прошлое живо вставало передо мной. Здесь были учителями те, которые учились много лет назад в этой же школе, но им некогда было долго разговаривать со мной и предаваться воспоминаниям, — они вместе со всеми работали на полях.

Много раз слышали мы от Сталина похвальные слова женщине — большой силе советского села. Война показала нам эту силу во всем ее величии. Женщина в этой войне почти целиком заменила на колхозных полях мужчин, ушедших на фронт! Я не знаю, какой процент рабочей силы составляли в год 1943, в год перелома войны, мужчины в Двориках, во всяком случае, он был невелик. Подросток и женщина несли на своих плечах всю тяжесть, всю сложность, всю технику современного сельского хозяйства. Я видел женщин повсюду — за рулем трактора сидела девушка, комбайном управляла женщина сорока лет, муж и сын которой ушли на фронт еще в начале войны (ее муж работал на этом

же комбайне, она сменила его). Я видел женщин и девушек с косами, граблями, у жнеек, у молотильных барабанов, в телегах, возящих снопы, у элеваторов, среди гигантского скопления хлебных колонн, в колхозных конюшнях, на фермах, в огородах и садах,— повсюду, на самых тяжелых и на самых тонких, требующих знания машины, работах — женщина и важный, сознающий всю меру своей ответственности подросток, нарочито-грубоватым голосом попускающий лошадок...

Никогда я не наблюдал среди обитателей Дворинок столь благородного единодушия, столь самоотверженного труда! Никогда здесь не звучал так властно, так по-хозяйски разумно, так трезво и мудро женский голос, как в эти трудные годы.

И хотя не было в Двориках избы, мужчины которой не воевали бы на фронте, и хотя не было месяца, чтобы почта не приносила весть о павшем в боях или о раненом,— гнетущего чувства отчаяния, равнодушия или слепой покорности судьбе я не заметил здесь среди моих односельчан.

Село воевало, будучи так же уверено в победе, как и те, что были на фронте. В поте лица отвоевывало оно будущее вместе с теми, кто отвоевывал будущее своей кровью. Это было непобедимое единство. Ни тяжесть порой непосильной работы, ни закономерные трудности и нехватки, ни боль, ни тоска и печаль по ушедшим отцам, мужьям и братьям, ни этот сложнейший комплекс проблем, во весь рост вставший перед женщиной — нераздельной хозяйкой полей,— не сломило волю русской крестьянки, не вывело из равновесия ее всегда уравновешенную, всегда здоровую, вечно живучую, вечно негибаемую натуру.

Женщины ловили в полях немецких парашютистов, посланных Геббельсом мутить сознание советских людей лживыми обещаниями, «аграрными программами», состряпанными розенбергами, клеветой на большевиков, сказками о скором падении Советов. Мне рассказывали, как сотни женщин допрашивали гитлеровца, спустившегося из-под облаков и пойманного какой-то старухой в болоте, с каким сарказмом они отвечали на его вначале наглые речи и призывы, какой град уничтожающих насмешек сыпался на фашиста, какую ярость возбудила в женщинах эта самая пресловутая «аграрная программа», вытщенная из его кармана, каким позорным было его путешествие вдоль села до сельсовета, сколько брезгливости было во взглядах сельских обитателей при виде посланца Геббельса, чуть ли не сошедшего с ума от страха.

Это было в сорок втором году, когда враг стоял почти на границах Тамбовщины, когда лишь немногие, очень немногие сотни километров отделяли Дворики от линии фронта, когда Воронеж был в руках оккупантов, когда гитлеровцы шли на Сталинград. С этим городом Дворики связаны кровно, из года в год уходили из села десятки здешних поселенцев на Волгу, на царичьинские заводы. И в эти дни германского наступления тут работали особенно самозабвенно, забывая о времени и усталости. Дворики тоже кормили и снаряжали фронт, вкладывая свою долю усилий в борьбу, развертывающуюся под стенами Сталинграда.

А 1943 год принес надежды на приближающийся конец. Я видел, как поздними вечерами собирались женщины в избе, хозяин которой

прислал письмо с фронта, движущегося вперед, как слушались ту-
скупые солдатские слова, какая тихая радость светилась в глазах.
А за окнами, в ночной тишине, пела неугомонная молодежь. И как
звонки, как веселы были их песни! Не о страданиях, не о горе пелос
в них, печальным напевам прошлого не было места в этих днях.

8

...Вспомнились мне частые мои посещения завода имени Сталина
в летние дни 1944 года. Грандиозное наступление Рокоссовского про-
должалось со все возрастающей силой. Витебск, Могилев... Третьего
июля — Минск, Столбцы, Выборг взят на Карельском перешейке, осво-
божден Вильнюс, Гродно снова наше, Красная Армия в Перемышле, в
Бресте... Союзники наступают на Германию с запада, Франция осво-
бождается...

Какие дни! Какой подъем!

Москва уже забыла о налетах и воздушных тревогах, в центре и
на окраинах — людские водовороты, набиты до отказа метро и трамваи
в утренние часы торжественны призывы заводских гудков — московская
индустрия вернулась на родину... Сталинский район, такой безлюд-
ный, такой тихий два года назад, снова грохочет тысячами своих
станков, турбин, двигателей. Из ворот завода Сталина, в какой-то
час я ни приходил сюда, выезжали колонны больших зеленых грузови-
ков, — на фронт, прямо на фронт, вдогонку за частями, идущими с боями
на запад, к границе «райха».

Так печальны были два года назад эти громадные заводские про-
странства, эти безлюдные скверы во дворе, эти молчащие пустые
цехи и редкие фигуры сторожей и охраны.

Прошло то время!

Завод вернулся, обогащенный опытом трудностей, вернулся, оставил
там, где он был, завод, подобный себе, он привез закаленные борьбой
кадры, он ничего не потерял и много приобрел, и вот снова развернулся
на полную мощность. Вновь зазеленели газоны на заводском дворе
распустились кусты сирени, гулом наполнен воздух, в экспериментальном
цехе трудятся конструкторы и инженеры над новой маркой легкового
автомобиля, и я стою перед его моделью, и трудно поверить, что
все это так...

И с кем бы я ни говорил в те дни из работников завода, — одни
они мне повторяли, как самоотреченно трудятся люди в цехах, как
вырос рабочий класс родины за эти трудно прожитые годы, с каким
беспредельным энтузиазмом откликается он на призыв вождя, как все
глубже проникает в сознание чувство ответственности за каждую деталь
как прочно вошла в быт экономия металлов, энергии, как заботливы
стали люди к своим станкам.

Мне называли удивительные изобретения и улучшения, сберегаю-
щие драгоценное время, повышающие качество изделий, на много убы-
стряющие процесс работы над сложнейшими и простейшими деталя-
ми, — никогда не была так ярка и богата творческая жизнь завода, как
в годы войны, никогда не было столько смелости при решении важней-
ших проблем производства, никогда так не работалось, как теперь

В этой работе отличались все, и мужчины, и женщины, которые не отставали от мужчин, а героями дня были подростки, трудившиеся всюду, куда бы их ни ставил завод с увлечением, с пылом юности.

Я видел, как работала юная рабочая смена на заводе Сталина, не отходя от станков, если это было необходимо, по суткам не уходя с завода, если это было нужно фронту, по трое суток,— без нитя, без жалоб, выполняя долг, понятый ими так же глубоко, как всеми нами — старшими.

Видел я молодежь и в других местах за эти годы. Но никогда мне не забыть Воронежа в феврале 1945 года... Жестокие морозы стояли в те дни в центральной части России, застывали паровозы и примерзали к рельсам вагоны на путях от Москвы и дальше к югу. Воронеж встал передо мной в одно ледяное утро призраком, тенью того города, что был мне знаком издавна. Кварталы, улицы, громадные территории пустых домов с обрушившимися потолками, с выбитыми окнами, зияющими отверстиями дверей,—кладбище построек, когда-то наполненных жизнью. Вдоль них двигались люди,—никто из них не заходил в ворота и калитки.

К остановкам подходили трамваи, люди выходили из вагонов и шли непонятно куда. Не было вокруг никаких признаков обиталища, не было ничего похожего на то, что где-то здесь люди живут, трудятся, учатся.

Но тем не менее здесь, в разбитом и сожженном немцами городе, живут, трудятся и учатся. Я был в знаменитом русском учебном заведении — в Воронежском сельскохозяйственном институте; не одно поколение агрономов и других ученых деятелей сельского хозяйства дал он стране. Я видел и прежде этот громадный комбинат аудиторий, студенческих общежитий, лабораторий, кабинетов, ферм, опытных полей и садов.

Немцы все это стерли с лица земли. Разрушения, причиненные одному из благороднейших расадников культуры, ужасны. Трудно было представить себе, что здесь еще возможна какая-то жизнь, лекции, опыты...

Много тягот, много страданий перенесли студенты института. Куда только не бросали их судьбы войны, пока они снова не вернулись в родной город, в эти разбитые вдребезги корпуса. И все, что я увидел здесь восстановленным,—восстановлено руками молодежи, комсомольцев. Здесь лекции чередуются с восстановительной работой. Будущие агрономы стали каменщиками, штукатурами, малярами, столярами, плотниками. Ни июльская жара, ни осенние дожди, ни жестокие февральские морозы не в состоянии охладить пыла восстановителей этих пепелищ.

Но, отстраивая заново свои аудитории и кабинеты, они были также в первых рядах тех, кто отстраивал заново Воронеж. На сотнях строительных площадок, презирая пронзительный февральский ветер, каждый день работали тысячи воронежцев, поклявшихся отдавать городу несколько часов в месяц, и как везде и во все годы, гражданская ли война призывала народ на поля сражений, призывала ли партия к укреплению морской мощи Союза, шла ли великая сталинская стройка, предопределившая задолго до войны ее победный исход,—молодежь, ее передовой отряд — комсомол, одним из первых откликнулся на эти зовы и шел выполнять великую работу, первым среди всех.

Первыми увидели мы молодых наших людей нашей родины среди руин Сталинграда; они первыми положили первые кирпичи нового города... И в Ленинграде, и в шахтах Донбасса, и на полях Кубани Украины — она, молодежь, воздвигала основы нашего будущего, потому что все будущее принадлежит ей.

Так было и есть в Воронеже. В перерывах между лекциями, между уроками, работой на заводах и в учрежденных конторах молодежь работает на лесах нового Воронежа.

Не знаю точно, сколько тысяч кубометров жилой площади восстановлено к этому дню в Воронеже, сколько новых школ и больниц открыто там, я лишь одно знаю, — во всей этой гигантской работе молодежи принадлежит львиная доля. Она выходила сама и призывала актеров, женщин, она обращалась к пенсионерам, к инвалидам войны и кто бы мог отказать ей, кто мог остаться равнодушным к молодым голосам, зовущим на стройку, на стройку новой жизни? Таких не было!

И разве в этот час, когда майский день разгорался во всем своем блеске и великолепии, разве я мог не вспомнить часа, проведенного в кабинете секретаря воронежского обкома партии, Тищенко? Трескучий мороз обледенит окна, выл сшибающий с ног ветер. Было очень холодно в кабинете секретаря, и он не расставался с меховым жилетом. В эти дни на дорогах застряли эшелоны с углем, два или три состава стояли на станции и разгружались, и это был весь резерв Тищенко. Постоянно звонил телефон, и люди спрашивали секретаря обкома только об одном — о топливе. Спокойным голосом он говорил, что топлива нет, что надо перебиться. Телефон звонил снова, директор трамвая говорил, что ему очень трудно, — топлива нет.

Тищенко отвечал:

— Ты думаешь, нашим частям на Одере легче, чем тебе?

Опять звонил телефон, — говорил директор электростанции, просил угля.

— Нет угля, — говорил Тищенко.

— Станция станет, — отвечал директор.

— Что надо сделать, чтобы она не стала? Сколько ты можешь продержаться?

— Надо выключить все что можно, и я продержусь тридцать часов.

Тищенко клал трубку, вызывал председателя горсовета:

— Придется выключить трамвай, Петр Иванович. Что можно выключить еще? Нет, этот завод выключать нельзя, фронт без него не может жить и воевать. Хорошо, выключай свет в городе. Да, и в обкоме тоже. Посидим при свечах. Нет, театры выключать нельзя. Категорически театры не выключать. Больницы и родильные дома не трогать. Школы не трогать. Вузы не трогать — у них зачетная сессия.

Он клал трубку. Звонок.

— Топлива нет, — тем же тоном говорил Тищенко. — Сегодня не будет. Завтра, не знаю, — погоду делаю не я. Не знаю, кто ее делает. Не могу дать тебе этого адреса. Узнаешь — позвони мне.

— Да, здравствуй, товарищ Вольф. Я распорядился, — театр не выключать. Топлива нет. Сколько тебе надо на два дня? Хорошо.

Тищенко брал трубку:

— Отгрузить театру две с половиной тонны угля. Нет, им надо. Я сказал: отгрузить театру две с половиной тонны.

Звонок. Подошел эшелон с углем. Разгрузить немедленно или..

— Сколькo даeте часов на разгрузку?

Тищенко вызывает секретаря обкома комсомола.

— Пришел уголь. Рабочих нет, разгрузить надо в течение двух часов. Что можно сделать? Хорошо... И так, на чем мы остановились?— Тищенко поднял на меня глаза, полные безмерной усталости.— Да, о ремонте тракторов... Дело обстоит так...

Когда через полчаса я шел от Тищенко, молодежь уже направлялась к станции. Они шли отрядами и пели. Их песня заглушала вой ветра.

— Вы слышали, освобождена Прага! — зенитчик, дежуривший на вышке у телефона, отвлек меня от моих раздумий.

— Прага?

— Сейчас передали по телефону. Конев рванул! Ну, и рванул! Освобождена, вырвана из лап фашизма последняя славянская столица — прекрасная Прага.

«И сейчас,— думал я,— в эту минуту нашего торжества нет в мире честного славянского сердца, что не билось бы в унисон с нашими взволнованными сердцами, не разделяло бы нашей мечты — снова, через много столетий, соединиться в единую великую семью, из недр которой мы вышли, соединиться братскими, духовными узами, снова понять друг друга, и почему бы не понять — так схожи языки, обычаи, так извечно полны мы все стремлениями к миру и мирному труду...»

— Прага освобождена,— сказал в телефон зенитчик.— Приказано готовиться к салюту, товарищ старший лейтенант. Прага,— повторил он,— Прага!

Прага освобождена, свободны все славянские страны и сердцами они с нами. Сталин выполнил свое слово, как он всегда выполнял его. Он сказал 11 декабря 1937 года в Большом театре, в Москве, на предвыборном собрании:

«Меня выставили кандидатом в депутаты и избирательная комиссия Сталинского округа советской столицы зарегистрировала меня как кандидата в депутаты. Это, товарищи, большое доверие. Разрешите принести вам глубокую большевистскую благодарность за то доверие, которое вы оказали партии большевиков, членом которой я состою и лично мне, как представителю этой партии.

Я знаю, что значит доверие. Оно, естественно, возлагает на меня новые, дополнительные обязанности и, стало-быть, новую, дополнительную ответственность. Что же, у нас, у большевиков, не принято отказываться от ответственности. Я ее принимаю с охотой.

Со своей стороны я хотел бы заверить вас, товарищи, что вы можете смело положиться на товарища Сталина. Можете рассчитывать на то, что товарищ Сталин сумеет выполнить свой долг перед народом, перед рабочим классом, перед крестьянством, перед интеллигенцией».

И вот он исполнил свой долг перед всеми нами, перед всем миром, перед несчастными, замученными фашизмом людьми, перед всем чело-

вечеством, он, Сталин, наш вождь, великан, гений. И если там же в Большом театре, 11 декабря 1937 года он, говоря об облике советского политического деятеля, сказал, «чтобы они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин, чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин, чтобы они были свободны от всякой паники, от всякого подобия паники, когда дело начинает осложняться и на горизонте вырисовывается какая-нибудь опасность, чтобы они были также свободны от всякого подобия паники, как был свободен Ленин, чтобы они были также мудры и неторопливы при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов, каким был Ленин, чтобы они были также правдивы и честны, каким был Ленин, чтобы они также любили свой народ, как любил его Ленин», то все это им же сказанное мы можем сказать о нем, о нашем Сталине, ибо он деятель ясный и определенный, он бесстрашен в бою и беспощаден к врагам народа, он свободен от всякого подобия паники, он мудр и нетороплив при разрешении самых сложных вопросов, он правдив и честен — и кто больше, чем Сталин, любит свой народ?

...А солнце поднималось все выше и выше, и все могучее становилось шум города. Все еще двигались по мостам людские толпы к Красной площади, и там уже стеной стоял народ, — на трибунах, на Лобном месте, у Гума, окружив древний собор, запрудив все проезды и прилегающие улицы, прильнув к самым стенам кремлевским, к оградкам мавзолея, где спит человек, создавший наше великое советское государство, победившее ныне то, что казалось непобедимым поработанному миру... Его ученик, столь же великий, как и учитель, развеял в прах этот миф, — в самые тяжелые часы он сказал, что непобедимых нет, что будет рассеяна гитлеровская сила, как рассеивал народ России многие вражьи орды в прошлые времена.

...Все горячее становилось солнце и росло возбуждение на улицах; тут были объятия и поцелуи, качали красноармейцев, моряков, офицеров и генералов, митинги возникали на площадях, на набережных, у посольств союзных стран, у гостиниц и театров.

Народ с таким мужеством, с такой беззаветностью, с такими жертвами, муками и горем воевавший тысячу четыреста семнадцать дней, ликовал в этот тысяча четыреста восемнадцатый — и первый мирный день, ликовал в сознании своего еще более окрепшего единства, сцентированного кровью павших во имя свободы и гордой славы родины, в сознании торжества правого дела, в сознании своей еще более выросшей силы.

И в эту солнечную минуту счастья я вспомнил гоголевские вещи слова:

«Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!»

Нет такой силы!

Май 1945

Генерал-майор М. ГАЛАКТИОНОВ

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ¹

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сталинград — центр тяжести борьбы

В середине июля 1942 года, как уже было сказано, мощная немецкая группировка в составе 6-й и 4-й танковой армий начала наступление на Сталинград из района Миллерово. План гитлеровского командования состоял в том, чтобы овладеть Сталинградом с хода. По расчетам гитлеровцев, они должны были достигнуть Сталинграда 25 июля. Правда, немцы уже запаздывали в исполнении намеченных сроков, так как Красная Армия своей доблестной обороной у Воронежа внесла коррективы в их планы. От Миллерово до Сталинграда около 300 километров. Однако германское командование полагало, что не встретит серьезного сопротивления на пути к Сталинграду. 6-я армия должна была наступать прямо на восток, в излучину Дона, а 4-я танковая армия — в обход Сталинграда с юго-запада. Для прикрытия с севера выдвигалась 8-я армия, состоявшая преимущественно из итальянских соединений.

Итак, уже в середине июля германское командование нацелило свои войска на Сталинград. Оно, следовательно, учитывало громадное стратегическое значение этого города, о чем уже говорилось выше. Этим можно, казалось, и объяснить тот факт, что в дальнейшем развитии кампании 1942 года Сталинград становится центром тяжести военных действий на всем огромном фронте. И в самом деле, если бы немцы не наступали на Ста-

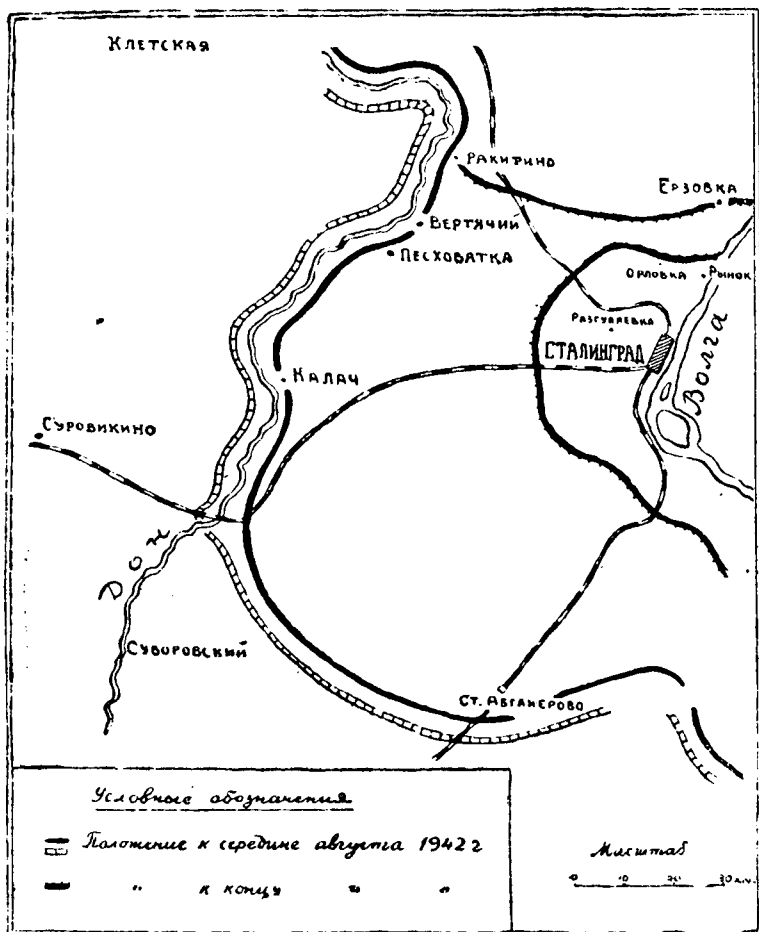
линград, то, понятно, такого центра тяжести и не возникло бы. Выходит, что немецкое командование поставило себе цель — Сталинград и планомерно стремилось к ее достижению. Однако надо предостеречь от такого прямолинейного вывода. Если под Сталинградом возник центр тяжести борьбы на всем фронте, это произошло вопреки планам германского командования, и в этом было начало стратегического поражения Германии.

Понятие «центр тяжести» в применении его ко всему фронту не раз встречалось в предшествующем изложении. Оно имеет прямое отношение к теме нашей работы. Выражение: «перенести центр тяжести операций на такое-то направление» служит для обозначения главного направления удара. Стратегическая цель также обозначает главное направление удара. Но хотя значение обоих терминов и может в известных случаях совпадать, они все же различны.

Мы просим читателя вспомнить нашу трактовку понятия «центр тяжести», как стоящего между «стратегической целью наступательных операций» и «стратегической целью обороняющейся стороны».

Центр тяжести борьбы в применении его ко всему фронту может создаваться и в тех случаях, когда стратегическая цель не ставится. Он может возникнуть из боев, начатых на каком-либо участке с тактической целью. Первая мировая война в позиционный период знала такие упорнейшие сражения во Фландрии, в Шампани, тянувшиеся целыми меся-

¹ Продолжение, см. «Знамя» № 7—8, 9—10, 1944 г.; № 1, 2, 4—1945 г.

цами с огромным упорством и напряжением. При этом не ставилось решительных целей, преследовались лишь частные задачи.

Если наступающая сторона ставит стратегическую, то есть решительную, цель и достигает ее без серьезного сопротивления противника, то понятие «центр тяжести» в сущности и не нужно: главное направление удара определяется стратегической целью. Это понятие необходимо в связи с действиями обороняющейся стороны. Ведь бои и возникают в результате столкновения двух сторон.

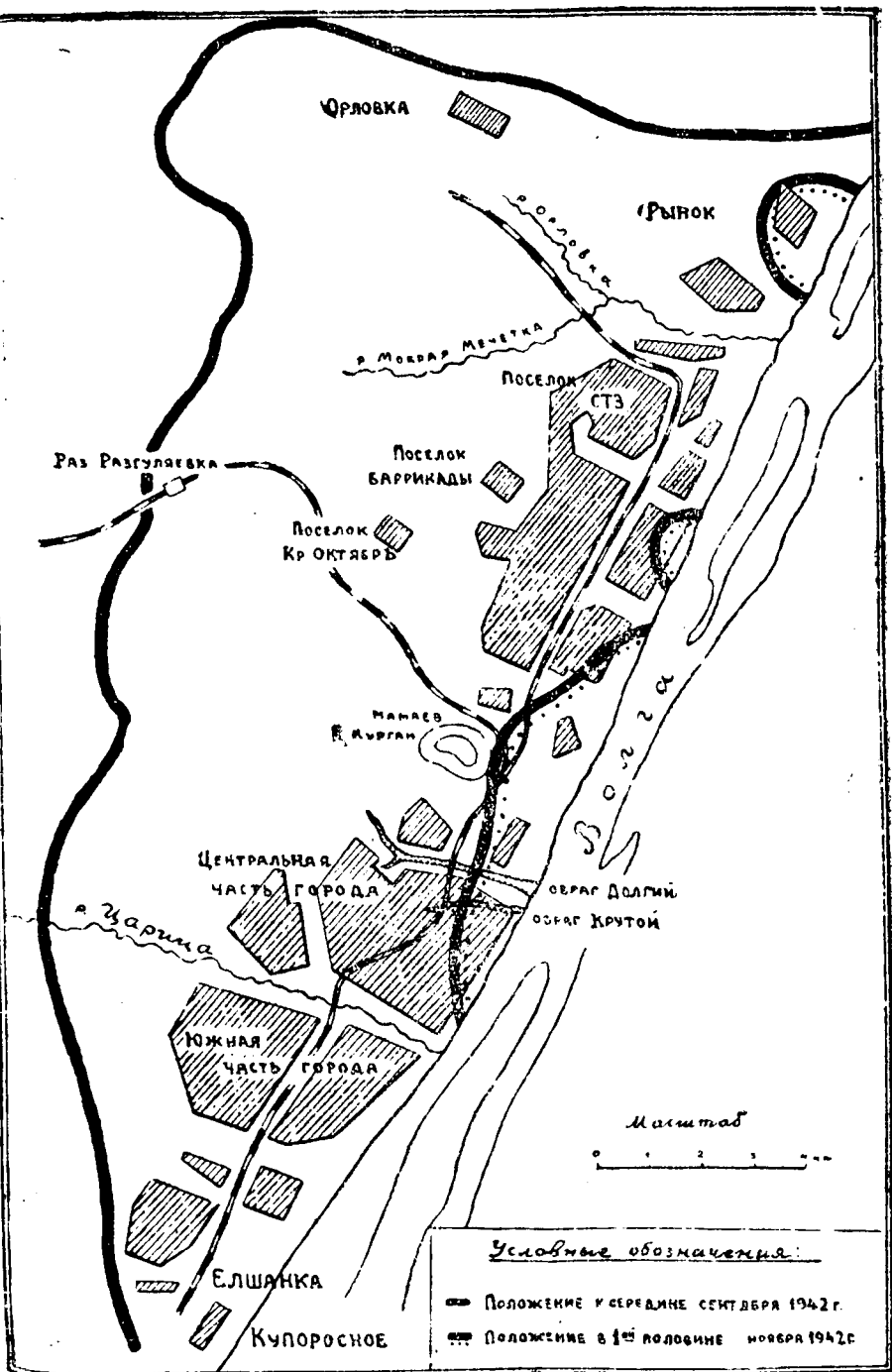
При упорной обороне наступающий может быть остановлен до достижения цели, и тогда в этом районе возникнет центр тяжести борьбы: насту-

пающий стремится пробиться к своей цели, оборона противодействует его намерениям. Центр тяжести может переместиться на другое направление или потому, что наступающий примет новое решение, или потому, что обороняющаяся сторона предпримет контрнаступление на другом участке.

Стратегическая цель ставится *одной* из сторон. Но центр тяжести боев на всем фронте создается в результате действий *обеих* сторон, наступающей и обороняющейся.

Обратимся теперь к фактам. Нужно фиксировать очень точно, если мы хотим понять, что произошло под Сталинградом.

В то время, когда немецкая группировка двинулась на Сталинград, цент

тяжести боев находилась у Воронежа. В течение всего июля здесь происходило ожесточенное сражение. Случайно ли возник центр тяжести боев под Воронежем? Нет, не случайно: немцы рвались к Москве — своей главной цели. Но на их пути стальной стеной встала Красная Армия. Здесь, следовательно, выяснилась воля советского командования, воздействующая на обстановку.

Ввиду огромного преимущества в численности сил у врага на Юге, Красная Армия находилась, понятно, в положении обороняющейся стороны. Надо было во что бы то ни стало остановить немцев. Но мы уже знаем, какая это тяжелая задача в условиях прорыва, когда вражеские подвижные силы стремительно движутся в глубину. Лишь в сталинском руководстве операциями 1941 года впервые для условий современной войны найдены способы решения такой задачи. Обороняющаяся сторона должна иметь твердый стратегический план, который увенчивается ясной стратегической целью при переходе к контрнаступлению.

В июле 1942 года советское командование стояло перед исключительно ответственным решением. Обстановка складывалась грозная. Разбросать резервы по огромному пространству — чего и добивались гитлеровцы — означало бы выпустить из рук самый мощный рычаг воздействия на обстановку, который имеет в своих руках Главнокомандование. Советское командование использовало часть своих резервов, действуя по своему стратегическому плану. Оно сразу же раскрыло вражеский план, главной целью которого была Москва. Оно поставило войскам как первую и первоочередную задачу — не допустить вражеские силы на северный берег Дона, остановить их на кратчайших направлениях к Москве. Войска Воронежского фронта доблестно выполнили эту задачу. Так возник центр боев у Воронежа.

От Воронежа к юго-востоку по Дону стал строиться и каждодневно крепнуть советский оборонительный фронт. Это было стратегическим поражением немцев, при всех их тактических успехах на Юге. Конечно, гитлеровское командование понимало, в чем дело, и предпринимало все новое, но безуспешные попытки прорваться в северном направлении че-

рез Дон в районе Богучар, а впоследствии в районе Клетской. Именно здесь оно встречало наиболее упорное и активное противодействие со стороны советского командования. Красная Армия не только не пустила немцев на северный берег Дона, но и сохранила ряд плацдармов на южном берегу.

Но дальше к югу инициатива была полностью в руках германского командования. В конце июля немцы взяли Ростов. Продолжая свое стремительное наступление на юго-востоке, они в конце августа вышли к Моздоку.

На каких же, собственно, направлениях разворачивались главные усилия немецких войск в то самое время, когда одной из группировок была поставлена цель овладеть Сталинградом и когда она действительно наступала к Сталинграду?

В сообщении Советского Информбюро об «Итогах трехмесячных боев на советско-германском фронте (с 15 мая по 15 августа)» говорилось:

«Несмотря на то, что противник ввел в бой все основные свои людские резервы и огромное количество техники, наступательные операции немцев развивались только на Воронежском и Южном направлениях и притом значительно медленнее, чем это было в первый период войны. Достаточно сказать, что на Воронежском участке немцы топчутся на месте уже полтора месяца, причем за последнее время на этом участке фронта местами инициативу взяли советские войска. В излучине Дона в течение ряда недель Красная Армия отбивает бешеные атаки немецко-фашистских войск и перемальвает живую силу и технику противника».

Итак, в июле—августе 1942 года отнюдь нельзя было сказать, что германское командование считало Сталинградское направление главным. Это понятно теперь, когда мы знаем, какие стратегические цели преследовало германское командование. Но отсюда вовсе нельзя делать вывода, что оно не учитывало стратегического значения Сталинграда. Ведь недаром же оно создало мощную группировку для его захвата.

Даже с учетом неуспеха под Воронежем немцам было необходимо овладеть Сталинградом, чтобы завершить и обеспечить свои успехи на Юге. Но германское командование вовсе

ие отказывалось и от своей главной цели — захвата Москвы. Поскольку немцам не удалось прорваться за Дон прямо на север, немцы намеревались форсировать Дон в излучине его. Их прорыв на южном направлении обещивал успех этой операции, так как к югу советская оборона была слабее. Отсюда, в частности, и вытекала задача, поставленная 4-й танковой армии, — обойти Сталинград с юго-запада. Выйдя на Сталинградский плацдарм, немцы рассчитывали повернуть на север, наступая вдоль Волги в обход Москвы.

Рассматривая Сталинград как промежуточную, но важную для выполнения стратегического плана кампании цель, германское командование выделило для ее достижения вполне достаточные силы: свыше 15 пехотных, 4 танковых, 4 моторизованных дивизий. Это были организованные и опытные боевые соединения, насыщенные обильной техникой. В составе группировки было несколько сот танков, ее действия поддерживались мощной авиацией.

Эта группировка наступала с прорыве, где организованной обороны первоначально не было. Красная Армия вела ожесточенные бои под Воронежем: задачей первоочередной важности было не пустить немцев за Дон. Оборона Сталинграда повисла бы в воздухе, если бы она не примыкала к новому оборонительному фронту, который еще строился по восточному берегу Дона. Большое значение имели и транспортные условия, задерживающие быструю переброску резервов в район Сталинграда.

Поэтому наша оборона в излучине Дона на первых порах неизбежно была слабее по сравнению с силами наступающего. Она носила еще характер импровизации. Доблестная 62-я армия и другие войсковые соединения организовывались и закалялись в огне битв, они нуждались в пополнениях людьми и техникой, в налаживании, при трудных условиях, снабжения. На юге немцы прорывались все глубже, обходя с фланга наши войска, обороняющие Сталинград.

Немецкое командование имело основание считать, что не встретит серьезного сопротивления на пути к Сталинграду и за две недели овладеет им. Мощностъ их группировки определялась даже не столько задачей захвата Сталинграда, — что они считали лег-

ким делом, — сколько стремлением развить дальнейшее наступление на север.

Однако немцы и здесь переоценили свои силы и недооценили силы противника. Опьяненные своими частными успехами, они недоучли героизма и силы сопротивления Красной Армии, мощи нашего государства, его людских и материальных ресурсов, наконец, они совершенно не считались с тем, что их планам может быть противопоставлен правильный и дальновидный стратегический план советского командования.

В дальнейшем развитии событий на Сталинградском направлении все большее значение получала глубокая и проницательная оценка положения Верховным Главнокомандованием Красной Армии.

Товарищем Сталиным была указана войскам как важнейшая задача: оборонять Сталинград во что бы то ни стало. В одной из директив Верховного Главнокомандующего, относящейся к началу августа, говорилось, что «оборона Сталинграда и разгром врага, идущего с запада и с юга на Сталинград, имеет решающее значение для всего нашего Советского фронта».

Теперь только мы можем оценить всю мудрость и величайшую значимость этих слов. Товарищ Сталин говорит здесь не просто о важности обороны Сталинграда как объекта крупного стратегического значения, он говорит о «решающем значении для всего нашего Советского фронта» как обороны Сталинграда, так и «разгрома врага» в районе Сталинграда.

Поразительно, как ясно намечена в этой оборонительной стадии кампании стратегическая цель, которая впоследствии была поставлена войскам в операциях окружения и разгрома Сталинградской группировки немцев. Уже тогда, в начале августа, товарищ Сталин предвидел решающее значение разгрома немцев под Сталинградом для исхода всей кампании.

В первой главе, при рассмотрении кампании 1941 года, говорилось о трех стадиях стратегической обороны. В кампании 1942 года в первой стадии советское командование выявляет планы немцев и противодействует им. В этой стадии основные усилия обороны сосредоточены не в Сталинграде, а под Воронежем, чтобы воспрепятствовать главной цели немцев — про-

рваться к Москве. Строится оборонительный фронт вдоль Дона, что является важнейшей предпосылкой для обороны Сталинграда и для остановки вражеского наступления на Юге. В то же время принимаются меры для создания оборонительного фронта прежде всего на Сталинградском направлении, а затем и дальше к югу.

Вторая стадия начинается с момента, когда выявилось наступление крупной вражеской группировки на Сталинград. Можно ли было говорить до того, что именно здесь возникнет центр тяжести борьбы? Нет, нельзя. Правда, логика указывала на то, что немцы должны предпринять удар на Сталинград. Но на войне нельзя полностью полагаться на логические умозаключения противника. Немцы в силу каких-либо причин могли и не наступать на Сталинград в то время. И только когда обозначилось наступление крупной немецкой группировки к Сталинграду, стала выясняться обстановка и на всем фронте.

В самом деле, теперь стало возможным судить об основных направлениях удара немецких сил и распределении их по фронту. Однако мы рассмотрели уже в первой главе, что и во второй стадии постановка обороняющейся стороной стратегической цели—дело высшего полководческого искусства. Ведь в июле—августе тактические успехи немцев на Юге продолжали развиваться. Вовсе не исключалась попытка новых ударов и в северном направлении, например в районе Орла.

Немцы, начав наступление к Сталинграду, вовсе не считали, что здесь возникнет центр тяжести борьбы на всем фронте. Они полагали, что овладеют Сталинградом в короткий срок. И казалось бы, в их пользу говорило глубокое продвижение на Юге и крупный перевес сил на Сталинградском направлении.

Товарищ Сталин уже в начале августа указывает на решающее значение боев за Сталинград для всего фронта. Этим была дана ясная и проницательная оценка обстановки, в этом заключалось мудрое предвидение дальнейшего развития гигантской борьбы. Но это было также и смелое решение полководца, активно воздействующего на обстановку.

Инициатива была в руках у немцев. При огромных масштабах развернувшейся борьбы, обороняющейся сторо-

не исключительно трудно обеспечить планомерность операции. Нужно раз познать цели врага и предвидеть развитие событий. На этой основе строится стратегический план кампании обороняющейся стороны.

Первым звеном этого плана было решение отразить попытки вражеского наступления на север. И на последующих этапах борьбы первоначально задачей оставалось—не пустить немцев к Москве: эта задача была выполнена.

Но при этом условии прорыв немцев на Юге был грозной опасностью. Надо было и здесь остановить немцев. Для этого требовалось отразить немецкое наступление на Сталинград. Удержав Сталинград, можно было активно воздействовать на ход борьбы дальше к югу. Потеря Сталинграда означала разрыв между Севером и Югом.

Враг уже бросил на Сталинград крупные силы. Решение обороняющейся стороны—во что бы то ни стало отстоять Сталинград—неизбежно вело к ожесточенной борьбе на этом участке фронта.

Товарищ Сталин уже тогда—в начале августа—намечал разгром Сталинградской группировки немцев. Понятно, что в то время не было еще плана операции, впоследствии проведенной под Сталинградом. Момент, когда войскам могла быть преподана стратегическая цель наступательных операций, еще не настал. Но эта цель предусматривалась Верховным Главным командованием уже во второй стадии.

Центр тяжести борьбы создавался под Сталинградом не потому, что это соответствовало планам германского командования. Он возник потому, что обороняющаяся сторона противодействовала его планам. И в этом уже было начало борьбы за инициативу.

* * *

Немецкое командование первоначально намеревалось захватить Сталинград с хода, прямым ударом на восток через излучину Дона. Оно, очевидно, не рассчитывало встретит какого-либо серьезного сопротивления. Но вскоре ему пришлось убедиться в обратном. Наши войска на фронте Клетская — Суровикино — Суворовский преградили путь врагу. На западном берегу Дона начались ожесточенные бои. Немцы, широко применяя танки, прибегли к своей обычной тактике, стремясь клиньями раз

резать наш фронт и окружить наши войска по частям. Однако советское командование упорной обороной и контрударами противодействовало замыслам противника. Немцам не удалось прорваться в излучине Дона на левый берег реки.

Но на южном участке враг достиг успеха. В конце июля 4-я немецкая танковая армия форсировала Дон у Цимлянской и начала наступление к Сталинграду вдоль железной дороги Тихорецкая—Сталинград. Однако и здесь немцам не удалось одним рывком достичь Сталинграда. После ожесточенных боев они были задержаны у станции Абганерово. В этих боях было подбито и сожжено около 100 немецких танков. Враг уже на этой стадии сражения нес ощутительные потери, каждый шаг вперед оплачивался кровью многих немецких солдат. Это совсем не походило на легкую прогулку, как это себе представляло гитлеровское командование. Но наш неуспех на южном участке отразился на положении и в излучине Дона. После исключительно ожесточенных боев наши войска в середине августа отошли на левый берег Дона.

Гитлеровцев никак не устраивала неожиданно возникшая задержка в их молниеносном—по замыслу—марше к Сталинграду. Создав мощную группировку, они форсировали Дон в районе Вертячий, Песковатка. Героические войска 62-й армии доблестно оборонялись против натиска превосходящих сил врага. Но в ходе ожесточенных боев второй половины августа немцам удалось развить свой успех и прорваться к Волге на участке Ерзовка—Рынок, севернее Сталинграда. Для ликвидации прорвавшейся группировки наши войска предприняли ряд контратак с севера и юга, которые локализовали прорыв, однако отбросить немцев не удалось.

Одновременно немцы повели наступление на Сталинград и с других двух направлений в районе Калача—с запада и из района Плодовитого—с юга. Наши войска упорно обороняли каждый метр земли на подступах к Сталинграду. Однако на стороне врага был огромный перевес в силах и технике. После ожесточенных боев наши войска к середине сентября заняли наиболее выгодные для непосредственной обороны позиции в 2—10 километрах от окраин города. Фронт, общим протяжением около

50 километров, проходил севернее Рынок, Орловка, образовывал выступ западнее Орловка, пересекал ж. д. Миллерово—Сталинград у разъезда Разгуляевка и примыкал к Волге у Елшанка, Купоросное.

Каков же был итог двухмесячных боев? Основной итог заключается в том, что бои за Сталинград шли уже целых два месяца и немцы все же не овладели городом. Их план захватить Сталинград молниеносным ударом провалился. Сталинградская группировка немцев оказалась втянутой в сражение, ожесточенность которого все возрастала. В то время гитлеровское командование ещё плохо представляло себе роковое для него значение этого факта—оно все еще упивалось своими внешними успехами.

С внешней стороны двухмесячные бои на подступах к Сталинграду протекали неблагоприятно для нас. Однако кровь героев недаром пролилась на берегах Дона. Было выиграно драгоценнейшее время—два месяца,—использованное для укрепления советской обороны. В ходе этих боев рождался священный огонь сопротивления вражескому нашествию, закалялась воля бойцов, возрастали их опыт и умение драться с врагом. Чем ближе к Сталинграду, тем упорнее становилось сопротивление наших войска.

Севернее Сталинграда немцы провались к Волге. Это был эффектный момент для гитлеровских сводок. Нельзя отрицать, конечно, тяжесть удара, нанесенного советской обороне. Враг вышел к Волге! Какое русское сердце не сжалось болезненно при вести, что немцы—на берегу реки, с которой связана жизнь нашего народа! Эта весть говорила и о масштабах территориальных захватов врага и о перерыве важнейших коммуникаций, связывающих нас Югом. Однако трезвый язык фактов говорит, что и в те тяжелые для нас дни враг явно переоценивал свои успехи.

Клин севернее Сталинграда напоминает клин к Шлиссельбургу восточнее Ленинграда. И так же мало, как этот тактический клин к Шлиссельбургу является клином стратегическим, отрезающим Север от Центра, так же и клин севернее Сталинграда имел лишь тактическое значение. Мы уже указывали, что если бы немцам удалось захватить Сталинградский плацдарм, они могли бы завершить про-

рыв фронта и получить базу для дальнейших операций. Но для этого надо было овладеть Сталинградом и расширить плацдармы в такой мере, чтобы разрезать советский фронт в районе нижней Волги. Вместо того немцы смогли лишь создать узкий тактический клин, не овладев Сталинградом.

Важнейшим фактом сложившейся обстановки было создание прочного фронта советской обороны на северной стороне прорыва. Он шел от Воронежа по восточному берегу Дона и поворачивал от Ракитино к Волге в районе Ерзовка. На этом участке севернее Сталинграда находились войска Сталинградского фронта. Они не только преграждали немцам путь на север, но и нанесли удары Сталинградской группировке немцев, удерживая несколько плацдармов на западном берегу Дона для обеспечения с севера своей Сталинградской группировки. Германское командование выдвинуло на этот участок итальянские и румынские войска. Но что же это означало, как не похороны основного стратегического плана гитлеровцев в обход Москвы? Пути к советской столице были прочно для них закрыты в середине сентября.

Сталинград защищала 62-я армия, входившая в состав Юго-восточного фронта. Этот фронт шел дальше на юг, являясь связующим звеном с войсками Кавказского фронта. На Северном Кавказе наша оборона непрерывно крепла, создавая укрепленный фронт, преграждавший пути к Баку и в Закавказье.

Таким образом основной стратегический план немцев к середине сентября был явно подорван крепнувшей советской обороной. Это очевидно теперь, но в то время германское командование, ослепленное своими успехами, не видело и не хотело видеть этого. Оно считало, что рядом новых ударов сможет опрокинуть еще неустойчивый советский оборонительный фронт в районе прорыва и проложить путь к поставленным стратегическим целям. Тем большее значение получал Сталинград. Именно в этом районе гитлеровцы рассчитывали разорвать вновь образовавшийся фронт советской обороны. Они считали эту задачу легко осуществимой. Им казалось, что после успешного продвижения к Сталинграду захват города не представит никаких особых трудно-

стей. Так немецкая армия с легкостью вязалась в битву, которая решала судьбу гитлеровской Германии.

Утром 13 сентября враг крупными силами в составе трех пехотных, двух танковых и одной моторизованной дивизий начал генеральный штурм южной и центральной части Сталинграда. В ожесточенных боях, продолжавшихся всю вторую половину сентября, ему удалось овладеть южной частью города и восточными районами центральной части. Но в центре города, на участке севернее реки Царицы, восточнее ж.-д. линии, до оврагов Крутой и Долгий — советские воины стали насмерть и до конца битвы не пропустили врага к Волге.

Истощившись в бесплодных усилиях, враг перенес свою ярость на северный участок сражения. Ему удалось овладеть Мамаевым курганом — тактическим ключом поля битвы. Немецкие танки ворвались в поселок Красный Октябрь. Жестокая борьба завязалась за поселки Красный Октябрь, Баррикады и Орловку. Пядь за пядью отставали герои Сталинграда эту территорию. Враг, используя громадное превосходство в танках, авиации и живой силе, в начале октября овладел этими поселками. Защитники Сталинграда были оттеснены на узкую полосу земли вдоль Волги. Немцы заполняли эфир триумфальными сводками о падении «неприступной большевистской крепости на Волге».

И тогда пришел приказ вождя вдохновителя Сталинградской обороны.

«Требую, — говорилось в телеграмме Верховного Главнокомандующего товарища Сталина командующему фронтом, — чтобы вы приняли все меры для защиты Сталинграда... Сталинград не должен быть сдан противнику, а та часть Сталинграда, которая занята противником, должна быть освобождена».

С неукротимой яростью вспыхнул священный огонь ненависти к врагу и любви к родине в сердцах солдат Сталинграда.

Началась эпическая битва в цехах заводов — первенцев сталинских пятилеток — Сталинградского тракторного «Баррикады» и «Красный Октябрь». Это был величественный символ. Сражалась Советская страна, страна по-

бедившего социализма против черных сил германского фашизма. И эта битва была выиграна героическими защитниками города Сталина. Ценой потоков крови к середине октября немцам удалось овладеть Сталинградским тракторным заводом. С бешеной яростью враг штурмовал завод «Баррикады». Он теснил к Волге доблестных бойцов 138-й Краснознаменной дивизии, которая к концу сражения осталась на узком участке, отрезанном слева и справа от соседей. Но не клонились перед наглым захватчиком гордые сыны советской социалистической державы! И к 19 ноября они стояли на правом берегу Волги, знаменуя своей бессмертной доблестью победу Сталинградской обороны. Несокрушимым оплотом против ярости вражеского натиска стоял «Красный Октябрь». 31 октября его защитники в неудержимом порыве овладели вновь захваченными было немцами цехами завода.

На крайнем северном участке сражения, в районе Рынок и поселка Спартакровка, сражалась группа полковника Говорова, которая с середины октября была отрезана от других частей 62-й армии и окружена противником со всех сторон. Но все бешеные атаки врага были бессильны сломить стойкость защитников, до последней капли крови выполнявших сталинский приказ.

Такова краткая схема начального периода Сталинградской битвы. Она рисует нам общий ход эпической борьбы, в которой враг, используя огромный перевес сил, теснил наши войска на разных участках сражения, но так и не смог сломить до конца героическую оборону Сталинграда.

Казалось, все преимущества были на стороне немцев. Растянутое вдоль берега расположение города облегчало наступающему возможность разрезать оборону на изолированные звенья. В тылу узкого плацдарма, который удерживали защитники города, находилась широкая река, переправы через которую были под постоянным огнем противника. В этих условиях враг всегда мог обеспечить перевес сил на участке атаки.

Конечно, успех обороны имел свое тактическое объяснение. Натиску немецких танков и авиации был противопоставлен огонь обороны. Городские здания давали прикрытие для защитников, которые могли использо-

вать с наивысшей эффективностью противотанковые и зенитные средства. Решающую роль сыграла в Сталинградской битве советская артиллерия. На восточном берегу Волги была создана мощная артиллерийская группировка, которая своим огнем поддерживала оборону. Сталинградская оборона располагала необходимой техникой, танками, авиацией, артиллерией, пехотным вооружением — иначе она не смогла бы выиграть эту тяжелую битву.

Но самое главное было в героизме и воодушевлении защитников Сталинграда. Сражение распалось на множество отдельных очагов, и в этих бесчисленных мелких боях успех решала доблесть людей. Ожесточенность битвы превзошла все примеры прошлых времен. Схемы рисуют лишь общие штрихи гигантской схватки не на живот, а на смерть. Но для исторически точного изображения ее нужно изобразить и детали, которые в данном случае также принадлежат истории, ибо в этих боях за отдельные объекты решалась судьба человечества. В историю Верденской битвы прочно вошли наименования складок местности и скопов, которых нет на самых подробных картах, — эти наименования давались самими бойцами или командованием. Тем более в будущей истории Сталинградской битвы будут особо обозначены отдельные дома и здания, за которые шли многодневные бои. Будут увековечены имена командиров и бойцов, сражавшихся здесь.

В историю вошел вокзал «Сталинград 1-й», где 17 сентября кипел ожесточенный бой; три раза враг бросался на штурм, четыре раза переходил вокзал из рук в руки; в этот день советские воины удержали его в своих руках. Кровью доблестных защитников полит Мамаев курган. Площадь 9 января навеки останется памятником доблестных контракт советских войск, отразивших 21 сентября попытку врага выбить защитников Сталинграда с плацдарма в центре города. В поселке Орловка наши немногочисленные части в продолжение восьми суток (начало октября) отбивали бешеный натиск трех немецких пехотных дивизий и одной танковой дивизии. Попав в окружение, поредевшие отряды не сдались врагу, а с боями пробивались на территорию заводов, продолжая выполнять свой священный

долг на новых позициях. В ночь на 5 октября переправились через Волгу и заняли западные окраины поселка СТЗ два гвардейских полка 37-й дивизии.

Немецкие танки, стреляя термитными снарядами, подожгли дома. Но в пылающих домах гвардейцы продолжали сражаться и отбили все атаки врага. Неувядаемой славой покрыла свои знамена 138-я дивизия, оборонявшая в ноябре кусочек родной земли на заводе «Баррикады». Ее расположение было обозначено горами трупов гитлеровцев, в диком иступлении бросавшихся снова и снова в атаки. Из-за ледохода прекратилось всякое снабжение дивизии. Но герои выстояли, не пропустив врага.

Это лишь очень немногие штрихи бессмертной славы Сталинградской обороны. Мать-родина вдохнула в сердца своих сынов исполтинскую силу. Беззаветный героизм людей, жертвовавших собой во имя спасения великого города, сочетался с хладнокровным мужеством, обеспечивающим спокойное и умелое применение оружия и правил воинского мастерства. В аду рвущихся снарядов и бомб, в пламени горящих зданий велись бои планомерно и организованно. Десятками подбивались вражеские танки, истреблялись самолеты, уничтожалась живая сила врага. Каждый малый бой — а их было сотни на этом поле яростно бушевавшей битвы — является чудесным проявлением стойкости, героизма и боевого мастерства. Надо описать каждый из них в отдельности, и только тогда будет воссоздана история обороны Сталинграда, только тогда станет понятным смысл того, что произошло в те дни и что потрясло весь мир красотой мужества и самоотвержения.

Сталинград учит уважать тактику. И в то же время это величайший образец мудрой стратегии. Тут нет никакого противоречия: тактика подчинена стратегии, но стратегический план должен быть реализован тактически на поле сражения. Стратегия имеет дело с ведением войны в целом, тактика — с отдельными боями. Но нельзя забывать, что именно бой — применение оружия против врага — служит специфичным признаком войны как особого явления в исторической жизни общества. Война — продолжение политики иными, а именно, насильственными средствами.

В прежних войнах можно было провести ясный водораздел между стратегией и тактикой.

«Сражение — это решительное столкновение двух армий, борющихся за политические и стратегические цели. Стратегия подводит армии к решающим пунктам операционной зоны, и готовящий успех сражения и за нее обуславливает его результаты. Добиться победы должна именно тактика в союзе с храбростью, гениальностью и удачей» (Жомини).

Итак, стратегия доводила войска до поля сражения, тактика руководила ими в бою. Следует сказать, что и для той эпохи соотношение между стратегией и тактикой было более сложное, чем представлено этой цитатой. Были, например, бои большого значения и генеральные сражения, решавшие исход всей войны. Не случайно, в Бородинской битве полководцы — Наполеон и Кутузов лично руководили войсками на поле боя, ибо решалась судьба войны.

Начиная с 1914 года, характер боевых действий резко изменяется. Воинские сражения, происходящие в пространстве в сотни километров, продолжающиеся неделями и месяцами.

Сражения Великой Отечественной войны являются беспримерными в всей военной истории по своим масштабам, длительности и ожесточенности. Начиная с 22 июня 1941 года и до весны 1942 года, боевые действия не прекращались на гигантском театре войны. Конечно, сражения такого масштаба — понятие стратегическое. В них главное командование руководит действиями армий (фронтов), сражающихся с армиями противника. И в то же время такое сражение — совокупность многих боёв, а бой — понятие тактическое. Таким образом, взаимопроникновение стратегии и тактики ныне является гораздо более глубоким, чем прежде.

Представим себе картину боевых действий на фронте в период Сталинградской обороны. Бои шли, не стихая, день и ночь. Успех или неуспех на каком-либо участке отражался на других участках и в конечном счете влиял и на общее положение. Получалась крайне пестрая и изменчивая совокупность множества мелких боевых действий.

Воздействие боем категорично. Это состязание оружием. Оспорить резу-

тат боя можно только оружием же, новым боем. Судьба сражения и в конечном смысле всей войны решается на поле боя. Исход зависит от доблести, вооружения и боевого мастерства войск.

Бои шли в Сталинграде, они шли севернее и южнее города, они шли на Дону и на Кавказе. Изменения обстановки на отдельных участках иногда происходили чрезвычайно быстро, и особенно благодаря применению подвижных средств современной техники.

Мы можем уяснить себе теперь, насколько сложным является ныне положение полководца, который каждый день, а в критические моменты каждый час, получает все новые сообщения об исходе боев. И результат каждого боя изменяет в той или иной степени обстановку. Спрашивается — как же из множества частных боев получается единое сражение?

Происходит это, конечно, благодаря сознательному воздействию воли полководца на ход боевых столкновений, а это воздействие опирается на материальные средства. Организованность и дисциплина — основа армии. Через сложную и разветвленную систему управления и связи полководец ставит войскам цели и задачи, которые они должны выполнить всеми средствами и во что бы то ни стало.

Исходя из стратегического плана, полководец ставит задачи крупнейшим соединениям — фронтам (армиям). Стратегический план осуществляется в ряде операций, характер и число которых определяется стратегическим планом. Фронт (армии), осуществляющий операцию, действует двумя основными способами: маневром и боем. Таким образом операция представляет собой совокупность маневров и боев. Можно сказать, что операция и является сражением. Но эти понятия все же различны. Говоря об операции, мы имеем в виду одну сторону, сражение же — понятие, охватывающее действия обеих воюющих сторон.

Если операции разворачиваются по плану главнокомандования наступающей стороны, то и сражения совпадут с этими операциями. Обороняющийся сопротивляется, но не успешно, он не проявляет инициативы. Но допустим обратное: упорство обороны превалирует над предвидением наступающего или оборона прибегает к контрударам. Тогда сражения могут возникнуть не

там и не так, как предусматривалось по плану наступающего.

В 1942 году германский стратегический план предусматривал ряд операций с целями обхода и овладения Москвой и захвата Баку. План немцев был построен на стремительном и безостановочном наступлении. Первоначальная операция прорыва соответствовала плану. Ростовская операция явилась одновременно и Ростовским сражением. Но в дальнейшем возникли сражения на непредусмотренных планом рубежах: Воронежское, Сталинградское, Моздокское, Новороссийское сражения. Каждое сражение возникло в результате операций, проводимых немцами, но оно возникло также и в результате мероприятий обороны.

Успех сражения зависит от исхода боев. Но есть разница между успехом в бою и в сражении. Успех боя налицо, если выполнена тактическая задача. Успех сражения определяется осуществлением плана главнокомандования. Внешне, тактически сражение может протекать успешно, но если при этом не выполняется план главнокомандования, исход сражения является неудачным. В Сталинградском сражении немцы одерживали тактические успехи, но стратегически они проигрывали его, ибо упорство обороны срывало стратегический план немцев.

Итак, сражения возникают из операций, проводимых наступающей стороной и в результате мероприятий обороны. Главнокомандование воздействует на ход сражения постановкой задач и своими указаниями. Но главнокомандование имеет и другие средства воздействия на исход сражения. Путем указаний другим фронтам (армиям) оно может повлиять на обстановку и в районе данного сражения. Самым же мощным рычагом воздействия главнокомандования является распоряжение стратегическими резервами, ввод их в районе данного сражения или на другом участке.

Для объединения боевых действий, происходящих на широком пространстве, весьма важное значение имеет наличие сплошного укрепленного фронта. Такой фронт является опорой для войск, позволяющей отражать отдельные наступательные попытки противника. Единый фронт является связующим началом между войсками и облегчает главнокомандованию общее

руководство боевыми действиями, происходящими на протяжении сотен километров. Поскольку главнокомандование вносит единство и планомерность в ход боевых действий, можно говорить о сражении, происходящем на всем фронте или на широком фронте. Так в течение всего лета 1942 года и зимы 1942/43 г. шло сражение на южном отрезке фронта, охватывая гигантский театр бассейна реки Дон и Северного Кавказа.

Мы видим, насколько сложным стало теперь понятие «сражение». Сталинградское сражение, начавшееся в июне 1942 г., завершилось лишь в начале марта 1943 г. В нем участвовало свыше миллиона человек, многие тысячи орудий, танков и самолетов. Но мы еще не дали полного ответа на вопрос, почему бои за Сталинград приобрели решающее значение для исхода всей кампании и даже всей войны.

Сталинградское сражение возникло в результате операции, предпринятой немецким командованием для овладения Сталинградом. Как мы уже знаем, немецкое командование придавало выполнению этой задачи важное, но отнюдь не решающее значение. Оно рассчитывало быстро овладеть Сталинградом, рассматривая его захват, как этап для достижения главных целей кампании. Сталинградская операция являлась одной из операций, осуществляемых по стратегическому плану германского главнокомандования.

Сталинградская операция развивалась с некоторой задержкой против плана, но в общем успешно. Успехи ослепляли Гитлера, а задержкам не придавали в Берлине особого значения. Днем раньше, днем позже, но Сталинград будет взят, думали там. На Юге дела идут блестяще, на севере — по Дону — русские пытаются построить новый фронт, но он не может быть прочным. Взят Сталинград, нетрудно будет его опрокинуть и наступать на север. Времени впереди еще много.

Прошел июль, август. Операция затягивается. Гитлер торопит. Сталинград отрезан с севера и юга, бои идут в самом городе.

Теперь уже недолго, говорят немцы, прижаты к Волге защитники Сталинграда, конечно, на-днях будут сброшены в реку.

Сентябрь. Из Сталинграда идут

странные вести. Непонятная, загадочная битва не утихает, а разгорается с возрастающей яростью. Несколько раз Сталинград объявлялся взятым, но Гитлер знает, что это не так, знает об этом немецкая армия, знает правду и весь мир. Гитлер шлет яростные приказы, посылает подкрепления, бросает авиацию с других участков к Сталинграду. Немцы продвигаются в городе, но это жалкие метры, и каждый метр стоит потоков крови.

Гитлер убеждается, что его войскам завязли в Сталинграде. Вместо победных реляций о бросках танков и десятки, сотни километров вперед, из Сталинграда доносят о «победах»: взят поселок, улица, вокзал, дом, — это после многих дней кровавых боёв, словно взятие цеха выше по своему значению захвата какой-либо европейской столицы. Не проще ли прекратить это кровавое побоище? В конце концов, какое значение имеет, если русские держатся на жалких клочках в своем городе? Разве не бывало, что встретив упорное сопротивление, немцы попросту обходили укрепленный район и шли к своим целям?

Но... повелитель Европы, войскам которого дошли до Волги, Гитлер не властен, однако, над Сталинградом. Он не может его взять, но он не может и уйти. Сталинград стал известен всему миру. Сами гитлеровцы, стремясь набить себе цену и считая свою победу несомненной, изображали Сталинград мощной крепостью, волжской твердыней Советов.

Нет, нельзя не взять Сталинграда, это позор для немецкой армии, это удар по престижу Гитлера. И шлет на фронт грозные приказы, требует и настаивает.

Сталинград в огне и крови. Битва, какой не видело человечество. Битва орудий, танков, самолетов, битва людей, схватившихся в рукопашную. Взоры всего человечества устремлены сюда. На этом клочке земли решается, кто сильнее, кто победит.

Развалины города, конечно, не могли иметь стратегического значения. Но величайшее стратегическое значение получила доблесть советских воинов, сломить которую была бессильна вся мощь германской военной машины. Простая, но безошибочная логика говорила миллионам людей в странах всего мира, что победа на стороне русских. Если немцы, напрягая все

свои силы, не могут одержать верх над защитниками Сталинграда, значит Красная Армия сильнее. А кто сильнее, тот и победит. Нашлась сила огня против немецких танков. Нашлась воля людей, способных грудью противостоять наглой агрессии. И мир рукоплескал героям Сталинграда.

Под покровом ночи, среди развалин падал храбрец, сраженный немецкой пулей. Кто слышал его последний вздох, кто видел кровь, затившую камни? Слышал и видел народ, слышало и видело все человечество. Героизм сталинградской обороны стал величайшей моральной силой.

Страшнее всех потерь для немецкой армии был моральный подрыв, всеобщее признание, что она понесла поражение — она не смогла взять Сталинград.

Под Сталинградом шло дело о победе или поражении в масштабе всей кампании и даже всей войны. Выражаясь старой терминологией, здесь происходило генеральное сражение. Генеральное сражение — это сражение главных сил. Однако и в прошлых войнах в таком сражении участвовали далеко не все силы обеих сторон и далеко не всегда генеральное сражение вело тотчас же к окончанию войны. Но в нем предreshался исход войны. Раз в сражении участвовали лучшие, главные силы, то оно являлось проверкой, какая же сторона сильнее вообще. И вполне справедливо умозаключали, что — кто побеждает в генеральном сражении, победит и во всей войне. Так, Бородино не закончило войны, но оно предreshило ее исход, ибо доказало превосходство русской армии, показавшей в единоборстве с врагом свою способность отразить натиск «великой армии» Наполеона и взять верх над ней в бою.

В современных войнах дело обстоит несравненно сложнее. Теперь еще менее вероятно, чтобы в генеральном сражении участвовали все силы обеих сторон и чтобы такое сражение могло привести непосредственно к окончанию войны.

Марнская битва 1914 г. была генеральным сражением, но война продолжалась еще четыре года. Однако эта битва уже предreshдила неблагоприятный для немцев ход войны, показав неспособность Германии справиться с объединенными силами коалиции.

В кампании 1941 г. битва под Москвой была генеральным сражением, ибо главная ударная группировка немцев, состоящая из лучших войск, была разгромлена Красной Армией. У немцев оставалось еще много сил на других участках, они могли сформировать новые дивизии, война продолжалась. Но Москва 1941 г. предreshдила уже неблагоприятный ход войны для Германии.

Сталинградская битва стала генеральным сражением. Главная ударная группировка немцев обрушилась на Сталинград и не могла взять его. Германское командование бросало сюда новые крупные силы авиации и свежие войска, но сталинградская оборона оставалась непоколебимой. После Ленинграда и Москвы — Сталинград. Красная Армия одерживала верх над немецкой армией, и этот вывод в сознании миллионов людей — далеко за пределами СССР — связывался уже не с частными боями, а с ходом всей войны.

Как и много веков тому назад, судьба войн решалась в битвах. Вот почему величайшего уважения заслуживает тактика. Своей доблестью и боевым мастерством герои Сталинграда выигрывали войну.

Но не потеряли ли мы нить нашего исследования? Что же решает в конце концов — стратегия или тактика? Нет, мы идем по правильному пути, и нам осталось сделать выводы, чтобы уяснить себе проблему в целом.

Выше уже говорилось, что главное дело полководца — искусно вести свои войска к генеральному сражению и выиграть его. Если в генеральном сражении определяется исход войны, то исход самого генерального сражения зависит от искусства полководца. Полководец обеспечивает своим войскам наивысшее преимущество в генеральном сражении, он руководит ими в сражении. Стратегия главенствует над тактикой.

Сталинград стал центром борьбы на всем фронте в кампании 1942 г. Здесь происходило генеральное сражение. Но вышло это вопреки планам гитлеровского главнокомандования. Самый факт длительного сражения на берегах Волги уже означал провал стратегического плана немцев.

Авантюристическая гитлеровская стратегия привела к разброске усилий войск по нескольким направле-

ниями. По отношению к Сталинграду это означало потерю темпа в развитии операции. Не оценив полностью значения Сталинграда и не сосредоточив сразу же главных усилий для овладения им, германское командование дало время советскому командованию организовать оборону. От Воронежа к Сталинграду креп новый советский оборонительный фронт.

Германское командование ввязалось в Сталинградскую битву, не учитывая силы Красной Армии и возможности встретиться с ее стороны упорное сопротивление. Уже в ходе сражения оно стало уяснять себе значение Сталинграда и возникшей гигантской битвы. Но в этот момент германское командование уже было не властно над событиями.

Теперь иногда высказывают мнение, что самое умное для Гитлера было бы прекратить затянувшуюся битву и уйти от Сталинграда. Говорят, что такие советы давались ему некоторыми немецкими генералами. Но Гитлер не мог уйти. Это было бы открытым признанием поражения. Это было бы открытым признанием превосходства Красной Армии.

События развивались неотвратимо и последовательно. К Сталинграду привела Гитлера его авантюристическая стратегия. Целая цепь просчетов завела германскую армию в стратегический тупик. Перед ней был лишь

один путь — вперед, но этот путь надежно прегражден Красной Армией.

В то время как немецкие войска вслепую ввязались в решающую битву всей войны, Красная Армия управлялась к цели ясным светом Сталинской стратегии. Товарищ Сталин указал войскам, что началось решающее сражение. Исходя из этого, он организовывал войска и руководил гигантской битвой. Именно поэтому центр тяжести борьбы все более перемещался к Сталинграду.

Битва кипела с бешеной яростью. Немцы, напрягая до крайности свои усилия, все же продвигались вперед. Обливаясь кровью, советские бойцы и командиры защищались на клочках земли священной земли города Сталинграда. И когда испытание превосходило меру человеческих сил, они стояли и верили в победу. Они знали, что им на помощь придет товарищ Сталин.

Даже казалось бы частные и локальные бои на развалинах Сталинграда приобрели стратегическое значение.

Все яснее становилось поражение гитлеровской стратегии, поражение германской армии. У Гитлера был лишь один выход — взять Сталинград и продолжать наступление до решающего результата. Он выложил все свои карты на стол. Но Сталинская стратегия сохранила свои козыри. Последнее слово было за нею.

(Продолжение следует)

МИХАИЛ БРАГИН

КРАХ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

История прошла через Восточную Пруссию путями войн.

Сюда — на побережье Балтики — тянулись торговые пути с полуденных в полнощные края. Через Восточную Пруссию легли кратчайшие пути в Литву, на Польшу, к Руси, к земле славян.

В XIII веке недалёковидные правители Польши позвали рыцарей ордена Тевтонов — предков нынешних фашистов — на борьбу с населявшими этот край пруссами. Тевтоны осели в Восточной Пруссии. По берегам Вислы, на всех путях построили они монастыри и замки. Так вырос Торн (взявший наименование от польского слова «торы» — торный путь), так у речного брода (по-польски «бруд») через реку Дрвенца, на пути с юга к морю, возникла крепость Бродница, так укреплялись крестоносцы в Мариенбурге, в Мариенвердере, в десятках важных пунктов. Замки тевтонов, закрыв пути через Восточную Пруссию, командовали над всем краем.

Сейчас мы идем мимо развалин этих замков, видим разрушенные своды мрачных подземелий, замшелые серые стены из дикого камня, окна с решетками в глубоких нишах, бойницы под крышами. Мы переходим по шаткому мосту через ров, наполненный мутной водой, поднимаемся по узкой лестнице на верх уцелевшей башни. Отсюда, с семидесятиметровой высоты, на десятки километров окрест видны леса, поля и дороги и на неизменно горизонте — пожары и зарницы стрельбы... там не затихает бой.

Мы поднимаемся на монастырскую стену, протянувшуюся по берегу Вислы. Она действительно неприступно высится над водой. Через ее бойницы видна широчайшая пойма реки, амфитеатром уходящий к горизонту западный берег, понтонные мосты, по которым сейчас нескончаемым потоком идут в Померанию войска Красной Армии.

За такими стенами отсиживались псы-рыцари, в такие мрачные монастыри-тюрьмы сгоняли они рабов, здесь крестоносцы прятались от народа, отсюда с крестом и молитвой, с огнем и мечом совершали они свои алчные разбойные набеги на литовское племя пруссов.

Нет ничего мрачнее кровавой истории покорения пруссов. Немцы превратили цветущую страну в пустыню, истребив население, германизировали край. Укрепившись в районах нынешнего Кенигсберга, Мемеля, они начали наступление уже не только на Литву, но и на Польшу. Этот «натиск на Восток» («Дранг нах Остен») повели орден Тевтонов и Ливонский орден, осевший в Прибалтике. Их наступление угрожало русским землям и отрезало русских от берегов Балтийского моря.

Тогда поляки, литовцы и чехи, объединившись с русскими полками, выступили против немецких псов-рыцарей.

Более пяти веков тому назад, в 1410 году, произошла знаменитая битва у Танненберга. В этой битве славянские воины — поляки и русские — с помощью литовцев разбили предков

нынешних фашистов и надолго оставили их движение на восток.

Шли века...

Крепло и развивалось русское государство. Русская армия, руководимая Петром Первым, вывела Россию на Балтийское побережье, открыла ей пути в Европу. Без этого пути задышалась экономика России, ограничивалось развитие страны, затруднены были ее связи с другими государствами.

Одновременно шло становление европейских государств, разгоралась борьба за колонии, за рынки сбыта, за расширение границ. Снова планы пресловутого «Дранг нах Остен» не дают покоя немцам в Пруссии и прежде всего их королю Фридриху Второму, идейному отцу современных немецких захватчиков. В войне против России ищет он выход из сложного переплета европейских дел. Фридрих Второй грозит занять Курляндию, отрезать России пути в Европу через Балтийское море. Он не хочет допустить русское государство к участию в европейских делах, желает лишить его союзников, отбросить русских людей на восток, загнать их в Азию. Для этого Фридрих Второй собирает большую армию, интригует против России в Швеции и Турции и, обвиняя своих противников в агрессии, — как это впоследствии повторил Гитлер, — развязывает тяжкую для народов кровопролитную семилетнюю войну.

Медленно, но настойчиво шли тогда русские войска на запад, взяли Мемель, вошли в Тильзит, овладели Инстербургом и двинулись на Кенигсберг. Если с автомагистрали Инстербург — Кенигсберг (по которой прошли теперь войска 3-го Белорусского фронта) свернуть влево, можно у города Велау найти деревушку Гросс-Егерсдорф, где в 1757 году русские войска столкнулись с прусскими. Плечом к плечу, локоть в локоть стояли русские ряды, отражая атаки пруссаков. Облака дыма висели над полем сражения, кавалерия, рубя, врвалась в густые плотные боевые порядки войск. Шеренги вражеской пехоты накатывались на русские каре. Отразив натиск, русские полки сами перешли в атаку, «неприятели дрогнули, — пишет современник и участник этого сражения, чудесный

летописец Болотов, — подались наши сели им на шею и не давали им времени ни минуты... Тогда прусская храбрость обратилась в трусость и в сем месте не дождавшись обратились они назад и старались «спасения в ре-ти-раде». По бедные крики «Наши взяли» неслись по фронту».

Фридрих Второй еще не поверив в способность русских войск протолкнуть наступление, а они после победы при Гросс-Егерсдорфе двинулись дальше на Кенигсберг, и Кенигсберг был взят, его ключи отправлены в Санкт-Петербург. Русские войска очистили от прусских войск Восточную Пруссию. Она вошла в состав русского государства. Отец будущего полководца Суворова был одним из ее губернаторов.

Семилетняя война принесла полную победу войскам России. Они наголову разбили прусские войска, вошли в Берлин и поставили государство Фридриха Второго на грань катастрофы. Спаслось прусское государство лишь благодаря Петру Третьему. Это голштинский выходец, преклонявшийся перед прусским королем, агент Фридриха Второго на русском троне став царем, свел на-нет победу русских войск.

Прошло еще полвека...

Восточная Пруссия — снова театром военных действий. На этот раз наполеон, разбивший Австрию и Пруссию, сосредоточил здесь свои войска против России.

И снова оживают картины прошлого. В позднюю ненастную осень 1806 года начались боевые действия. Сложные маневры совершает Наполеон, чтобы навязать русским бой в невыгодных условиях. Когда, казалось, русским надо было спешно отступить, командовавший обороной генерал Толстой отдал приказ «стоять и умирать». Позднее прик Пултуском на натиски французов русские ответили контратакой, и стойкость русских разбила замыслы Наполеона. Измученная пешеходами через Мазурские болога, протупно руководимая немецким бароном на русской службе Беннигсеном, русская армия снова вступила тогда в бой с французами у города Прейсиш-Айлау.

Мы поднимаемся теперь на высоту у Прейсиш-Айлау, на которой распо-

ложено старое городское кладбище. Здесь в сражении 27 января 1807 года был командный пункт Наполеона. С высоты открывается отличный обзор на широчайшее поле юго-восточнее Прейсиш-Айлау, на деревни Клайн-заусгартен, Зерпаллен, Моллвиттен.

С этой высоты зимним туманным утром видел Наполеон свои войска перед Прейсиш-Айлау и сквозь мглу, там на склонах вдали, видел очертание русских колонн.

Мгла в тот день, как часто бывает в Восточной Пруссии, становилась все плотнее. Балтийские ветры принесли снеговые тучи и — участники свидетельствуют, что с началом сражения завертелась вьюга. Французы появились внезапно из метущейся пелены снега. Они атаковали русских раз... другой... третий, но были отбиты. Тогда Наполеон ввел в сражение кавалерию. Знаменитый маршал Мюрат повел своих всадников. Они прорвались сквозь центр позиции, но в глубине столкнулись с кавалерией русских. На помощь Мюрату двинулся корпус Ожеро, но и он, попав под губительный огонь русских батарей, отхлынул назад. Не мирясь с неудачей, император обрушил на левый фланг русской армии свой самый сильный корпус испытанного маршала Даву (этот корпус наступал тогда с юга, вдоль дороги, по которой идут сейчас танки «Т-34», движется пехота, оживленно курсируют санитарные машины и мчатся «Виллисы» наших генералов). Корпус Даву, смяв фланг русских, приближался к их центру, и наступил момент, который определяет исход сражения. Надо было принимать решительные меры, но командующий войсками барон Беннигсен исчез с поля сражения, а заменивший его барон Остен-Сакен приказал генералам отступить. Тогда среди войск появился генерал Багратион и повел их в контратаку. На помощь Багратиону с правого фланга на левый повел резервы молодой талантливый генерал Каменский; по скату высоты, что сейчас застроена бараками, помчались орудия конной артиллерии Ермолова.

Нам знакомо это состояние тревожного напряжения, когда в бою идет собиранье всех сил для отпора врагу, когда солдаты совершают нечеловеческие усилия, сражаются самозабвенно, отрешившись от всего в мире, кроме боя, кроме стремления разбить же-

приятеля. Как близки Красной Армии войны тех далеких времен, войны, пролившие свою кровь на этих же холмах, где вчера снова прогремел и прокатился на запад бой, оставивший на вершинах красные, увенчанные звездами, обелиски на могилах красноармейцев, павших за нашу победу. Как особенно близко и дорого нам ощущение победы, наступающее после таких тяжелых боев.

Сражаясь в мятущейся снежной пелене, русские тогда отбросили Даву и приблизились к кладбищу, где стоял Наполеон. Со старых деревьев на могилы, меж которыми сейчас валяются стреляные гильзы и брошенные немцами снаряды, на голову Наполеона падали ветки, ссеченные русскими ядрами. Но он стоял, не веря своим глазам, не веря, что терпит неудачу. Один из русских батальонов прорвался на кладбище. Батальон пробивался вперед, пока последний гребень не был зарублен в ста шагах от Наполеона его личной охраной. Русские наступали и в эту ложину за кладбищем, что сейчас в проталинах и воронках от авиабомб, обнаживших черные корневища деревьев. Аджютанты старались увести Наполеона, чтоб спасти его от русских штыков. Рано наступившая зима ночь развела противников. Но Наполеону пришлось тогда отдать приказ ловить своих солдат, бежавших от русского наступления в Торн, в Познань и даже в Берлин.

Дыхание военной истории ощутимо повсюду на этой земле.

Вот Фридринд — город на реке Алле. Сюда вернувшийся после сражения Беннигсен увел войска. Он обрек их на поражение, поставив на позиции тылом к реке Алле. Наполеон, увидев русских, не поверил своим глазам: так немисливо для боя стояли они. Убедившись в гибельной ошибке или предательстве Беннигсена, Наполеон прижал русскую армию к реке Алле.

Вот через эту мутную быстротекущую речку, под ядрами французских батарей, плыли русские солдаты. По илистому дну тащили они свои пушки и с ними поднимались на крутой, обрывистый берег, ныне усаженный дотами. По этим кривым и узким улицам отходили с боем русские полки. Здесь, прикрывая их отход, Багратион собрал московский

гренадерский полк и, обнажив шпагу, повел солдат в контратаку. Багратиону доложили, что обозы на мосту задерживают переправу и нужно сбросить их, чтобы скорее отойти. «На то мы и арьергард, чтоб не оставить неприятелю ни ломаного колеса», — ответил Багратион...

Это не только исторические сравнения и литературные ассоциации, не только чувство любви к героям прошлого, — это прежде всего боевой опыт, который пришел к нам из далека минувших войн. И в дни Отечественной войны в полевой устав Красной Армии — важнейший документ руководства боем — было записано, что нам нужны такие арьергарды, какими были арьергарды Багратиона.

Прошло пять лет. В Отечественной войне разгромили русские великую армию Наполеона. И в январе 1813 года по этим же путям Восточной Пруссии, из Вильно в Германию, пошли правофланговые полки армии Кутузова. Здесь сдался на милость победителей 18-тысячный прусский корпус, входивший в армию Наполеона, и после ночного штурма снова пал Кенигсберг.

Прошло еще столетие...

Над миром забушевал пожар первой мировой войны, зажженный империалистами, прежде всего германскими.

Восточная Пруссия опять театр военных действий...

1-я (Неманская) русская армия шла к Гумбиннену. Поспешно было развертывание армии, плохо работал тыл. С первого дня преступно осуществлялось управление армией ее командующим генерал-адъютантом бароном Ренненкампом. И все же вначале была одержана победа. Ее достигли русские войска, солдаты и лучшая часть офицеров и генералов. Смелыми действиями они отбросили германские дивизии. Самоуверенность немцев сменилась паникой — 8-я немецкая армия генерала Притвица стала поспешно отступать к Висле. К вечеру 20 августа 1914 года в германском генштабе стало известно о поражении их 8-й армии у Гумбиннена и о движении 1-й русской армии на запад. В тот же час пришло донесение, что 2-я русская армия генерала Самсонова (Наревская) перешла южную границу

Восточной Пруссии и движется на север. Восточной Пруссии грозило разрушение, армии Притвица — катастрофа.

Мольтке-младший указывал Притвицу, что он открыл дорогу в Германию, что армия Самсонова грозит Берлину. Мольтке требовал остановить русских, но получил ответ, что сил двухсоттысячной 8-й армии мало, чтоб задержать русских. Первой в мировой войне победа русских у Гумбиннена и движение русских к южной границе Восточной Пруссии имели огромное значение. Эти события потрясли Германию и отозвались на берегах Марны у Притвица.

Прусское юнкерство не могло справиться с потерей своей вотчины — Восточной Пруссии, опасалось оно угрозы, созданной Берлину. Притвицу был отстранен. Из Франции, где и зрел решающий успех германских войск, подходивших к Парижу, были отозваны на восток два пехотных корпуса и одна кавалерийская дивизия. Это помогло французам уйти от катастрофы.

Немцы пожертвовали интересами своих союзников — австрийцев. Они лишили их поддержки, и те были разбиты русскими в Галиции. Но все это не спасло бы положения в Восточной Пруссии. Возможности победы русских уже определились, и наряду с ними сложились причины поражения, и вместо победы русская армия разыгралась ее незабываемая драма...

Красная Армия помнит и свято хранит героические традиции прошлого России. Она восприняла боевой опыт русской армии. Но мы никогда не забываем, что победы дались такт полководцам, как Суворов, Кутузов, Багратион, Брусилов, в борьбе не только с внешним врагом, но и в столкновениях с царями, их ставленниками, губившими русскую армию своими бездарными, порой предательскими действиями, своей преступной враждебной народом России политикой, обрекавшей страну и армию на отсталость, на борьбу с врагом в тяжелых, неравных условиях. Так было в сражениях в Восточной Пруссии семилетней войне, так было в войне с Наполеоном, так повторилось в 1914 году.

Изучая действия Ренненкампа и Самсонова, с болью и досадой мы видели, как эти генералы и царская ставка вели войска России к поражению. Читая документы кровавой эпопеи, мы прониклись ненавистью к виновникам гибели русских солдат. Сейчас Красная Армия прошла по тем же дорогам, по городам, полям сражений, где в 1914 году шли первая и вторая русские армии, и картина их действий становится еще ясней.

Жаркими летними днями, в духоте и пыли шли солдаты 2-й армии Самсонова полями Восточной Пруссии. Ставка и командующий Северо-западным фронтом генерал Жилинский торопили и подстегивали Самсонова. Ренненкамп доносил ставке, что немцы, преследуемые 1-й армией, бегут; командованию казалось, что Самсонов не успеет перехватывать немцев. А на самом деле Ренненкамп после гумбинненского успеха остановил 1-ю армию и дал немцам время спокойно отойти и привести в порядок свою 8-ю армию. Мало того: Ренненкамп повернул часть сил 1-й армии к Кенигсбергу. Он не только не шел на обложение с Самсоновым, но от него отдалялся. Между армиями ширился разрыв.

Все знали, что от штабов до ставки, до царских дворцов в Петербурге плетутся нити интриг. Это знали офицеры и даже солдаты армии, это знали и немцы. С ненавистью к пособникам немцев читаем мы, как Гинденбург и Людендорф, назначенные руководить 8-й армией, оценивали свое проигрышное положение. Главный шанс на спасение они видели в неповоротливости русского командования. Мало того, радиостанции русских штабов передавали не шифруя все приказы и донесения. Гинденбург и Людендорф читали их одновременно с адресатами. Оперативные карты русских были открыты. Немцы увидели, что между русскими армиями большой разрыв, что их фланги обнажены. Потом стало известно, что Ренненкамп утерял соприкосновение с 8-й немецкой армией, что между Жилинским — командующим фронтом, и Самсоновым препирательство: командующий фронтом толкает армию Самсонова на север, а командарм, растянув войска на непомерно широком фронте, жалуется, что он лишен подвоза, что войска не имели дневок,

измучены, идут без хлеба и без снарядов.

В таких условиях Гинденбургу и Людендорфу не трудно было принять решение: прикрыться небольшой частью сил от Ренненкампа, а главными — обрушиться на армию Самсонова.

Наши войска проезжают теперь по этим дорогам, по городам и деревням. Здесь накапливались массы немецких войск, здесь они выходили на фланги армии Самсонова.

Это зримо сейчас, это было бы видно Самсонову и тогда, но он потерял управление своими войсками. Штаб фронта его дезориентировал, и генерал, как слепой, вел свою армию на гибель. Пройдены Найденбург, район Танненберга, взят Хохенштайн, 15-й корпус 2-й армии в упорном бою разбил 20-й немецкий корпус и преследовал противника. 13-й корпус успешно двигался вперед, но эти успехи вели к поражению, ибо фланги 15-го и 13-го центральных корпусов все более оголялись. Им бы давно пора остановиться, а они все наступают. Фланговые корпуса армии уже оттеснены центральным. Теперь надо не только остановиться, но отходить назад, а Самсонов, потеряв общую ориентировку, стремится на север, под удары противника с фланга.

Теперь, как никогда раньше, необходимо наступать Ренненкампу. Положение немцев выигрышное, но опасное, движение 1-й армии Ренненкампа может не только спасти 2-ю армию Самсонова, но раздавить 8-ю немецкую армию, которая, повернувшись на юго-восток, против 2-й армии, подставила свой тыл и фланги ударам 1-й армии.

Людендорф позднее в своих воспоминаниях писал, что «1-я Неманская армия русских стояла подобно грозовой туче, и если бы она двинулась, мы бы погибли». Но туча не разразилась грозой. Барон Ренненкамф, генерал-адъютант царя Николая Второго, отличившийся при подавлении рабочих в 1905 году, предательски бездействовал в борьбе против немцев. Германские корпуса безнаказанно обошли центральные корпуса армии Самсонова и вышли им в тыл.

Можно много рассказать о героизме солдат и офицеров, обреченных на борьбу в гибельных условиях, об от-

дельных солдатах и отрядах, вырвавшихся из окружения, — они неповинны в поражении.

Сам незадачливый Самсонов, допустивший возможность поражения, пытался спасти свои войска, поднимал в атаке солдат, но, оценив обстановку, поняв свою вину, скрылся в лесу у Виленберга и застрелился.

В поражении 2-й армии виноват не только Самсонов, не только Ренненкампф. В этом сказалась не только личная вражда этих генералов и частый в прошлом разнобой в действиях честолюбивых военачальников, для которых личная слава дороже общей победы. Здесь был нарушен важнейший закон ведения операций — закон взаимодействия всех сил на театре военных действий. По этому закону все силы, выполняя свою задачу, действуют прежде всего в обеспечение успеха той части войск, которая выполняет основную задачу, действуют в общих интересах высшего соединения: полк в интересах выполнения задачи дивизии, дивизия в интересах корпуса, корпуса в интересах армии, армии в интересах фронта, фронт выполняет стратегические задачи ставки.

Самсонов в этой операции выполнял главную задачу, и Ренненкампф обязан был ему всемерно помогать. Если он этого не делал, его должны были заставить командующий Северо-западным фронтом генерал Жилинский и ставка. Но в том-то и дело, что разнобой был и там. Царское правительство и его генералы, весь государственный аппарат были не способны руководить армиями и государством в большой войне. Одним из важнейших следствий этого было отсутствие взаимодействия армий, а в критический момент операции не оказалось хозяина на театре военных действий.

Восточная Пруссия в первой мировой войне уцелела. Осиное гнездо пруссачества, вотчина помещиков и кулаков, питомник генералитета германской армии снова стал одним из важнейших центров подготовки новой мировой войны, пропаганды захватнических идей.

Именно пресловутый Людендорф, проиграв войну 1914—1918 года, уже в 1919 году выдвинул план крестового похода против большевиков.

Предлагая организовать нападение армий всех стран Антанты на советскую Россию, он рекомендовал себя начальником штаба этих армий.

Именно Людендорф одним из первых выступил с идеей тотальной войны и, выражая интересы прусской военщины, вступил в связи с фашистами. Он поддерживал их, когда эта кучка подлецов еще только мечтала о власти в Германии.

Сейчас мы в их стране и видим, как стремилось пруссачество к новой мировой войне. Мы видим их города помещичьи имения, заходим в домашние и городские библиотеки, богатые мишурой и блеском, убогие количеством и содержанием книг. Большинство книг посвящено поучениям Фридриха Второго, сомнительным «победам» в 1914—1918 гг., бредням фашистских заправил и прежде всего самого маниака Гитлера, возвестившего немцам, что «они начинают свое наступление там, где были остановлены много веков тому назад». Портреты Фридриха, Гинденбурга, Гитлера висят рядом, их книги стоят вместе, их идея «Дранг нах Остен» пришла от тевтонов к эсэсовцам, и Восточная Пруссия являлась ее важнейшей базой, Танненберг — важнейшим центром ее пропаганды.

Немцы помнили разгром тевтонов при Танненберге, и сражение с армией Самсонова назвали «битвой при Танненберге», символизируя этим успех реванша за 1410 год. Людендорф писал, что, предлагая это название Гинденбургу, он делал «приятное немецкому сердцу».

Район Танненберга стал заповедником хищников, рассадником идей нападения на другие страны. Он открыт могилами немцев, убитых в 1914 году, заставлен монументами, кричащими о доблести немецкой армии. Десятилетиями издавались и переиздавались фотоиллюстрации «Штаб Гинденбурга наблюдает за действиями войск». Мы видим на этом фото немецких генералов в канаве, у стеноутрубы, мы нашли это место на поле боя, отмеченное памятником с выпсренной надписью. Но мы знаем, что до последнего момента борьбы и Гинденбург и его штаб сомневались в победе над обреченной армией Самсонова. Людендорф тогда доносил, что «дурной исход еще не исключен».

Но в одно фото мы верим: оно изображает наших раненых, свезенных

немцами на площадь города, брошенных на голые камни. Такими варварами немцы были, такими остались.

По приказу Гитлера, северней Танненберга у города Хохенштайна выстроили небывалых размеров каменное круглое здание, предназначенное быть усыпальницей немецких генералов. Немцы видели в этом стиле «коLOSSаль», в кажущейся простоте стен выражение мощи и строгости, а получила не то огромных размеров тюрьма со сторожевыми башнями и камерами-нишами, не то сарай с башнями для силоса и нишами-стойлами. Огнеупорный кирпич плохой отделки придал этому строению красносерый грязный цвет.

Сюда свозили со всей Германии мощи старых генералов и укладывали в ниши.

Здесь на церемониях похорон сошлись фельдмаршал Гинденбург и одержимый ефрейтор Гитлер. И когда фельдмаршал умер, его похоронили с невиданной помпезностью, ему поставили памятник тоже «коLOSSаль», а Гитлер представился перед немцами, потом в кино и на фото перед всем миром, как прямой воспреемник танненбергской (весьма сомнительной) славы фельдмаршала Гинденбурга.

Здесь сошлись немецкие генералы и фашистские проходимцы, здесь проповедывали планы покорения СССР и всего мира. Здесь они вызвали к действию силы тотальной войны, не разумея в своей ограниченности, что не в возможности Германии и не в ее власти править силами такой всемирной тотальной войны.

В Восточной Пруссии переплелись не только хищнические идеи тевтонов Фридриха Второго, кайзера Гогенцоллерна и Гитлера, но причудливо переслонились и системы укреплений: замки времен средневековья, крепости эпохи семилетней войны и 80-х годов прошлого века, укрепленные районы последних десятилетий и железобетонная и полевая оборона последних трех лет.

Мы прошли городами Кульм, Торн, Мариенбург, Мариенвердер и десятками других городов в центральной и приграничной части Восточной Пруссии. Они построены на высотах,

осели, как осьминоги, как пауки, на берегах рек, на скрещенных дорог.

Штурм этих городов труден. Города, как правило, командуют над окружающей местностью. Трудно разрушать строения каменной кладки, особенно старинные. Для этого нужна не полевая артиллерия, а батареи большой мощности. Необходима специальная подготовка к штурму, а это ведет к потере времени и темпа наступления.

Можно в борьбе за город сжигать дома, можно их совсем разрушить, но это требует затраты средств, времени и иногда не дает больших успехов. Сгоревшие строения обороняющиеся могут вновь приспособить к обороне, обрушившиеся стены зданий покрывают собой потолки подвалов, усиливают их перекрытие и делают подвалы еще неуязвимей.

В городе нужно в ближнем бою овладеть каждым домом, улицей, кварталом. Это трудно и кровопролитно. Но еще трудней овладевать крепостями, они построены 60—70 лет тому назад и состоят из цитаделей и фортов. Цитадели сохранились не всюду, а форты в большинстве уцелели. Цитадели обнесены высокими, прочными стенами, высющимися часто по берегу рек, рвов или каналов. Вокруг теснятся каменные дома разросшихся городов, и в этом нагромождении каменных зданий, в узких кривых улицах трудно наступать.

Форты цепью опоясывают цитадель, город. Форт, по нашим современным понятиям, слепое сооружение, но овладеть им трудно и сейчас. Перед внешним фасадом каждого форта отрыт выложенный камнем ров. Ширина его 20—30 метров, глубина 8—12 метров. Если стать на край рва, впечатление будет такое, точно стоишь у окна в третьем этаже дома, и надо перешагнуть через улицу на третий этаж противоположного дома. Этот ров немислимо преодолеть танками, в него нет расчета спускаться атакующей пехоте.

Форт трудно разрушать: его стены и перекрытия сооружены из кирпича, но покрыты слоем земли толщиной в 5—8 метров, скрепленной корнями давно выросших деревьев. В убежищах форта хранятся сотни тысяч снарядов, там могут располагаться целые подразделения войск.

Мы стоим на гласисе¹ форта «Кениг Вильгельм», где находился наблюдательный пункт немецкого офицера, и отсюда стараемся оценить возможности обороны местности перед фортом. Глаз напрасно ищет скрытых подступов к форту. Их нет. Далеко впереди пространство, десятилетия тому назад расчищенное для обстрела и вновь очищенное в наши дни. Форт так и строился на командных высотах, чтобы впереди лежащая местность вся простреливалась. Сейчас в скатах валов на гласисах, на вынесенных вперед площадках, за рвами, недоступными для танков, установлены крупнокалиберные пулеметы и противотанковые орудия. В глубине форта на площадках, некогда подготовленных для орудий крепостной артиллерии, стоят тяжелые минометы реактивного действия.

Форт и ныне отличное противотанковое сооружение. Лучше всего в него врываться с тыла, преодолев железные высокие решетки времен 80-х годов, которыми форт обнесен, и колючую проволоку на железных колях, поставленных еще в 1914 году. Но, ворвавшись в форт, приходится вести бой в тесноте, — на площадках для орудий, во рвах, на верхних этажах казарм, во тьме мрачных подземелий.

Чтобы обойти форт для атаки с тыла, чтобы потом прорваться к городу, к цитадели, нужно ослепить форты дымом, подавить огнем и атаковать между фортами. Но пространство между фортами простреливается огнем соседних фортов, на этом пространстве сооружены мощные доты, установлены минные поля и заграждения из колючей проволоки. Впереди же, между фортами, сплошные противотанковые рвы. Они сливаются со старинными рвами фортов и образуют сплошной ров вокруг крепости. Позади фортов, вокруг крепости предусмотрительно продолжены скрытые от внешнего наблюдения кольцевые дороги. По этим отличным дорогам курсируют танки и самоходные орудия, усиливая неподвижные средства обороны крепости, создавая бронированный огневой кулак на опасных направлениях.

Менялись эпохи военного искусства, менялось вооружение, и ныне немцы,

модернизируя старые форты, сохранив даже их названия — «Фридрих дер Гроссе», «Кениг Вильгельм» и другие, — стремились укрепить свою оборону.

Крепости и сильно укрепленные города можно и нужно обходить, но это не всегда выгодно, потому что они, располагаясь на узлах дорог, у переправ через реки, сковывают наш маневр. Это не всегда выгодно и потому, что в Восточной Пруссии исключительная густота городов, деревень, поместий и хуторов. Находясь на выгодных для обороны высотах, они своим взаиморасположением дают возможность создавать огневые мешки и наносить фланговые удары. Обходя крупные города и крепости, войска натываются на сеть этих укрепленных населенных пунктов. Усилия войск распыляются на множество боев за мелкие объекты.

Дома в приграничных районах Восточной Пруссии, стены домов, окна и особенно подвалы строились с расчетом быстрого приспособления их для обороны. Больше шестнадцати тысяч военных поселенцев, расположившись у границы Восточной Пруссии, готовили свои хозяйства к обороне. Укрепления городов, крепостей, деревень, имений, сочетаясь с укреплениями долговременной полевой обороны, создали в Восточной Пруссии мощную преграду, на непреодолимость которой надеялись немцы.

Но нет таких укреплений, которые невозможно преодолеть. В этом мы еще раз убедились, пройдя Восточную Пруссию. Не было у немцев сверхъестественных укреплений, не было валов многометровой высоты, подобных китайской стене. Это был блеф Геббельса, рассчитанный на испуг военных дилетантов. Мы встретили мощнейшие фортификационные сооружения и, главное, сильную долговременную и полевую оборону.

Каждый элемент этой полевой обороны преодолим в отдельности. Колючую проволоку легко растоптать танком, разорвать снарядами, гранатами, разрезать ножницами сапер. Мины можно подорвать или обезвредить. Противотанковый ров танкисты заваливают фашинами, засыпают, подрывая его стенки фугасами, через ров быстро перекидывают разборные мостки. Дот разрушают артиллерийским огнем, ослепляют дымом, его подрывают саперы, блокируют и

¹ Земляная насыпь перед наружным рвом укрепления.

берут штурмовые группы. У немцев становилось все меньше и меньше смельчаков, готовых сидеть в доте, подверженном блокировке, окружению.

Но сила и порой непреодолимость обороны противника в сочетании и системе всех ее средств. Трудно достичь колючей проволоки и броситься на штурм траншей, потому что они прикрыты минными полями. Трудно разминировать эти поля, потому что они прикрыты огнем из траншей. Трудно штурмом преодолеть траншеи, форсировать противотанковый ров, ибо подступы к ним фланкируются огнем из дотов. Трудно блокировать дот, ибо его прикрывают огнем из траншей. Приходится иногда все средства обороны преодолевать одновременно. А это вдвойне трудно, потому что эти статичные средства усилены подвижными: танками, самоходными орудиями. Надо их уничтожить и потом, пройдя вперед, расширить прорыв фланговыми ударами в глубину, чтобы достичь свободы маневра. Но путь к расширению прорыва и маневру преграждает отсечная позиция. Представим себе, что наступление идет строго с востока на запад и ему преграждает путь позиция противника, лежащая с севера на юг. Прорвав ее, атакующий попадает под огонь и контракта из глубины с фронта и с фланга. Стремясь повернуться в сторону, чтобы расширить прорыв, ликвидировать опасность удара с фланга и получить свободу маневра, атакующий натывается на отсечную позицию, которая идет с востока на запад перпендикулярно основной позиции. Но можно преодолеть и это.

Сила обороны противника во множественности ее объектов и исключительной глубине их расположения. Работа по уничтожению и преодолению объектов обороны противника прежде всего очень трудоемка. Она требует огромной затраты времени и, что самое главное, больших жертв. Этим, собственно, оборона и стремится достичь своих главных целей — определенных природой войны, запечатанных во всех уставах: обескровить противника, задержать его или остановить.

Укрепления Восточной Пруссии сильнее большинства укреплений, преодоленных Красной Армией в ходе Отечественной войны. Они сильнее по

своим фортификационным сооружениям и потому, что тянутся на десятки и сотни километров в глубину, а главное потому, что они опираются на местность, исключительно способствующую обороне.

Мы стоим на мосту в городе Дойтш-Айлау. Вокруг города и на улицах масса укреплений, но наше внимание привлекает прежде всего маленький мост на перешейке двух больших озер посреди города. Мост подготовлен к взрыву не только фугасом, но и авиабомбой в одну тонну. Если бы немцы успели его взорвать, Дойтш-Айлау стал бы недоступен для атаки танкового соединения, которое здесь наступало. Через озера, покрытые тонким льдом, танкисты не смогли бы пройти, им пришлось бы обходить десятки километров вправо и влево, но там сплошные леса и болота. Если бы танковое соединение совершило еще более широкий маневр в обход этих препятствий, оно подставило бы фланг под удар со стороны привислянских крепостей. Так порой взрыв маленького моста на этой местности может повести к крупной неудаче.

Мы движемся на север. На пути у города Мюлен протекает речушка. Дорога к ней идет между двух высот. Все это кажется незначительным условием для обороны и не бросается в глаза. Но подойдите ближе, — широкая пойма реки заболочена, берега реки эскарпированы. Такие никому неизвестные речушки могут задерживать танкистов дольше, чем крупнейшие водные преграды. Через такую болотистую долину не пойдут танки и особенно автомашины. По ней не поплывут паромы, как плыли через Днепр, Вислу, Неман и Одер. Надо строить мост длиной более километра или любой ценой захватить мост на шоссе, не дав немцам его уничтожить. Но если перейти на противоположный берег и всмотреться в хутор, расположенный неподалеку на высоте у дороги, можно заметить маленький сарайчик. Сломайте запор, распахните ворота — и на вас глянет стальная амбразура огромного артиллерийского дота. Зайдите внутрь. Приборов наблюдения нет; откройте затвор орудия, посмотрите через канал ствола, и вы увидите, что под огнем этого орудия находится долина реки, а главное, узкое длинное дефиле между высотами. Сюда же в дот тянутся провода фугаса, за-

ложенного под мостом. Наступающие танки могут подойти к мосту через дефиле, но мост взлетит на воздух перед головным танком. Орудие подожжет задний танк, и все они окажутся в западне. В лучшем для наступающего случае, если танки не пойдут колонной и выбросят вперед разведку, она будет остановлена, и нужно будет либо вести затяжной бой на укрепленном рубеже этой речушки, который тянется на десятки километров в глубину, либо совершать новый обходный маневр, теряя время и рискуя на новом направлении встретиться новые сложные препятствия.

Сила сопротивления этих оборонительных сооружений прежде всего в их сочетании с естественными препятствиями местности, они как бы «вписаны» в местность. Эти естественные препятствия имеют не только тактическое значение, но и оперативное. На западном направлении, в которое входит Восточная Пруссия, находится более десяти тысяч озер. Тысячи озер размером более квадратного километра. Много озер с зеркалом в 20—30 км. Это естественные препятствия, имеющие огромное значение в системе обороны. Вспомните знаменитые Мазурские болота и озера, которые не только тактически, но и оперативно разобщали усилия целых армий, наступающих на Восточную Пруссию. Озера, соединенные многочисленными реками и каналами, это укрепления и естественные преграды, которыми Восточная Пруссия прикрыта с востока и с юга со стороны Польши.

Угрозы с юга всегда опасался германский генштаб. Еще до первой мировой войны немцы укрепляли южную часть Восточной Пруссии. Генштаб проводил здесь маневры, на которых «проигрывал» тактику обороны Восточной Пруссии одновременно с востока и с юга. После первой мировой войны, когда образовался Данцигский коридор, были выстроены укрепления в Западной Пруссии фронтом на запад против Данцигского коридора. Во все времена укреплялся север Восточной Пруссии — Поморье. Так, укрепленная со всех сторон Восточная Пруссия закрывала собой Померанию и, нависая над Польшей, прикрывала берлинское направление со стороны Варшавы. Мосты на Висле соединяли Восточную Пруссию с Померанией, некоторые из них были построены давно, некоторые

строились до последнего момента пока наши танкисты не прогнали немцев сапер. Наконец нижнее течение Вислы от Данцигской бухты до Бромберга было прикрыто ожерельем крепостей и тет-де-пон'ов¹, что превращало нижнее течение Вислы исключительно сильный рубеж обороны.

Но все эти сооружения имели не только оборонительный характер. Громоздкие казармы и склады, ремонтные заводы и мастерские рассчитаны на размещение снаряжения и питание крупнейших войсковых масс, неизмеримо больших, чем это требовалось для обороны Восточной Пруссии. Железные дороги, особенно приграничные станции, их рельсовая сеть также показывают на подготовку сосредоточения здесь крупнейших войсковых масс. Автострада и сеть шоссе подготовлены были для маневра этих войск, сеть аэродромов — для базирования масс авиации, порты в южном бассейне Балтийского моря готовились к обеспечению наступления морем.

Так в новых условиях Восточная Пруссия стала стратегическим плацдармом еще более важным, чем раньше, плацдармом, от которого шли пути на восток — на Вильно — Минск, через «Смоленские ворота» к Москве, на север — через Прибалтику к Ленинграду, на юг — на Варшаву.

Так под розовыми идилическими крышами с гнездами аистов наверху плодились хищники, так жили они на каменных кладках средневековья, на железобетоне укреплений, на тупых традициях, культивировавшихся со времен средневековья до наших дней. Опираясь на них, немцы подготовились к нападению на Польшу и один из главных ударов нанесли ей из Восточной Пруссии.

По этим же обсаженным деревьями дорогам сосредоточились бронированные массы германской армии, чтобы в душную июньскую ночь 1941 года с огнем, грохотом, криком двинуться на Москву и Ленинград.

Немцам казалось, что они достигли своих вождельных мечтаний. Уже в 1941 году германская печать пророчила Кенигсбергу роль нового центра «Великой Германии», которая бу-

¹ Предместных укреплений.

дет простираться до Волги. Отсюда, из Восточной Пруссии, началась колонизация Польши. Отсюда пошли колонизаторы, собравшиеся осесть на землях СССР. Сюда, в Восточную Пруссию, согнали немцы невольников со всего мира. В первые же годы войны Германия стала страной рабовладельчества, Восточная Пруссия ее важнейшим центром.

Перед нами проходят длинной чередой невольники помещичьих имений и пленники крупнейшего лагеря в районе Танненберга.

Полон горечи рассказ французского лейтенанта Пьера Бешар. Как он попал в плен? У него были танки Рено, двигающиеся со скоростью 8 км. в час. Всем танкистам было ясно, что на этих танках невозможно воевать, но генералы, предавшие Францию, напомнили, что этот танк в 1918 году победил германскую армию. Потом они обещали танкистам новые танки, действительно построили их тысячи, но до самой войны эти танки стояли без башен. Наконец появились бронеавтомобили «Сомуа», но их гусеницы рвались после каждых 20 км. марша. Зловещее слово «предательство» пронеслось среди танкистов Франции. Под бомбами Бешар отходил из-под Седана, потом с укреплений Мажино. Он блуждал по Лотарингии, бежал в Вогезы, там был пойман и очутился в лагере у Танненберга. Сюда же попал сержант Жозеф Жермес, служивший в танковом полку у города Камбрэ. Не думали французы из Камбрэ, где в первой мировой войне прогремело первое в истории победоносное наступление танковых войск, что через четверть века французские танкисты окажутся за колючей проволокой у Танненберга.

Английский солдат Томас Джордж пять суток дрался в окружении у Дюнкерка, был схвачен и 28 суток его вели сюда, через всю Германию, в Восточную Пруссию. Английский штурман А. Люкас сражался в Тобруке и у Бенгази. Он был пойман в море при высадке на берег в Греции. Из Италии пригнали его в Германию. В пути он пробовал бежать, был пойман и в наказание сослан в лагерь, где содержались русские военнопленные. Содрогаюсь, вспоминает Люкас этот подземный лагерь.

Их тысячи, десятки тысяч французов, англичан, поляков, сидевших в казематах крепостей у Вислы. Часть

их была расстреляна. Уцелевших пригнали к Танненбергу. Как самое тягостное воспоминание, эти пленники напоминают начало войны против СССР. Мимо лагеря у Танненберга мчались немецкие машины с надписью: «Париж — Москва — Лондон». Немцы торжественно отмечали первые свои победы, заявляли, что Россия будет покорена в один месяц. «Нам казалось, что боши будут господами мира, — признается бывший учитель, сержант Эрмо Ронс. — По их требованию, кроме двух миллионов пленных, из Франции пригнали в Германию еще миллион французских юношей. Нас ждало вечное порабощение».

Скорбна повесть девушек из нашей страны, которые сами себя называли невольницами. Они говорят о том, как ловили их агенты, как они прятались от них в сараях, в погребах, в лесах, как немцы взяли заложниками матерей, отцов и пригрозили смертью. Тогда пришлось идти в Германию. Долгие недели девушек везли в запертых вагонах для скота, пригнали в Данциг, потом в восточную Пруссию на продажу в рабство. На рынке разлучали сестер, подруг, землячек, чтобы одиночкам было труднее сопротивляться. Немцы на рынке спорили: каждый хотел получить самых молодых, даже подростков, — они слабосильней, но их легче заставить покориться. Старшие сильней, опытней, строптивей. Чтобы не было спору, девушек разыгрывали в беспроигрышной лотерее, по 10 марок за билет. Билет № 8 пал на документы пятнадцатилетней русской девочки Оли Онуфриевой. Довольный немец оглядел свой «выигрыш», взял документы Оли и поехал в фаэтоне. Оля бежала за ним 12 км. по раскаленному асфальту усовершенствованной немецкой дороги.

Невольницам не разрешали встречаться, запретили разговаривать. За стеной сарая у соседа-кулака умирал на соломе невольник, пленный красноармеец. Он пополнил девушек спеть ему любимую песню. Девушки тихо пели, слезы катились из глаз, но немец-хозяин услышал песню и прогнал девушку из сарая.

Никогда не забудут невольницы, как погиб пленный красноармеец Николай (фамилия его осталась неизвестной). Суд приговорил его к пожизненной каторге за порчу молотилки. Но хозяин-немец, помещик, остался недово-

лен решением суда, обжаловал его в Берлин. Николая приговорили к смерти и на скотном дворе отрубили ему голову.

Перед нами в бараке военнопленных сидят только что освобожденные русские врачи — Пушкарев, Гордеев, Ржаницин, фельдшеры — Пенкин, Ракитин и многие другие. Взрослые мужчины, три года тому назад сильные, жизнерадостные, рассказывают и плачут. Человеческое сознание не вмещает того, что они видели в лагере военнопленных у Танненберга, что пережили за долгие месяцы и годы. Разыгрывая комедию, немцы заставляли советских врачей лечить пленных красноармейцев, но пленным не давали есть. Им бросали дохлых лошадей и потешались над тем, как люди, обезумев от голода, поедали падаль. Тысячи пленных умерли от голода, оставшимся в живых стали выдавать ничтожную порцию еды, за которой выстраивались очереди. Пленным не давали пить. Но среди двора была огромная лужа, края ее были пристрелены пулеметчиками со сторожевых вышек. Люди ради глотка воды забывали о смерти и тут же падали в лужу, скошенные пулеметными очередями. Не погибших от голода добивали холодом. Бараки зимой не отапливались, пленные спали, согревая друг друга телами, ночью многие умирали, у живых не было сил подняться, они лежали, прижавшись к трупам.

Десятки тысяч пленных после нескольких месяцев работы в шахтах возвращались в лагерь умирать от туберкулеза; их звали страшным словом «доходяги» — эти люди доходили до смерти на своих ногах. Немецкие унтера и офицеры, охранявшие лагерь, подвергали издевательствам пленных врачей. Когда иссякали запасы придинок, врачей выстраивали и требовали: «Пойте»... Потом приказывали: «Смейтесь»... За плохой смех заставляли до обморока танцовать и кричать «а...а...а...» Кто падал, того поднимали, подкалывая штыками, кто сопротивлялся, били прикладами. Люди умирали, но охранники иступленно избивали трупы. Потом врачей также погнали на работу в поле.

Германия стала тюрьмой народов. Восточная Пруссия — одним из самых мрачных ее застенков. Как нельзя лучше это подтверждает лагерь для военнопленных у Танненберга, распо-

ложенный рядом с каменным зданием могилы Гинденбурга. Сюда немцы сгоняли по 50—60—80 тысяч поляков, французов, англичан, русских. Каждая партия пленных, подходя к Танненбергу, считала, что мрачное красное серое здание и есть тюрьма для военнопленных, но их размещали рядом, в 800 метрах за колючей проволокой. Сотни тысяч людей, согнанных сюда со всей Европы, видели сквозь колючую ограду мрачное кирпичное здание, в котором стоял огромный памятник Гинденбургу, стоял точно каменный сторож координатного лагеря: «Восточная Пруссия».

Скоро в имения, хутора и города Восточной Пруссии все чаще стали прибывать извещения: «В России отдал жизнь за фюрера муж (сын, брат)», все чаще слышались невольничьи вопли плачущих немков.

Потом пронеслось над миром огненное, страшное для немцев слово «Сталинград».

— И мы поняли, — говорит пленный француз Этьен, — что нас освободят русские. У нас не было радио и карты СССР, но известия о каждом городе, освобожденном русскими, проникали через колючую проволоку в лагерь, и французы, знавшие географию СССР и способные объяснить где находятся освобожденные города, становились самыми почетными людьми среди пленных.

Последовала нота товарища Молотова об ответственности немцев за содеянные злодеяния, и пленные единогласно показывают, что это грозно предостережение повергло палачей в страх. Сообщения Чрезвычайной Комиссии о зверствах немцев попадали в лагерь через новых пленных, их ножи вставляли на груди, передавали из уст в уста, переписывали от руки и ночью вывешивали на стенах барачных. Поэтому как остервенело срывали немцы эти листки, как лютовали в поисках тех, кто их расклеивал, чувствовалось, что палачи не только ненавидят советских людей, но и боятся их.

После Сталинграда, после ноты товарища Молотова в лагере стали давать брюквенный суп и 250 грамм эрзац-хлеба. Начали отапливать бараки, но это был организованный голод и нормированное тепло, при которых у людей едва теплилась жизнь

Много месяцев спустя лагерь обходился неизвестный генерал-арцт. Сопровождавший его иезуит, доктор Губерт, сказал пленному доктору Пущкареву:

— Передайте вашему правительству, что мы ю вас хорошо заботимся.

Это подтвердило пленным, что удагы Красной Армии все больше нарастают.

В то же время в имениях и хуторах немки прятали от невольниц газеты, прогоняли их от радиоприемников. Но невольницы, судя по тому, с какой тревогой немки читали газеты, как принимали к радио, понимали, что победа Красной Армии недалека.

Грозный вал наступления катился все ближе и ближе к границам Германии и раньше всего достиг границы Восточной Пруссии. Пруссаки все еще не верили, что Красная Армия придет в их звериное логово, они надеялись на свою армию, на укрепления, на секретное оружие, обещанное Геббельсом. Немцы шопотом передавали друг другу, что после фау (фергельтунг — возмездие) № 1 последует фау № 2 и 3, 4, 5, 6, и эта подюжина «возмездий» обрушится не только на Лондон, но и на Москву. Говорили, что вступает в строй оружие, убивающее человека без выстрела, на расстоянии. Говорили, что Гитлер нарочно пустил войска союзников во Францию, чтобы там их уничтожить и потом обрушиться на большевиков. Дикие нелепицы и слухи о попытках изобрести новое средство уничтожения успокаивали немцев, убеждали их, что Красная Армия никогда не вступит в Германию.

На худой конец был детально, с немецкой аккуратностью, рассчитан план, как эвакуироваться из Восточной Пруссии, как уйти от погибели. Всем немцам было приказано подготовиться к отправке, они заготовили себе длинные фургоны, на каждый из них повесили опознавательную бирку с обозначением района, откуда следует этот фургон, и указанием фамилии его хозяина. Предполагалось, что все эти фургоны будут построены в колонны и как на параде, в строю, каждый на своем месте, согласно бирке последуют в глубь Германии. А пока немки укладывали чемоданы, упаковывали варенье, чтобы не разбиться, и продолжали верить в свою безопасность. Когда немцам предло-

жили сдать русских невольниц, чтобы увести их в глубь Германии, помещики отказались выполнить это требование. Они не хотели расставаться с даровой силой и обещали, что управятся с невольницами сами. Каждую невольницу предупредили, что при попытке бегства она будет расстреляна, что специальные отряды хозяев будут оставаться в населенных пунктах до последней возможности и каждая русская девушка, которая останется в деревне ждать прихода своих, будет зарезана.

Немцы готовились к эвакуации. Эсэсовцы запугивали их, с одной стороны, зверствами русских, с другой — угрозами расправиться, если какой-либо из немцев не пожелает уходить вслед за бегущей армией.

Грозные силы войны стучались теперь в ворота Восточной Пруссии, где выращивались идеи тотальной, истребительной войны, идеи порабощения народов и господства немецкой расы. Красная Армия, выполняя стратегические задания Верховного Главнокомандующего товарища Сталина, готовилась силой оружия и военного искусства осуществить идеи и чаяния передового человечества в этой войне, идеи расплаты с немецкими извергами, идеи освобождения невольников фашизма.

Пути Великой Отечественной войны, ставшие, как никогда раньше, путями истории, опять пересекли Восточную Пруссию.

Битые в грандиозных сражениях Отечественной войны, разгромленные в решающей летней битве 1944 года на полях Белоруссии, немецкие войска, добежав до Восточной Пруссии, осели на ее оборонительных рубежах. Осенью 1944 года разыгралась прелюдия стремительного наступления 1945 года. На крайнем северном фланге советско-германского фронта войска 1-го Прибалтийского фронта отрезали в Прибалтике от Восточной Пруссии более 30 немецких дивизий и непрерывными боями не выпускали ни одного немецкого солдата с Курляндского полуострова. На левом фланге у Будапешта шло напряженное сражение при яростных контратаках немецких пехотных и танковых дивизий. На границе Восточной Пруссии войска 3-го Белорусского фронта прорвали сильно укрепленные позиции немцев,

расширили брешь по фронту и в глубину, достигли Гумбиннена и закрепились. Осеннее наступление в Восточной Пруссии было частью операцией с ограниченной целью. За ней наступила оперативная пауза. Немцы этого не поняли. Свои бесплодные контратаки на флангах и у Гумбиннена, стоившие им бесчисленных потерь, они расписали как крупный стратегический успех. Оперативную паузу в наступлении войск Черняховского в Восточной Пруссии немцы оценили, как неспособность Красной Армии преодолеть германские укрепления. Затихшие на других фронтах советско-германского фронта объяснили бессилием Красной Армии вести большое стратегическое наступление. Печать Геббельса, вынужденная раньше признавать, что немцы терпят поражение при общем наступлении Красной Армии, что русские достигают успехов взаимодействием фронтов, ударами резервов, размахом наступления, теперь трещала, что обстановка переменялась, у Красной Армии резервов больше нет, они иссякли, что вести одновременное наступление на всем гигантском фронте большевики больше не способны, взаимодействие фронтов исключено. Геббельс утешал немцев, заявляя, что соотношение сил изменено в пользу Германии, что армия, сократившая фронт, опирается теперь на неприступные позиции. Ефрейтор—командующий немецкими войсками, в своем скудоумии не понял, что оперативная пауза нужна была Красной Армии для подготовки грандиозного штурма всей Германии.

Могучие вооруженные силы советского государства сосредоточились к январю 1945 года у границ Германии. Гитлеровское командование их недооценивало, не предвидело размаха действий, не знало, когда они начнутся, но понимало, что наступление Красной Армии неизбежно, и всемерно готовилось его отразить.

Восточная Пруссия в стратегических планах гитлеровского командования занимала свое особое и своеобразное место. Анализ расположения немецких войск перед советским фронтом показывает, что крупнейшие группировки немецких дивизий располагались на крайних флангах, на Восточно-прусском плацдарме находилось более 40 пехотных дивизий. Сосредо-

точивая мощную группировку правого крыла Красной Армии, немцы рассчитывали остановить Красную Армию на укреплениях Восточной Пруссии, тем самым прикрыть Померанию и обезопасить пути, ведущие через нее на Берлин. Одновременно немцы предполагали, что смогут с Восточно-прусского плацдарма, выгодно находящегося над Польшей, наносить удары на юг во фланг войскам Красной Армии, наступающим из района Варшавы на Берлин. Немцы считали, что чем глубже будут устремляться наши войска от Варшавы на берлинском направлении, тем уязвимее будет их правый фланг.

Красной Армии в операции на Восточно-прусском плацдарме необходимо было обеспечить успех главного удара на Берлин, не допустить переброски ни одной немецкой дивизии из Восточной Пруссии на берлинское направление. Одновременно, уничтожив всю восточно-прусскую группировку немцев, занять Восточную Пруссию и прорваться в Померанию.

Войска 3-го Белорусского фронта под командованием генерала армии Черняховского должны были атаковать немецкие позиции в Восточной Пруссии с востока. На важнейшем направлении удар наносило соединение генерал-полковника Крылова. Его успех должны были развить танкисты генерала Бурдейного и Будкова и пехота генерала Галицкого.

Предстояло фронтальным наступлением прорвать немецкие укрепления. Долгие недели перед наступлением все войска от командующего фронтом до рядовых бойцов готовились к прорыву. Днем и ночью, боем и наблюдением изучали позиции врага, рекогносцировали местность. Было установлено, что на фронте шириной 9 километров оборонялись три пехотных дивизии, что давало еще невиданную оборону противника плотность—3 километра на дивизию! Обычно дивизия обороняла фронт в 10—12 километров, а при истощении резервов 20 километров и больше. Истощение резервов привело к тому, что немцы в обороне занимали только первую полосу траншей, а последующие были подготовлены к обороне, но не стояли. На них немцы отходили передовых траншей. Это положение давало возможность нашим танкистам после прогныва первой полосы обороны достичь последующих поло-

раньше немецкой пехоты, что сразу вело к взлому всей обороны и к свободе маневра. Теперь же против соединения генерал-полковника Крылова были плотно заняты полосы обороны на десятки километров в глубину. Только в тактической глубине было засечено 70 орудий на километр фронта.

Войска глубоко поняли, что они идут на трудные бои. Возможности широкого маневра в первые дни были исключены. Решить успех должен был штурм. В сознании всех бойцов зрела мысль, что они будут истреблять врага в самом его осином гнезде, что их действия будут поддержаны всей силой могучей техники, что они участники последних решающих боев, вооруженные носители расплаты с врагом.

Офицеры и генералы глубоко прониклись сознанием, что они осуществляют идею Верховного Главнокомандования, обеспечивают выполнение главной стратегической задачи, которая решится на берлинском направлении. Все средства для взлома и сокрушения мощной обороны врага в Восточной Пруссии были подготовлены.

Утро 13 января было позднее. Но после темной ночи сразу посветлело. Гусачи орудий ударили раскаленным трещащим металлом по укреплениям врага. Дым артиллерийской стрельбы юплыл над передним краем. Вскоре западные ветры Балтийского моря пригнали туман. Сливаясь с дымом стрельбы, он становился все плотнее, опускался все ниже и вскоре закрыл землю. Генерал-полковник Крылов находился в 800 метрах от переднего края противника в расположении батальона своей пехоты. Он видел, как она рядом с танками быстро и решительно поднялась в атаку и скрылась в тумане. Оттуда из мглы доношались непрерывная стрельба пулеметов и автоматов и глухие мягкие удары танковых пушек, звук которых крадывали башни. Потом по радио в блиндаж генерала начали поступать сообщения наших танкистов: «видимость 300 метров», «видимость 300 метров», «видимость 200 метров» и, наконец, «ведом огонь в упор».

В тумане невозможны были действия нашей авиации. Она не могла появиться над полем боя и оказать по-

мощь бросившейся в атаку пехоте. Когда наша артиллерия перенесла огонь в глубину, ожили огневые средства врага, наша пехота осталась с ними одна, с глазу на глаз. Авиация не могла появиться над артиллерийскими позициями противника, чтобы парализовать действия немецких орудий, она не могла наносить удары по укреплениям противника в глубине его обороны, не могла поражать его резервы и остановить идущие в контратаку немецкие танки. Все задачи разрушения укреплений, подавления и уничтожения техники и живой силы врага легли на артиллерию. Она вела массированный огонь по пристрелянным заранее объектам, но видимость все ухудшалась, и артиллерия лишилась наблюдения в глубину.

Наступление развернулось в невыгодных для 3-го Белорусского фронта условиях. Прервать начавшееся наступление обычно трудно, но возможно. Сейчас нельзя было этого делать, потому что далеко от Восточной Пруссии, на юге Польши, у Сандомира, уже сражались войска маршала Конева. Со дня на день должны были перейти в наступление войска маршалов Рокоссовского и Жукова, гигантское стратегическое наступление развертывалось на всем советско-германском фронте от Балтики до Будапешта, и войска генерала армии Черняховского даже в ухудшившихся условиях выполняли свой долг. Победу стали добывать пехота, танки и артиллерия, прежде всего самоходная.

В первые же дни сказались мощностные немецких укреплений и особенно их массовость. Борьба за траншеи, за группы дотов, за населенные пункты, имена, хутора, отдельные дома и каменные сараи требовала своеобразной тактики. Надо было децентрализовывать силы, что усложняло управление ими и без того трудное в сплошном тумане. Штабы дивизии максимально приблизились к войскам. Решающую роль стали играть мелкие комбинированные штурмовые группы. В тумане наши бойцы и офицеры стремительно сближались с врагом, прорывались через пристрелянные рубежи, и на гигантском поле сражения шумел кровавый рукопашный бой.

В первый день войска овладели только тремя траншеями, продвину-

лись всего на полтора километра. Во второй день войска усилили натиск, но и немцы ввели в бой танки и десятки раз бросались в контратаки. Их удары отразили полки наших тяжелых танков, самоходных орудий и бригады истребительной противотанковой артиллерии. Наша пехота, прикрытая ими, не только не дрогнула, не остановилась, а продолжала наступление, но и во второй день продвинулась всего на 2,5 километра. Третий день продолжалось наступление при непрерывных контратаках врага, четвертый день продолжался героический штурм, войска генерал-полковника Крылова преодолели 10... 20... 30... 41 траншею. Первая полоса укрепления была прорвана, наступление продолжалось.

В прорыве современной обороны важен не только самый факт продвижения вперед, но и темп, которым оно совершается, темп, определяющий характер и успех операции. Либо это быстро совершенный прорыв с вводом в глубину обороны противника подвижных соединений, прежде всего танковых, которые не дают отходящему противнику закрепиться на последующих рубежах, громят подходящие резервы, гонят войска противника к катастрофе, либо это медленное прогрызание, трудное, кровопролитное, при котором выгоды остаются на стороне обороняющегося противника. Он последовательно отходит на подготавливаемый рубеж, перед каждым из них наступающий должен начинать все сначала, к противнику подходят резервы, он ими контратакует, останавливает наступающего, и возникает опасность «затухания» наступательной операции. Прорыв с «прогрызанием», как он ни труден, но неизбежен; и важно, чтобы он совершился возможно быстрее.

Чтобы этого добиться, в наступление было двинуто танковое соединение генерала Бурдейного, но противник еще имел танки и артиллерию, и наши танкисты несли потери. За пять дней боев было пройдено 20 километров.

Во всякой другой операции эти 20 километров означали бы прорыв всей тактической глубины обороны и выход на оперативный простор. Но в том-то и дело, что здесь, на кенигсбергском направлении, за тактической зоной не было привычной пустоты, не было оперативного простора.

Преодолев одну полосу сопротивления, пройдя 41 траншею, надо было начинать все сначала. Укрепления тянулись до Кенигсберга и далее по Вислы и в районе Кенигсберга они усиливались.

В глубоком раздумьи над картой сидел генерал армии Черняховский. Одаренный тонким военным чутьем, обогащенный боевым опытом Отечественной войны, веривший в силу своих войск, он понимал, что в краешек кажущаяся иногда безвыходность положения обманчива. Если наступление не дало решительных результатов там, где их ожидали, это еще не значит, что затраченные усилия пропали даром. Тяжкие удары войск 3-го Белорусского фронта не могли не потрясти даже такую оборону, как немецкая оборона в Восточной Пруссии. Эти удары вели к успеху, но к нему надо было найти новые пути. Действительно, соединение генерал-полковника Крылова, вклинившись на 20 километров в расположение противника, обнажило его фланг севернее полосы своего наступления. Генерал, командовавший соединением правее войск Крылова, доложил, что сопротивление противника слабеет. Напрашивалось решение развить успех на новом направлении. Это означало сильное изменение плана операции. Тактовые соединения Будкова и Бурдейного должны были теперь наступать не на запад, а сначала на север. Не нести удар по обнажившемуся флангу и уже в глубине обороны противника поворачивать на направление главного удара, вдоль кенигсбергского шоссе. Сумеют ли танкисты в этой крайне насыщенной обороне добыть себе свободу маневра, или они тоже шаг за шагом будут преодолевать укрепления и истекут кровью? Везде здесь не донские степи и не широкие поля Украины.

Танкисты должны были решить успех, и командующий фронтом, став в недавнем прошлом танкист, поставил им трудную, ответственную задачу. Соединение генерала Будкова развернулось и смело устремилось на север. Танкисты ударом во фланг смяли немецкие войска и, не задумываясь, резко повернули на юг на запад. Они обошли сильнейшие очаги немецкой обороны, прорвались, первый же день наступления на

километров в глубину, форсировали реку Инстер и вышли западнее Инстербурга. В ту же ночь генерал Бурдейный вывел свои танки из боевых порядков пехоты, оторвался от противника и, совершая тяжелый ночной марш, устремился за соединением Будкова. Вот где сказался неоценимый опыт Отечественной войны! Боле трех лет генералы Будков и Бурдейный водили свои соединения в рейды по глубоким тылам противника. Много раз ходили они в прорыв и бой в глубине немецкой обороны. Борьба, когда вокруг, всюду и всегда враг, стала родной стихией наших танковых соединений. В Восточной Пруссии, где на каждом километре препятствие, где реки и каналы задерживали движение, где, используя сеть дорог, враг мог появиться отовсюду, — наши танкисты доказали, что танковый удар и маневр возможны и в таких условиях.

Бои еще шли под Гумбинненом, а танкисты были уже западнее Инстербурга. Танкисты уже перерезали дорогу на Кенигсберг и нанесли удары, от которых затрещала немецкая оборона. Пал Гумбиннен, вслед за ним Инстербург. Танкисты добыли и вернули наступлению необходимый гевм и сокрушительный характер боев за окружение и уничтожение. Развивая успех, танковые соединения Будкова и Бурдейного вместе с подошедшей пехотой устремились дальше и обошли Кенигсберг с северо-запада и юго-запада.

Как ни велик был успех 3-го Белорусского фронта, он еще не ознаменал победы в Восточной Пруссии. Крепость Кенигсберг и укрепленный район вокруг нее могли еще долго сопротивляться, получая подкрепления из Померании по автострате Эльбинг—Кенигсберг, из Данцига по косе и морем. Вся территория в Восточной Пруссии южнее Кенигсберга до Вислы, особенно в районе Мазурских озер и привислянских крепостей, была сильно укреплена. Восточно-прусская группировка могла уйти за Вислу и там, опираясь на цепь крепостей, на такую преграду, как Висла, организовать вместе с частями, подошедшими из Померании, новый мощный рубеж обороны.

Вслед за войсками 3-го Белорусского фронта с плацдармов на реке Нарев севернее Варшавы, в направлении Пшасныш-Цеханув и Млава перешли в наступление войска 2-го Белорусского фронта. Здесь, как и на участке 3-го Белорусского фронта, враг оказывал упорное сопротивление. На каждом километре шла ожесточенная борьба. Успех решили в первые дни пехота, артиллерия и танковые части прорыва. Специальные комиссии, высланные вслед за войсками для проверки результатов их боевой работы, установили страшные разрушения. Историки 2-го Белорусского фронта, подполковник Завьялов и майор Горбань, шедшие вместе с наступающими войсками в первом же батальонном районе немецкой обороны установили, что из девяти блиндажей семь разнесены в щепы и два повреждены. Пленный командир роты 129-й пехотной дивизии, лейтенант Людвиг Эндрасчек, показал, что он запомнил только начало артиллерийской подготовки и даже записал его по среднеевропейскому времени. Но далее смерчи земли, огня и металла, час за часом встававшие вокруг, уничтожили большую часть его роты, разбили радиостанцию, порвали телефонную связь, убивали всех посыльных, которых он направлял к командиру батальона. Едва стал утихать артиллерийский огонь, как появились цепи красноармейцев. Лейтенант бежал от них во вторую траншею и там оказывал сопротивление, пока не был взят в плен. 252-ю пехотную дивизию поддерживал 57-й минометный полк резерва главного командования. Нам хорошо знаком шум и визг его шестиствольных минометов, которые способны одновременно дать массу огня. Командир батареи этого полка Эрнст Гилебрандт показал, что полк, находясь в укрытии в лесу, вел непрерывный огонь, пока в просеку леса не ворвались наши «Т-34» с десантом пехоты. Врач батальона пленный капитан Гинкель показал, что батальон долго сопротивлялся, ибо солдаты знали, что при отходе они будут расстреляны, но пятьдесят процентов солдат было ранено, не считая убитых осколками артиллерийско-минометных снарядов, а семьдесят процентов из уцелевших получили на второй день пулевые ранения — таково цифровое выражение результатов действий первых дней наступления.

Капитан 5-й легкой пехотной дивизии Эрвин Блохинг был в крепости и признается, что содрогнулся от артиллерийского огня, но потом огонь стих, и стало известно, что русские обошли крепость. Блохинг бежал двое суток на запад, но обогнать русских не мог. На третьи сутки он лег спать, но говорит, что содрогнулся второй раз и на этот раз от криков «ура». Капитан едва успел одеть очки, как увидел перед собой русского автоматчика.

Так, разрушая укрепления врага артиллерией, уничтожая его в ближнем бою огнем автоматов, громя артиллерийские средства танками, обходя сильно укрепленные объекты, — войска маршала Рокоссовского прорвали немецкую оборону. В прорыв были введены танковые соединения генералов Панова, Вольского, Попова, Фирсовича и кавалерийское соединение генерала Осликерского. Были взяты Пшасныш, Цеханув, Млава и Млавский укрепленный район. Отсюда часть сил маршала Рокоссовского продолжала наступление на запад, крупные силы устремились на северо-запад и потом все круче на север к южной границе Восточной Пруссии. Они стремительно двигались на север теми же полями, которыми тридцать лет тому назад ползла армия Самсонова.

История вообще, и военная в особенности, не терпит упрощенных сравнений. Ни один современный бой не похож на другой. Тем более каждая операция прошлых войн, имея общие черты, приложимые к современным операциям, имеет еще больше черт, отличающих ее от современной операции.

Для военного историка дороги сравнения, вызывающие ассоциации о прошлом, и прежде всего дорог роднящий с прошлым героизм воинов русской и Красной Армии. Для историка интересен анализ прошлого, дающий ему как схожие черты, так и «доказательство от противного», помогающие понять современные явления.

Действия войск Рокоссовского развернулись на исторических полях Танненберга, но они не сравнимы с действиями войск армии Самсонова, потому что совершались во исполнение совершенно иного, чем в 1914 году,

стратегического плана. С точки зрения оперативной действия этих войн несравнимы потому, что тогда вытеснение территории от Варшавы до южной границы Восточной Пруссии находилось у России. Ныне, чтобы достичь южной границы Восточной Пруссии надо было выиграть крупнейшие сражения на реке Нарев, севернее Варшавы, на Мазовецкой равнине. Трудно сравнимо по характеру вооружения 1914 и 1945 годов. Несравнимы берен Ренненкампф и Самсонов с Героями Советского Союза, государственными людьми — генералом армии Черняховским и маршалом Рокоссовским. Несравнимы войска советского государства, руководимые гениальными полководцем и вождем народов товарищем Сталиным, как несравнимы цель и характер этих войн, как несравнима советская власть и царизм. Но сравнимы на этих местах действия немецких захватчиков и их устремление в 1914 году с их действиями и целями в 1945 году. И отталкиваясь «от противного», исключительно ясно видно, как армия советского государства сокрушила планы германских империалистов всех времен и, с точки зрения военной, совершила то, что армия Самсонова не могла совершить.

Разгромив войска противника на Мазовецкой равнине, овладев Млавой войска 2-го Белорусского фронта обеспечили себе подход к южной границе Восточной Пруссии, но с этого решение поставленных задач только начиналось. От Мазурских озер и болот до Вислы, вдоль всей границы на пути войск 2-го Белорусского фронта были сильнейшие укрепления на местности, которая считалась недоступной для действия крупных танковых масс. У немецкого командования был, несомненно, детально разработанный план обороны Восточной Пруссии, ибо, как писал немецкий военный историк Гренер: «Едва ли нашелся хотя бы один офицер генерального штаба, который в мирное время не занимался бы подробно проблемой военной обороны Восточной Пруссии».

Но, подходя к границе Восточной Пруссии, войска Рокоссовского уже выиграла темп операции. Танковые и механизированные соединения стали обгонять свои пехотные соединения, устремляясь все быстрее вперед. Они оказались на фланге всей восточно-прусской группировки противника и

угрожали ее тылам. Мы теперь точно знаем, что все штабы немецких корпусов, противостоящие войскам 2-го Белорусского фронта, бежали уже на третий день наступления. На четвертый день бежал штаб немецкой армии. Стремительность и направление удара принесли внезапность. Наши танкисты захватывали сильнейшие укрепления, не дав противнику занять их своими резервами, они захватывали мосты, не давая возможности противнику их взрывать. Танкисты появлялись в немецких гордах, когда немцы стояли в очередях к магазинам, сидели в кино, ехали в трамваях, или, ничего не ведая, спали. В одном из городов, куда танкисты ворвались ночью, до утра горел свет. На электростанции так и не знали, что в городе уже советские танки. И под утро, предупреждая о выключении, как полагается, с электростанции три раза мигнули светом и погасили. Кавалеристы генерала Ослюковского ворвались в Алленштайн, захватив железнодорожную станцию; они заставили немецкого диспетчера продолжать прием поездов и приняли из Кенигсберга 22 эшелона с немцами, спешившими укрыться в безопасное место от наступления 3-го Белорусского фронта. Танкисты генерала Фирсовича совершали ночные марши со светом прожекторов. Это вводило немцев в заблуждение, а танкисты, освещая их позиции, сближались и били при свете прожекторов по врагу. Они подошли к обводу мариенбургских укреплений, не встретив сопротивления, поймали полицейского и даму, спешившую на свидание, и заставили их указать проход через укрепления. Немецкого генерала, строившего эти укрепления, танкисты полковника Юренича взяли в плен, когда он с женой и дочерью пил чай.

Рокоссовский выбил из рук немецкого командования в Восточной Пруссии управление войсками. Летчик сбитого немецкого разведывательного самолета показал, что он был послан командованием искать свои войска. Через час был сбит второй разведывательный самолет летчика, летавшего с задачей — установить, где проходит передний край своей же обороны. Немецкие генералы уже не знали, где их войска, где линия боев. Все перемешалось. На фронте только одного нашего соединения были взяты пленными четырнадцать разных диви-

зий. Потеря управления вела немцев к поражению.

Некоторое время еще действовал немецкий план обороны Восточной Пруссии с юга. Наши летчики донесли, что колонны глубиной в 50 километров движутся из центра Восточной Пруссии на юг. Это были резервы, еще не подвергшиеся нашим ударам. Но было уже поздно. Попыталась атаковать наши части танковая дивизия «Великая Германия», но во встречном бою наши новейшие тяжелые танки подожгли и подбили 38 «тигров» и «пантер» и отбросили немецких танкистов на север. переброска немецких резервов на юг лишь облегчила продвижение войск 3-го Белорусского фронта и не остановила войска 2-го Белорусского фронта. Крупные силы маршала Рокоссовского уже развернулись на Мазовецкой равнине, обошли залитые в 1914 году кровью русских солдат, проклятые ими, Мазурские болота и неудержимо двигались на оберландскую возвышенность на север к берегам Балтики.

Мощное танковое соединение генерала Вольского подошло к Найденбургу. Танкисты тогда не вспоминали, что в Найденбурге некогда был штаб 2-й армии Самсонова, что впереди исторический Танненберг. Руководившие боями генералы Вольский и Гришин отдали по радио танкистам лаконичный приказ: «Овладеть Найденбург, Танненберг, Остероде».

Там, где некогда армия Самсонова дралась и погибала без снарядов, без патронов, без хлеба, теперь наносило сокрушительный удар могучее соединение лучших в мире танков, самоходных орудий, гвардейских минометов. По тем полям, где увязали в песке русские солдаты, промчалась на бронетранспортерах, на автомашинах мотопехота. Там, где войска Самсонова шли без конных обозов, теперь действовали машины, моторы которых, вместе взятые, обладали мощностью в полмиллиона лошадиных сил. Ими управляли советские бойцы. Там, где когда-то не хватало русским войскам снарядов, одно только стрелковое соединение, за время наступления в Восточной Пруссии, обрушило на голову врага столько снарядов, что если бы их одновременно перегрузить на автомашины, колонна

машин была бы длиной в 400 километров.

Немцы не выдержали удара взаимодействующих в одном соединении сильнейших боевых средств, и потому бои были жестокие, но скоротечные. Найденбург пытался сопротивляться нашей атаке с юга, но был обойден с востока, с запада и атакован с севера. Бой еще шел в улицах Найденбурга, а генерал Сахно уже выбросил сильный передовой отряд на Танненберг. В ночь, совершив марш, танкисты передового отряда завязали бой. Непроницаемый туман скрыл сближение, и бой стал ближним, в упор. Через час после начала боя полковник Омелистый передал в штаб генералу Сидоровичу боевое донесение о том, что «части, преодолевая упорное сопротивление противника, в 7.00—21.1. 45 г. подошли к Танненбергу. Ударом с юго-востока, с северо-востока и с юга, сломив сопротивление противника, нанес ему большие потери, в 8.00 овладели Танненбергом». Почетное имя «танненбергских» пришло к героическим танкистам Красной Армии на этом историческом поле.

Вот они, холмистые поля у Танненберга. В утренней дымке выступают темные пятна лесов, скрывающие многочисленные озера и болота. В прогалинах между лесами видна чешуя черепичных крыш кирх и деревень. Серое небо с бесформенными тучами низко висит над черными скелетами придорожных деревьев. Мы идем по улице этой старой небольшой деревни, под именем которой дважды вошли в историю кровавые сражения. Сколько раз в Военной академии мы видели ее на картах, сколько раз в тихих аудиториях на лекциях профессоров и на экзаменах незримо и беззвучно двигались вокруг нее войска. Ныне в третий раз поля Танненберга стали ареной исторических боев. Сейчас над каменными зданиями деревни воцарилась мертвенная тишина. Ночной бой прокатился далеко на запад. Следы атаки наших танков еще свежи, на развороченной земле, разбитой технике врага, раздробленных повозках его обозов, над всем этим низко стелется дым догорающих домов. Деревни и поля вокруг стали огромным кладбищем. Трупы немецких офицеров и солдат раскиданы по улицам и холмам. Они лежат у па-

мятника немцам, убитым в 1914 году ими полно кладбище на окраине деревни. Кладбище находится на высоте служившей немцам опорным пунктом и потому подверглось артиллерийской обработке. Общая солдатская могила времен 1914 года раскрыта, разбита снарядами, и кости, черепа, ислезшие солдатские ботинки валяются на дне огромной ямы. Здесь же лежат укрывавшиеся от обстрела и убитые сегодня ночью фашистские солдаты. Ни один писатель, художник, режиссер не свел бы с таким символизмом в одну могилу немцев 1914 и 1945 годов, как их свела судьба истории, судьба войны. Безусые арты, в мундирах с орлом и свастикой на груди, напрасно искали спасения от смерти в могиле, среди костей своих отцов. В страхе прижимаясь к скелетам, глядя в черные пустые глазницы черепов, прокляли они то день, когда затеяли войну.

Недалеко от Танненберга, на высоте обсаженной декоративными кустами, стоит камень с надписью, извещающей, что здесь, в августе 1914 года, находился командный пункт Гинденбурга и Людендорфа. Это они вкупе с фашистами раздували новую войну, это они оставили своим ученикам, генералам и молодому поколению немцев, призыв к наступлению на славу, это они мечтали о тотальной истребительной войне, о новой славе Танненберга. Они пришли к бесславию и получили войну на истребление. У Танненберга, среди безмолвия могил, шевелятся страницы древней истории и встают картины битвы первой мировой войны. На этом широчайшем поле уже раскрыты страницы еще неписанной истории, свершившейся в наши дни. Немцы мечтали о победах, они вызвали дух истребительной войны, но сюда, в Восточную Пруссию, пришли с победой не они, а наши армии.

Судьбе войны было угодно, чтобы именно там, где тридцать лет назад не сошлись, а разомкнулись усилия русских войск, атаковавших Восточную Пруссию с востока и юга, ныне сомкнулось гибельное для врага, направленное единой волей Верховного командования действие фронтов Красной Армии.

В день, когда войска Черняховского овладели Инстербургом, прорвались глубоко с востока и устремились к Кенигсбергу, войска Рокоссовского

овладели городами Алленштайн, Остероде, Дойтш-Айлау, вогнали смертельный клин с юга и устремились к Эльбингу. Захвачены были основные узлы коммуникации. Парализован был маневр врага, сжимались стальные тиски охвата восточно-прусской группировки, возможность окружения всей Восточной Пруссии стала реально близкой. В эти же дни к Берлину и к Померании, обходя Нижнюю Вислу, неудержимо шли войска маршала Жукова.

Мслнней пронеслась над Восточной Пруссией весть о том, что русские прорвались. Гаулейтеры приказали немцам подготовиться к эвакуации. Приказано было уходить всем. Фашистская пропаганда расписывала ужасы, ждущие немцев, которые останутся с русскими, распространяла дикие слухи о зверствах большевиков. То, что внушалось немцам годами, теперь достигло нелепейших размеров. Немцы, верившие, что у большевиков растут рога, были подготовлены к той панике, которая их поздней охватила. Гаулейтеры предупредили, что сигнал к выезду будет дан по радио. Там, где не было радиоприемников, установили связь велосипедистами и конниками. Немцы уложили вещи в фургоны и не отходили от радио. Весть о приближении русских проникла в лагерь военнопленных. Она принесла звериную страх тюремщикам, радость и тревогу заключенным. Пленные ждали освобождения и боялись смерти накануне спасения. Им было известно, что перед приходом Красной Армии охрана лагеря или отходящие части СС всегда расстреливают пленных на месте или угоняют в глубь Германии, а это тоже означало смерть. Изможденные люди знали, что у них нехватит сил дойти, что их добьют по дороге или они умрут на морозе. Пленные вспоминали страшные картины расстрелов в Славуте, в Суваляках, в Умани, в Белостоке. Вспоминали, как тысячные колонны пленных, угнанные из лагеря, не доходили до другого, а исчезали навеки в придорожном лесу. Нервы людей были напряжены сверх предела.

Проходил день за днем, близилась к концу неделя. Немки и немцы неотступно дежурили у радио в ожидании команды бежать за Вислу, но

радио молчало. Пленные в лагере не знали, что творится на фронте, ждали свободы или смерти.

И вдруг пленные, пригнанные рыть траншеи, услышали отдаленный гул. В воздухе было тихо. Но гулом была полна земля. Он нарастал с каждым часом, как нарастает отдаленный гул океанского шквала, и наши люди принакивали ухом и всем телом к земле, спрашивая у нее, откуда идет этот гул, далеко ли от них бушует сражение. Весть об этом разнеслась по лагерю, и, таясь от охраны, поодиночке и группами пленные спускались в траншеи, они искали участки, где яснее звучал гул борьбы, гул освобождения. К вечеру едва уловимый слухом, как вздохи отдаленной бури, возник в воздухе шум артиллерийской канонады. Он то усиливался, то пропадал, и сердца людей то бились в радостной тревоге, то замирали в тоске. Люди вытягивали шею, поднимались тайком на чердаки барачков и в самозабвении прислушивались. Вскоре пленные увидели, как высоко-высоко в поднебесьи пронеслись строи наших тяжелых бомбардировщиков. Они быстро исчезли, а к вечеру далеко по горизонту поднялось зарево пожаров.

Среди ночи охранники лагеря подняли всех военнопленных. Криком, ударами прикладов, штыками они выгнали их из барачков, построили в колонны, чтобы гнать на запад, за Вислу. «Все... конец... не дождались свободы...» Над лагерем доносился ветер, он гудел в колючей проволоке, сметал с крыш падающий снег. Впереди ждала гибель от штыка конвоира и белая смерть в снегу придорожной канавы...

И вдруг, как молнии сквозь пелену снегопада, во тьме пронеслись зарницы разрывов. «Сыграла» «катюша»... били гвардейские минометы. Грохот стрельбы загредел совсем близко, рядом, но не там, на востоке, откуда все ждали, а на юго-западе, позади лагеря. Это танкисты 2-го Белорусского фронта, совершая ночной марш с боями, прорываясь к морю, окружали Восточную Пруссию. В панике заметались охранники. Стеляя, загнали они всех пленных обратно в бараки и в страхе бежали из лагеря. Вместе с ними мимо лагеря бежали с фронта немецкие части.

В ту же ночь страшный взрыв потряс окрестность. Тяжелые обломки

каменных падали, проламывая крыши барачков. Взорванный немцами, взлетел на воздух памятник Гинденбургу — каменный страж концентрационного лагеря и всей тюрьмы «Восточная Пруссия», — рассыпался и валялся в прахе.

Далеко в поле, за лагерем появился огромный танк. Чей это танк — никто не знал. Никто из пленных никогда не видел такой грозной машины с непомерно длинным орудием, он мало походил на танки, которые красноармейцы знали в 1941—1942 годах. Но вот танк развернулся, и тысячи пленных увидели в утреннем свете на башне советскую звезду.

Люди рванулись к колючей проволоке, они кидали поверх нее шинели, чтобы перелезть. Но стена была висока, а порыв людей необъятен, — подбегали все новые сотни и тысячи, толпа прорвала колючую стену и кинулась навстречу танку. Пленные кричали, кидали в воздух рваные шапки, больные ползли по снегу, обнимались, плакали. Тысячи изможденных людей окружили танк. Экипаж вынесли на руках.

«Это был наш тяжелый танк, — рассказывает освобожденный из лагеря доктор Воробьев, — он пришел к нам в 21-ю годовщину смерти Владимира Ильича Ленина. И вспомнил я, — продолжает старый доктор, — как в 1941 году, под Волковыском на реке Зельва, из горящего танка, охваченный пламенем, выбросился комиссар бригады Чубаров. Спасти его уже не было возможности, и, умирая, он говорил: «Доктор, это горит Чубаров, но знамя Ленина — Сталина никогда не сгорит...»

Рассказывая, плачет доктор Воробьев... Плакали тогда тысячи пленных, прослезился, глядя на них, и молодой командир танка. Став на башню могучей машины, в ответ на просьбы сказать что-нибудь, он крикнул: «Нам некогда, товарищи, нас ждут другие, такие же, как вы», — и умчался на север к морю. Лагерь у Танненберга покидали десятки тысяч пленных: русских, французов, англичан, поляков, чехов, американцев, сербов. Они покидали лагерь холода, голода, смерти. Они проходили, стуча колодами деревянных башмаков по плитам взорванной могилы Гинденбурга.

В немецких городах, деревнях, имениях, хуторах не дождалась радио-

сигнала гаулейтера об эвакуации. Радио молчало, а советские танки гудели под окнами. Дикая паника: «спасайся, кто может» — обуяла немцев. Они видели, как горят их дома, как бегут с фронта немецкие части. Немецкие солдаты мародерствовали: сбрасывали одежду, переодевались в штатское. В истерике немка спрашивала у русской невольницы Веры Воробьевой: «Где же немецкий бог и, отчаявшись в его помощи, на колени молила невольницу заступиться за нее. На улицах смешались фургоны беженцев всех районов и деревень. Полетел к чорту план эвакуации, оказались ненужными аккуратно написанные бирки на фургонах. Обезбеженцев загрохотали дороги. Спасаясь от наступающих русских, четыре немецких «тигра» пошли напролом, да на дороге колонны фургонов. Обезумев от страха, бежали немцы через залив на косу, лед не выдержал и тысячи погрузились на дно. И никто туда не гнал, они сами посеяли страх перед советскими боцами, пожалели панику, потеряв голову сами себя уничтожили.

В дни, когда танкисты генерала Вольского и пехотинцы генералов Федюнинского и Гусева стремились юга на север к Эльбину к Данцигской бухте, туда же с востока бежали немецкие дивизии. Было ясно, что восточно-прусская группировка противника терпит поражение, что Восточная Пруссия будет занята нашими войсками, но немецкое командование все еще пыталось спасти положение, сохранить за собой полосу вдоль моря, по которой проходила автострада Кенигсберг — Эльбинг. Здесь окончательно решалась дилемма: либо войска 2-го Белорусского фронта выйдут к морю, отсекут путь из Восточной Пруссии, либо немцам удастся удержать сообщение с Померанией и Данцигом, откуда уже торопились резервы Гитлера, отряды морской пехоты, и тогда борьба примет затяжной характер.

Более недели танкисты генерала Сахно, Малахова, полковника Михайлова не досыпали и не отдыхали. Почти все эти дни частый гость балтийских просторов — пурга заметала дороги. По сугробам шли только танки, автотранспорт отставал, горючее, снаряды подвозили, пробиваясь чере-

снежные заносы, порой продвигаясь по 5—6 километров в час. На пути к морю перед танкистами вставали не только враги, но и стихия природы, и собственная нечеловеческая усталость. Все преодолевая, охваченные неустойчивым порывом — вперед к морю, танкисты с боями перехватывали одну колонну немцев за другой.

Среди немецких колонн шли угоняемые за Вислу тысячные колонны плененных французов и англичан. Они стали свидетелями и едва не жертвами этого невиданного боевого марша...

— Нас гнали из Вармдита, — рассказывает пленный француз, — когда появились ваши танки. При виде их конвоиры разбежались. Танки устремились на нас. Мы боялись, что советские танкисты примут нас за немцев. Но колонне стали искать знающих русский язык. Знавшие хоть несколько русских слов бежали навстречу танкам, но они стали разворачиваться в боевой порядок. Я двенадцать лет служил в танковых войсках Франции, видел танкистов-англичан и был свидетелем действиями головного звзда... Мой друг, прячась в канаву, сказал, что «они отлично действуют, но для нас это может плохо кончиться». — Тогда мы стали кричать «Де Голль! Де Голль!» Но танкисты и десанты пехоты с оружием наизготовку продолжали приближаться. Мы ричали: Гитлер капут». Но и это не помогло. Когда все мы закричали «Вива Сталин!»

Над снежным полем тысячи людей кричали во всю силу легких, искали спасения в имени товарища Сталина.

— К этому времени пехота с танкового десанта уже подбежала к нам... Люди были точно одержимые и очень злые. Видно было, что не спали много дней, — лица их были черны от усталости, — говорит английский офицер. — Пехотинцы стали проверять состав колонны. Все мы, не только англичане, французы, сербы, но и голландцы, бельгийцы, итальянцы говорили одно слово: «союзник». Ваш сержант сказал: «Что-то много вас, союзников, набирается». Но подъехал майор и, заботясь о нас, послал в тыл, на юг, потому что ожидалась контратака немецких танков. Мы пошли на юг и опять встретили ваших танкистов, на головном танке пехотинцы десанта поняли наше объяснение так, будто мы англичане, пробившиеся сюда с запада, но, разобравшись, очень обо-

злились, что теряют с нами время, и помчались на север, где уже завязался бой. Мы шли все дальше в тыл, но долго не встречали вашей пехоты. Ваши танкисты герои. Воевать в снежной метели гораздо труднее, чем в песчаных бурях африканской пустыни. Но так невозможно воевать, как они, нельзя так далеко отрываться от пехоты. Это тактически неправильно.

Английский офицер, воспитанный в правилах военной тактики начала войны, не понял, что нормой тактического поведения наших танкистов давно стало совершать невозможное. Танковые соединения смело прорываются вперед, громят врага и с боями удерживают позиции до подхода крупных соединений своей пехоты. Он не понял, что, совершая невозможное, наши танкисты отрезали немецким дивизиям путь за Вислу и спасли жизнь тысячам плененных и тысячам других, отставшим от новых правил войны и не понявшим темпа и характера нашей борьбы.

На десятые сутки после первых ударов на реке Нарев войска Рожосовского прорвались на берег Балтийского моря. Советские танкисты ворвались первыми в логово фашистского зверя изнутри и заперли заднюю дверь.

Немцы теперь стремились уже не проскочить раньше нас за Вислу, а пробиться силой. Они свели вместе четыре пехотных дивизии, одну танковую, назвали эту группу первым эшелонном прорыва, подготовили к удару последующие эшелоны и перешли в наступление на запад, на Эльбинг. Соединение генерала Вольского в это время штурмовало Эльбинг, наступая фронтом на запад. Немцы грозили ударом через тылы танкистов прорваться к гарнизону Эльбинга. Танкисты приняли бой с перевернутым фронтом. Часть их, руководимая генералами Заевым, Малаховым, полковником Пожоловым, штурмовала Эльбинг, другая под руководством генералов Синенко, Сахно сражалась фронтом на восток. Танковое соединение одновременно стало и молотом и наковальней. День за днем шла ожесточенная борьба. Пятнадцать суток танкисты ни на один день не выходили из боя. Еще больше усилились метель и мороз. Люди цепенели от холода и усталости. Вал за валом накатывались на танковый

барьер немецкие полки. Ночами и в метель они проникали в глубину боевых порядков, добираясь иногда до штабов. Казалось, вот-вот прорвутся немцы и уйдут в Померанию. Но день за днем их цепи разбивались о наш стальной волнорез.

Войска 2-го Белорусского фронта отбрасывали противника на восток, войска 3-го Белорусского фронта наносили ему удары с востока. Те, кто спаслись под Кенигсбергом, были уничтожены перед Эльбингом. Об этом дают показания пленные. Врач батальона Карл Хайнц Кюн показал:

— В батальоне было 200 солдат. Под Кенигсбергом 15 убито, 26 ранено, пропало без вести 15. Под Эльбингом было убито 30, ранено 25, пропало без вести 25. В пути от Кенигсберга до Эльбинга убито 15, брошено раненых 9. Батальон, как боевая единица, перестал существовать, уцелевшие 40 солдат и офицеров сделали попытку прорваться мелкими группами и одиночками за Вислу. Они бегут ночами, как волки, через леса и овраги, обходя населенные пункты.

Немцы бросили вперед из Данцига отряды морской пехоты, составленные из моряков, списанных с потопленных судов. Но войска генерала Федюнинского были уже и на западном берегу. Первый же отряд «утопленников» был разбит. Командовавший отрядом капитан уже в плену. Он свидетельствует, что на его участке из Восточной Пруссии выходили одиночки в таком деморализованном состоянии, что, опасаясь распространения паники, их спешно отсылали в тыл.

Нашими войсками взяты в плен не только бежавшие одиночки, но сопротивлявшиеся полки. На пехоту генерала Федюнинского и танкистов генерала Фирсовича натолкнулась немецкая пехотная дивизия и была разбита. Командир 391-го полка этой дивизии, Ганс Клаузен сидит на допросе перед генералом Федюнинским. Допрос идет в кабинете прусского помещика. На Ганса Клаузена смотрят с портретов Фридрих Второй, Гинденбург и Гитлер. Генерал Федюнинский вежлив, а пленный полковник еще полон фанаберии. Он заявляет, что попал в плен случайно, что его полк еще боеспособен и прорвется на Эльбинг. Генерал Федюнинский приказывает построить весь немецкий 391 полк, включая артиллерию и обозы, и корректно пред-

лагает командиру полка самому вести своих людей в тыловой лагерь для пленных. Немецкий полковник нищет головой и отказывается предстать перед строем своего полка.

Дивизии 1-го эшелона прорыва были уничтожены. Новых эшелонов не последовало. Войска 3-го Белорусского фронта приступили к уничтожению немецкой группировки юго-западнее Кенигсберга.

Если бы на восточно-прусскую группировку обрушились все войска Рокоссовского, участвовавшие в окружении, она была бы раздавлена несколько раньше. Но войска 2-го Белорусского фронта, частью сил завершив окружение и обеспечив пресечение попыток противника прорваться за Вислу, одновременно крупными силами форсировали Вислу, вошли в Померанию и снова прорвались к морю у Кезлин, завершив окружение новой крупной группировки противника у Данцига. Этими действиями была одновременно обречена и вся восточно-прусская группировка. Прорваться ей было уже некуда. Удрав из «кенигсбергского котла», она попала бы в «данцигский». Некоторое время эти «котлы» еще были, благодаря косе, «сообщающимися сосудами», но вскоре сокрушительным ударом войска 2-го Белорусского фронта овладели Данцигом. Теперь между кенигсбергской группировкой противника и ближайшей территорией, еще занятой немецкими войсками за Одером, оказалось пространство в сотни километров. У кенигсбергской группировки осталась одна перспектива—быть уничтоженной.

Но уничтожение этой группировки в кратчайший срок и с наименьшими потерями требовало доблести войск и высокого искусства командования.

Полное уничтожение окруженной восточно-прусской группировки было завершено в три этапа.

Сначала были отсечены все войска, находившиеся юго-западнее Кенигсберга, и прижаты к заливу Фриш-Гаф. Опираясь концами в залив, шаг за шагом сжималась огненная подкова наших войск. На каждом шагу немцы отчаянно сопротивлялись. Они пытались увести через залив свои штабы

и офицерский состав и, чтобы выиграть время, гнали солдат в контратаки.

Это были дни полной распутицы. Наши войска наступали по глубокой грязи, форсировали болота, разлившиеся реки и приблизились к заливу. Наша артиллерия и авиация создали на берегу крошечный ад. Спасая свои шкуры, офицеры ночью взорвали прибрежную дамбу. Воды залива затопили местность, еще занятую немецкими войсками. Тысячи немцев, особенно раненых, утонули, тысячи добрались до наших войск и подняли руки. Наши танки, обойдя район затопления, прорвались к берегу, разбивали и жгли баржи и пароходы, на которых немцы пытались перебраться на косу и в Кенигсберг. В грандиозном побоище на берегу залива, за период с 13 по 29 марта, было убито 80 тысяч и взято в плен свыше 50 тысяч немцев, захвачено 605 танков и самоходных орудий и свыше 8 500 полевых орудий.

Последовал второй этап уничтожения противника в Восточной Пруссии. Войска 3-го Белорусского фронта перегруппировались для штурма Кенигсберга. У гарнизона крепости было достаточно времени, чтобы подготовиться к обороне. К сильнейшим крепостным сооружениям и новейшим укреплениям до последнего дня прибавлялись новые. Их строили десятки тысяч пленных, саперы и фольксштурмисты. Фашисты заявили населению, что никому не уступят руководства постройкой укреплений и сделают их неприступными. Гаулейтер Восточной Пруссии пресловутый Эрих Кох приказал построить новый аэродром в черте самого города. Сильнейшие укрепления, сотни орудий, а главное — гарнизон численностью более ста тысяч солдат и двух тысяч офицеров (неизмеримо более сильный, чем сопротивлявшиеся гарнизоны Торна, Грауденца, Познани и других крепостей) давали возможность немцам надолго затян timer борьбу.

Подлинно суворовская подготовка наших войск предшествовала штурму крепости Кенигсберг. Укрепления вокруг были разведаны с воздуха, изучены по планам, наблюдениям, опросам жителей и пленных.

Войска использовали для тренировок уже захваченные противотанковые

ровы, доты и траншеи. Был построен точный макет Кенигсберга, и командиры, от генералов до лейтенантов, изучали улицы, площади, форты, все крупные объекты штурма. Войска осваивали тактику уличных боев. Они были разделены на штурмовые батальоны, роты, группы, в которые входили пехота, танки, артиллерия, саперы. Это была предельно конкретная детализация плана боя.

Одновременно шла грандиозная подготовка сокращения в целом всей обороны Кенигсберга ударами артиллерии и авиации. Тысячи орудий и тысячи самолетов сосредоточились над Кенигсбергом. Войска ждали ясной погоды. Наконец она установилась. Солнце и ветер просушили землю, прогнали тучи, очистили почву и воздух для страшной грозы.

Солнечным весенним утром гроза над Кенигсбергом разразилась и сотрясала непрерывно три дня и три ночи землю и небо.

По приказу маршала Василевского войска 3-го Белорусского фронта перешли в наступление. Ударом с северо-запада войска генерала Людникава отсекли Кенигсберг от Земландского полуострова и порта Пиллау, связывавших кенигсбергский гарнизон с внешним миром.

Одновременно соединения генерала Галицкого и генерала Белобородова пошли на штурм Кенигсберга с юга и севера. В стремительном наступлении войска ворвались в город. Танкисты рассекали оборону немцев вдоль улиц и площадей. Пехота и артиллерия, уничтожая немцев, очищала улицу за улицей, квартал за кварталом. Штурмовые батальоны пробирались в глубь города, смело оставляли за собой еще сопротивлявшиеся форты и сильные очаги обороны, которыми овладели последующие эшелоны. На третьи сутки генерал Галицкий и генерал Белобородов по телефону договорились прекратить артиллерийско-минометный огонь, потому что их войска, наступавшие с юга и севера, сблизались настолько, что могли поражать друг друга. Последние очаги немецкой обороны были взяты в рукопашном бою.

Историки подробно расскажут о классическом штурме Кенигсберга. Они оценят решающую роль нашей артиллерии и авиации. В их ударе проявилась космическая сила, не передаваемая обычными терминами.

Мы знаем разрушение городов и капитуляции немецких гарнизонов, когда неделями длилась борьба и день за днем в бою разрушались дома, уничтожался враг.

У Кенигсберга невиданная даже в условиях современной войны разрушительная сила тысяч орудий, тысяч самолетов была сконцентрирована и обрушилась на немцев в ее действие до предела сроки, и потому в действительности было подобно стихии, напоминало землетрясение.

Весь Кенигсберг был облит пламенем. Днем горы дымных облаков, толкаемые взрывами земли, громоздились к небу, скрывали солнце, ночью пламя озаряло небосклон.

На исходе войны Красная Армия ввела в действие силы, изменившие привычные понятия явлений боя. Воздействие этих сил невыносимо для врага: все гибнет, рушится, спасения нет ни в щелях, ни в подвалах, ни в железобетонных бункерах. Немцев обуряло безумие. Многие сошли с ума в буквальном смысле этого понятия. В этом горящем пекле, в дыму, в пыли, в раскаленной духоте, у дьявольских костров горящих зданий наши бойцы атаковали немцев, и они стали сдаваться в плен тысячами.

За несколько часов до ультиматума, предьявленного маршалом Василевским гарнизону Кенигсберга, комендант крепости генерал пехоты Ляш через военные радиостанции искал связи с нами, чтобы просить пощады, и наконец передал по широкополосной станции Кенигсберга, что он сдается.

И вот они предстали на допросе: дравшийся против нас с первого дня войны, увешанный железными креслами, командир дивизии генерал-лейтенант Хенле; инспектор всех оборонительных работ в Восточной Пруссии генерал-лейтенант Микош (инженер-сапер по образованию, он командовал танковой дивизией и потому полагал, что сочетание знаний сапера и танкиста поможет ему построить оборону, не доступную не только для пехоты, но и для танков); и, наконец, сам комендант Кенигсберга генерал Ляш. Его судьба закономерна и отражает судьбу Восточной Пруссии.

Безусым лейтенантом, тридцать с лишним лет назад участвовал Отто Ляш в составе 1-й кавалерийской дивизии в битве у Танненберга. Все три десятилетия готовился Ляш к новой

войне. Он достиг поста командующего восточно-прусским военным округом. Он жил здесь же, в прусском городе Морунгине. Свою семью, свою волю, чину он собирался защищать, только мог. Ляш воевал под Леннградом, успел бежать из-под Львова и был назначен, как испытанный боев командир, отлично знающий восточно-прусский театр военных действий, комендантом Кенигсберга.

Генерал-лейтенант Хенле показывает, что фронт его дивизии был прерван северо-восточнее Кенигсберга. Неудачу обороны он объясняет тем, что опоздал контратаковать русские войска. Генерал-лейтенант Микош винит во всем гаулейтеров, которые вторгались в его функции. Генерал Ляш подтверждает, что в первый же день боя была прервана связь между Кенигсбергом и Земландским полуостровом, где находился штаб армии, которую Ляш подчинен. Связь прервалась между дивизиями в Кенигсберге и он не мог руководить боем.

Убоги объяснения пленных генералов, не понявших природы и меры вещей! Прижатые военными аргументами советского генерала, ведущего опрос, они соглашаются, что контратаки не спасли бы дивизию Хенле, что укреплений у Микоша было достаточно, что если бы у генерала Ляш и была бы связь со штабом армии, ничто бы не изменилось, все ска Земландского полуострова бесцельны были хоть чем-нибудь помочь Кенигсбергу. И под конец они соглашаются, что удара Красной Армии нельзя было предотвратить, под ним нельзя было устоять. Они теперь соглашаются, что Восточная Пруссия и вся Германия были в этой войне обречены на поражение.

Снова гудел воздух и дрожала земля. Войска 3-го Белорусского фронта ушли вперед. Наступая, они отступили от немцев Земландский полуостров, сбросили последних немецких солдат в Балтийское море, сверкавшее под солнцем весны 1945 года.

Утихла земля, на которой в 1410, 1757, 1807, 1914, 1945 годах грохотали сражения, определявшие пути истории. Отныне и навеки Восточная Пруссия перестанет быть плацдармом наступления на Восток, где жадно и трудится великий и могучий советский народ.

ЛЕВ СУБОЦКИЙ

ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ

1

Художественная литература советской страны возникла как литература нового социалистического мира, рожденного Великой Октябрьской революцией. Лучшие книги, составляющие классический фонд нашей литературы, рассказали о том, как в борьбе и муках рождался этот новый мир, как, очищаясь от скверны старого общественного строя, перестраивая свою страну и самого себя, рос и мужал новый человек — человек эпохи социализма.

Великие идеи всемирной освободительной борьбы трудящихся против всех форм и видов угнетения человека человеком, идеи социалистического гуманизма стали неиссякающим источником вдохновения передовых художников слова, и именно это сделало советскую литературу могучим средством художественного познания мира и социалистической перестройки его, определило место нашей литературы в литературе мировой — место глашатая новой правды, борца против социальной несправедливости, насилия и угнетения. В этом смысле советская литература, по существу своему, всегда была антифашистской, всегда противостояла фашизму, как наиболее открытой, последовательной и свирепой форме всемирной реакции в эпоху империализма. И вполне естественно, что в грандиозной битве с фашистской Германией, напавшей на страну социализма, литература наша стала, по словам Алексея Толстого, «живым и непосредственным голосом воющего народа», активно участвуя всеми своими средствами и силами в достижении победы над фашизмом.

Теперь, когда солнце нашей победы озаряет поля отгремевших исторических сражений, возвещая грядущий небывалый расцвет советской страны, хочется хотя бы в самых первоначальных, общих формах подытожить сделанное литературой за великое военное четырехлетие.

Большой и вдумчивый труд всего коллектива критиков и литературоведов потребуется для того, чтобы зафиксировать содержание современного этапа развития советской литературы, выявить и исследовать его основные тенденции, заметить дальнейшее направление литературного процесса. Но уже сейчас можно с законным чувством гордости сказать, что в тяжчайших испытаниях Отечественной войны советская литература, неразрывно связанная с народом и его историческим делом, честно выполнила свой долг «каменщика крепости невидимой, крепости души народной» (А. Толстой). Мужественным, ярким, взволнованным художественным словом она организовала народное сознание, вдохновенно пропагандировала великие лозунги справедливой освободительной войны. В годы войны наши лучшие писатели действительно приравняли перо к штыку, и оно было одним из грозных, могущественных орудий Красной Армии.

Сквозь грохот вражеских пушек в первый самый трудный период войны звучали мужественные голоса Толстого и Эренбурга, разоблачавших звериную сущность фашизма, звавших народ к стойкости и подвигам во имя грядущей победы. И голоса эти были слышны не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

правду. Именно этим и объясняется огромная популярность наших писателей. К их слову прислушивались миллионы, они стали, по меткому выражению Суркова, душеприказчиками солдатского сердца. Были, конечно, и в эти годы «произведения», подобные залакированным олеографиям, изображавшие войну и народный подвиг, как красивый и чуть ли не веселый батальный праздник. Но эти книги прочитывались с равнодушным презрением. Ни один из таких «баталистов» не оставил и не оставит следа в народной памяти.

Каждый, кто внимательно присмотрится к литературе последних четырех лет, не может не заметить, что характернейшей особенностью лучших ее созданий является суровая и мужественная правдивость, чуждая лакировки, дешевого приукрашивания действительности. Вспомним «Василия Теркина» А. Твардовского, фронтовые стихи А. Суркова, Л. Первомайского, А. Кулешова, исполненную трагического пафоса поэму П. Антокольского «Сын», «Пулковский меридиан» В. Инбер, «Жизнь» и «Народ бессмертен» В. Гроссмана, «Непокоренные» Б. Горбатова, повести А. Бека о панфиловцах, симоновские «Дни и ночи». Война в этих произведениях — тяжкий и кровавый труд народа, вставшего на защиту своей свободы и жизни, жестокая школа ненависти к фашистским угнетателям; в них воспеты народное горе и бессмертная сила народа, сила советского патриотизма, ведущая через все испытания к победе.

Про игры позабыли дети,
И женихам не до невест.
Как в дни далеких лихолетий,
Народ несет свой тяжкий крест.
Но человек с орлиным взглядом
Бессменно бодрствует в Кремле,
И сыновья с отцами рядом
Идут по выжженной земле.

(А. Сурков, «Россия карающая»).

Осенью 1942 года М. Алигер писала:

Год отступлений, крови и утрат,
потерь не счесть, страданий
не измерить.

Припомни все и оглянись назад,
и разум твой откажется поверить,
как многих нет, и не сыскать могил,
и памятников славы не поставить.
Но мы живем, и нам хватило сил.
Всех сил своих мы не смогли
представить.

С той поры прошло более двух лет. Это были годы небывалого в военной истории, непрерывного наступления, закончившегося штурмом цитадели всемирной реакции — Берлина. К концу войны, к победе советский народ, его государство и Красная Армия пришли еще более сильными. И если сами мы в довоенные годы подчас не представляли «всех сил своих», то как же жестоко просчитался наш враг, рассчитывавший на слабость Красной Армии, непрочность советского строя, разобщенность советских народов!

2

Мы одержали победу над фашистской Германией потому, что нас вела, вдохновляла, организовала партия Ленина — Сталина, потому что воюющий народ, его великую армию возглавлял гениальный вождь и полководец товарищ Сталин. Источниками победоносной силы Красной Армии была дружба и сплоченность советских народов, крепость и жизнеспособность советского строя, неистребимая мощь социалистического патриотизма, сочетающего передовые исторические традиции народов с живым духом эпохи социализма.

Конечно, для того, чтобы выразить в большом художественном полотно необъятное содержание военного четырехлетия, чтобы глубоко и разносторонне воссоздать облик воюющего советского человека — победителя фашизма, нужно время. Война потребовала от писателя живого, оперативного, повседневного вмешательства в жизнь — статьёй, очерком, стихом. В первый период войны работа в армейской, фронтовой и центральной печати забирала все время, все силы значительной части наших писателей. Однако именно в эти годы уже создавались и появлялись такие крупные произведения, как поэма Н. Тихонова «Киров с нами», «Народ бессмертен» В. Гроссмана, «Непокоренные» Б. Горбатова и некоторые другие. Жанры очерка, рассказа, короткого стихотворения, конечно, преобладали. Мир чувств и переживаний советского человека на войне полнее всего выражали тогда стихи. Твардовский, Сурков, Алигер, Маршак, Симонов, Кирсанов, Первомайский, Самед Вургун, Зарьян, Джембул — эти имена стали близки миллионным массам.

В конце второго и на третьем году войны появляется значительное количество книг, стремящихся не только рассказать о событиях войны, но и художественно осмыслить их, запечатлеть характерные черты нового военного облика советского человека. Вслед за повестями Вас. Гроссмана и Б. Горбатова выходят две повести А. Бека о панфиловцах, «Дни и ночи» К. Симонова, «Гвардейцы» Ю. Либединского, цикл рассказов Л. Соболева — «Морская душа», «Клятва» Ф. Гладкова, повесть Г. Березко «Командир дивизии». Много названий можно было бы прибавить к этому перечню, но мы отмечаем лишь некоторые из них. Еще в дни войны начал печататься роман А. Фадеева «Молодая гвардия», опубликованы главы нового романа М. Шолохова. В поэзии появились такие значительные произведения, как «Василий Теркин» А. Твардовского, «Зоя» М. Алигер, «Сын» П. Антокольского, «Знамя бригады» А. Кулешова, «Домик в Шушенском» С. Щипачева, в драматургии — «Фронт» Корнейчука, «Нашествие» Л. Леонова, «Офицер флота» А. Крона.

Мы назвали, естественно, далеко не все книги последних лет, заслуживающие серьезного внимания или хотя бы упоминания. Но и указанного достаточно для того, чтобы доказать факт большого принципиального значения: еще под гром пушек советская литература начала плодотворную работу, создавая художественные памятники своей грозной эпохи — эпохи Великой Отечественной войны. Необходимость «дистанции времени», о которой, как о непреложном законе творчества, говорили некоторые писатели, оказалась не столь уж обязательной. Названные книги, конечно, различны по характеру, по степени дарования их создателей, по глубине поставленных проблем и созданных образов. Но для них характерно стремление сочетать описание больших исторических событий с изображением человеческих судеб в эпоху Отечественной войны, и потому это уже не моментальные фотографии, а художественное обобщение действительности. Если даже многие из этих книг еще не достигают цели, если некоторые писатели еще пытаются уложить наше небывалое время в рамки привычной литературной традиции, то среди этих книг есть и подлинно-новаторские, пытающиеся воссоздать облик эпохи и

человека во всей их специфике, в повторимом своеобразии.

Рукой замечательного мастера создается роман о делах и людях эпохи великой освободительной войны — «Молодая гвардия» А. Фадеева. В нем звучит величественная, трагическая и радостная музыка нашего времени, эпохи ослепительного торжества идеи и сил социалистического общества над всемирной реакцией. Фадеев вводит нас в мир мыслей и чувств передовой молодежи наших дней, и перед читателем раскрывается во всем его значении важнейший источник победы — социалистический патриотизм с новыми, только ему присущими чертами, воспитанными в наших людях общественным строем социализма.

Молодой человек советской страны, выросший в атмосфере политической и социальной свободы, проникнутый идеями социалистического гуманизма, защищающий от фашистов свою обновленную родину, как свое собственное достоинство, — вот подлинный герой нашего века, и его черты правдивы, с силой настоящего искусства запечатлеваются в романе Фадеева. Вместе с тем это книга о преемственности и связи большевистских поколений, о вдохновляющей и организаторской роли нашей партии в войне, о идеях коммунизма, живущих в сознании масс, и потому ставших огромной материальной силой, преодолевающей на своем пути все препятствия. Фадеевым в «Молодой гвардии» — произведении большого эпического жанра, как и В. Гроссманом в его небольшой повести показано, что победу над фашизмом мы одержали именно потому, что мы — советский народ и нас ведет партия Ленина — Сталина.

К числу книг, правдиво раскрывших этот главный источник нашей силы, следует отнести и повесть молодого писателя Г. Березко «Командир дивизии», в которой просто и убедительно мотивирован патриотический подвиг большевика, офицера Богданова, и рядового бойца Красной Армии Шуры Беляевой. В «Гвардейцах» Ю. Либединского — повести, не лишней, как и книга Г. Березко, известных недостатков, — также есть во многом удавшаяся попытка уловить и показать то новое, что воспитано нашей эпохой в советских людях и что отличает их патриотизм от патриотизма предшествующих историче-

ских эпох. Наши книги продолжают и развивают благородную традицию советской литературы, литературы социалистического реализма: изображая поток жизни во всем многообразии сложных и противоречивых явлений ее, создатели этих книг видят ведущую прогрессивную тенденцию развития, возвеличивают подлинных, а не мнимых героев нашего времени. Успех таких произведений советской литературы в военные годы — факт большого значения. Этот успех помогает понять причины творческих неудач тех писателей, которые, идя по проторенным путям литературной традиции, пытаются заимствовать чувства и понятия прошлых эпох для характеристики нового человека.

Бесплодность этих попыток особенно ясно сказалась в тех произведениях, в которых патриотизм наших людей трактовался, как вечная и вневременная категория, и, таким образом, ставился некий знак равенства между патриотизмом, например, дружинника эпохи Дмитрия Донского и патриотическим сознанием бойца социалистической Красной Армии. Глубокое и сложное сочетание исторической традиции с живым и всеопределяющим духом эпохи социализма, которое характеризует патриотическое сознание советского народа, трактовалось односторонне, и вследствие этого обеднялся образ человека нашего времени, нивелировались своеобразные, воспитанные в нем социализмом черты характера. Подобного же рода неправильный упор на древние, исконные черты патриотического сознания (любовь к родной природе, воспоминания о днях детства в родном краю) приводили часто писателей, особенно поэтов, к известному обеднению образа героя к замыканию его в рамках своеобразной ограниченности. Со страниц poem П. Антокольского «Сын» и М. Алигер «Зоя» встает волнующе прекрасный образ молодого человека страны победившего социализма — человека, противостоящего фашистскому убийце. ярко выраженные индивидуальности восемнадцатилетнего лейтенанта Красной Армии и героической комсомолки объединены кровным сходством характеров, воспитанных новым веком, новой всемирно-исторической эпохой. Сравните этих молодых и бессмертных героев с лирическим героем некоторых стихов, например, украинских поэ-

тов, грустящих о лесах и полях родного края, и станет ясно, насколько прав был Добролюбов, писавший:

«В своем первом проявлении патриотизм даже и не имеет другой формы, кроме пристрастия к полям, холмам родным, златым играм детских лет и пр. Но довольно скоро он формируется более определенным образом, заключая в себе все понятия исторические и гражданские...»

Мысль эту следует почаще вспоминать многим нашим писателям, лишаящим героев своих произведений «понятий исторических и гражданственных» вследствие односторонней трактовки характера их патриотизма.

Добролюбов писал далее, что «настоящий патриотизм выше всех личных отношений и интересов и находится в теснейшей связи с любовью к человечеству». Патриотизм советского человека пронизан идеей социалистического гуманизма и ненавистью к врагу, и герои Отечественной войны ясно понимали свою великую освободительную миссию — миссию спасения свободы и достоинства всего человечества от фашистского мракобесия и изуверства. Между тем этот недостаток свойственен и произведениям и некоторых молодых писателей (назовем, к примеру, «На юге» А. Калининна) и зрелых мастеров советской литературы. Он сказался и во «Взятии Великошумска» Л. Леонова. В «Нашествии» Леонов гораздо шире и полнее ставит проблему советского патриотизма.

Эти недостатки не могут, конечно, заслонить несомненных успехов советской литературы, которой в годы войны удалось с большой силой выразить содержание и характер советского патриотизма. А. Толстой, И. Эренбург, Л. Соболев, Б. Горбатов, А. Бек в повести о панфиловцах, выдающиеся произведения поэтов Союзных Республик показали одну из существенных черт советского патриотизма — дружбу и братство народов Советского Союза. Гармоничное сочетание национальных традиций с коренными жизненными интересами трудящихся — источник горячей и животворной любви всех советских народов к своей родине, источник героизма русских, украинских, грузинских, казахских бойцов. О подвиге двадцати восьми гвардейцев-панфиловцев, своим героическим делом как бы символизирующих единство совет-

ских народов в бою, вдохновенно рассказали и певец Казахстана Джамбул, и русский поэт Н. Тихонов. Белорусс Аркадь Кудешов над братской могилой друзей клянется дружбой народов отомстить ненавистному врагу.

Мы друзей засыпаем землей,—
Ленинградцы, татары, узбеки,—
И клянемся, что кровью чужой
Вспоим мы белорусские реки.

Армянский поэт Гурген Борян и русский поэт Евг. Долматовский посвящают Украине, стонущей под игом гитлеровской оккупации, стихи, пронизанные духом боевого единства народов. Этот мотив единства — один из наиболее ярко и полно разработанных мотивов советской поэзии военных лет.

3

В характере советского человека есть великолепная черта, которая в столь высокой степени присуща именно нашему народу. Это — священная неудовлетворенность достигнутым, отсутствие самодовольства и самоуспокоенности. Эпоха социализма воспитала в нас стремление к движению вперед, отрицание пределов достижимого, постоянно питающие нашу реалистическую мечту о большем и лучшем. Это требовательное и взыскательное отношение народа к себе должно стать принципом оценки того, что сделано нашей литературой за великое военное четырехлетие.

А сделано много. Мы имеем право гордиться тем, что в арсенале боевого вооружения советского народа безотказно действовало остро отточенное оружие художественного слова. Литература своими средствами участвовала в борьбе за победу, но только теперь она вплотную подходит к решению своей задачи: запечатлеть для грядущих поколений, для читателей всего мира грозную и величественную эпопею народного подвига в Отечественной войне, создать образ советского человека — победителя фашизма. Наши новые книги — романы, повести, рассказы, поэмы — должны способствовать решению задачи морально-политического разгрома фашизма во всем мире, должны вдохновлять советский народ на новые подвиги — подвиги мирного созидательного труда. Советский Союз — великая Социалистическая держава, чье мировое зна-

чение неизмеримо выросло за эти годы; Советский Союз — олот славянских народов, страна социальной справедливости и правды, надежда и вера трудящихся всего мира. Литература такой страны должна быть достойной своего народа. Будем всегда помнить об этом. Будем с этих позиций вырабатывать наши критерии художественности, нашу меру новаторства. Дадим миру, потрясенному подвигом советских народов на поле битвы с фашизмом, правдивое и яркое объяснение «советского чуда» — чуда моральной силы раскрепощенного человека, создавшего новое государство, новую экономику, новую армию.

Сейчас наступило время глубокого и всестороннего осмысливания жизненного материала, накопленного писателями за эти годы на фронте и в тылу, отсева случайного и второстепенного, отбора главного и типического. Массового читателя уже не удовлетворяет герой без биографии, без ясного человеческого характера — он хочет многообразия определений, богатства и разнообразия связей человека с действительностью, тесного переплетения исторических событий с судьбами их творцов, широкого художественного полотна, которое вместит бы и образ великого вождя нового мира, полководца наших побед, и образ рядового бойца его армии.

Окончание войны означает начало новых великих работ по восстановлению всего разрушенного тяжелой военной колесницей во имя нового пышного расцвета экономики, культуры, быта. Голос писателя должен ясно звучать в гуле созидательного труда.

Помочь нашим людям залечить душевные раны, нанесенные войной, — благородная задача всех видов нашего искусства, — и в первую очередь литературы. Пусть снова звучат поэмы «Про это», повести о любви и дружбе. И пусть не будет в этих книгах пошлого «утешительства», оскорбительного для истинного горя, — пусть повеет в их омраченные души свежим ветром большой жизни, полной благородных страстей, простой теплоты дружеских рук и высокого горения общественного долга.

С особой силой возникает теперь требование подлинного новаторства, обращенное к каждому писателю, стремящемуся создать нетленное. Некри-

тическое следование литературным традициям, а с другой стороны забвение лучших черт классического наследия, склонность к литературным реминисценциям, фальсифицирующим подлинную жизнь, погоня за дешевыми историческими аналогиями для изображения нашего времени — вот враги подлинного новаторства. Об этом мы частенько забываем в послед-

ние годы. Разглядеть новое, подчас еще скрытое под очертаниями привычного, уметь заглянуть в завтрашний день — эти драгоценные свойства всегда были присущи передовым художникам нашей литературы. Будем добиваться, чтобы они стали достоянием большинства — здесь самое необходимое условие наших грядущих успехов.

Н. СТЕПАНОВ

СОЛДАТСКОЕ СЕРДЦЕ

(Творчество Л. Первомайского)

Среди поэтов, прошедших суровые испытания войны, почетное место принадлежит Леониду Первомайскому. Его стихам свойственны серьезность замысла, глубина поэтической мысли, романтический пафос.

Первомайский вошел в литературу как автор лирических стихов и баллад, как поэт, влюбленный в солнечные степные просторы своей Украины. Широкую известность приобрели его стихи о гражданской войне, его поэмы («Трипольская трагедия», «Феликс Дзержинский» и др.). Его творчество всегда отличалось широтой поэтического горизонта, богатством тем и событий: Украина, Памир, гражданская война, Бетховен, венгерские рапсодии, переводы из Шандора Петефи, Гейне, Низами...

Таков творческий размах поэта.

Но только в годы Великой Отечественной войны стихи Первомайского прозвучали во весь голос, приобрели подлинную зрелость и значительность.

Л. Первомайский все четыре года войны провел на фронте, был участником героической борьбы своего народа за свободу и независимость. За эти годы поэт приобрел особую остроту зрения, ту зрелость поэтической мысли и мастерства, которые характерны для его поэзии.

Стихи Первомайского о войне — не просто удача одаренного поэта. В них звучит голос времени, в них бьется мужественное сердце народа. Это стихи солдата, стихи, подсказанные героическим подвигом народа-воина.

Современники грандиозных событий мировой истории, мы в праве требо-

вать от поэта произведений, запечатлевших эти события во всей их исторической значимости.

В горниле войны с особенной яркостью и полнотой проявилась героическая сущность советского народа, его могучий и непоколебимый дух. «Дух народа, как и дух частного человека, — писал Белинский в «Очерках Бородинского сражения», — высказывается вполне только в критические минуты, по которым одним можно безошибочно судить не только о его силе, но и о молодости и свежести его сил».

Показать величие подвига народа, молодость его духовных сил в критический период исторического бытия — такова почетная задача, стоящая перед нашими писателями. И Первомайский понимает свой гражданский долг. Он нашел тот обобщенно-философический характер изображения событий, который так отличает его стихи от поспешных, наивных и поверхностных откликов на происходящие события, звучавших подчас в стихах многих поэтов.

Первомайский дает в своих стихах ту большую человеческую правду, ту философическую обобщенность событий, которая является результатом глубокого и вдумчивого проникновения поэта в дух времени.

Сейчас, когда мы победили, когда жестокие и трагические дни начала войны далеко позади, мы, окидывая взором картину войны в ее исторической перспективе, видим, что стихи Первомайского не утрачивают своего значения — они выдержат испытание

временем. В этих стихах живет дух времени, та атмосфера, которая определяла наше сознание на протяжении четырех лет войны. Мы вспоминаем по стихам Первомайского то, что пережито, идем по страницам войны, по дорогам солдатской славы — и видим силы, приведшие страну к победе.

Людоедскому озверению немцев, чудовищной машине истребления, созданной гитлеровской Германией, советские люди противопоставили не только могущество своего оружия, но и всепобеждающую человечность. Именно пафос гуманизма, вера в будущее торжество справедливости пронизывают стихи Первомайского о войне.

Поэт романтического взлета, Первомайский не прикрашивает и не романтизирует войну. Чувство приподнятости, душевного благородства и возвышенной веры в свой народ, которое пронес советский воин через всю войну, определяет пафос стихов Первомайского; судьба народа и судьба человека в испытаниях войны — такова основная их тема. Личная судьба человека слита с судьбой его родины и народа. В неразделимости этих судеб, в благородном чувстве родины — как путеводного маяка — лиризм стихотворений поэта, начиная с тех, которыми откликается Первомайский на страшные события первых дней войны:

А сам я как? Дойду ли сквозь бои
В край, где любил и набирался силы?
Увижу ли еще раз берег милый?
Воскреснут ли бывшие сны мой?
Там ночь теперь... Пожаров дымный след.

Страшны во мраке бедные долины.
Там детства моего стоят руины.
А может статься, и развалил нет.
Но пусть к руинам, — все-таки пойдём...

(«На Полтавщине»)

Сильное впечатление произвело в трудные дни начала войны стихотворение Первомайского «Земля». В нем сконцентрированы огромная душевная боль разлуки с родными местами, боль тяжелого осеннего пути отступления 1941 года и жестокости первых утрат... И в то же время в этих стихах живет просветленная вера в победу, в торжество справедливости, в силу народа. «Земли сырой комок», захваченный поэтом при расставании

с родными местами, становится символом грядущей победы:

Я пронесу его сквозь все бои,
Как кровь свою, как помыслы свои.
Моя душа сольется с ним навеки.
Теперь он всю мою судьбу хранит;
Как пепел Клааса, в сердце мне

стучит,
И в снах бурлит, как в половодье реки.

Он поведет меня в моей борьбе.
Пройдет в походах трудная година,
Настанет день, и я верну тебе
Комок земли нетленной, Украина!

Горечь прощания с родной, чувством родной земли у Первомайского заключены в самых образах стихотворения, в самом пейзаже измученной и истерзанной, но тем более любимой поэтом, украинской природы.

Тема родины проходит через все стихи Первомайского, определяет их лирическое звучание. Война идет по местам, памятным поэту с детства, она разрушает тот ясный и светлый мир, который дорог поэту. Влюбленность в ветерок, дрожащий над лесом, в тихую речку, в звон ковыля, в скрипение криницы и раздолье золотистых нив насыщает его стихи плотью и кровью родины:

Чем дороги они душе моей,
Степные зори, дождики косые?
За что так жаль мне рощицы босые,
Приют укромный диких голубей?
Садочки, хаты, улицы в пыли
Непроходимой, розовой, горячей?..
Зачем все это предо мной маячит
В туманной вечерюющей дали?
Тут родился я, бегал босиком,
Рос, как трава, и все мне было мило.
И где б я ни был, сердце не забыло,
Что там остался детства добрый дом,
Что он меня от непогод хранил,
Став для меня твердыней вековую
В краю, где я на Полтавщине жил,
Над тихою рекой Берестовою.

(«На Полтавщине»)

Величая простота стиха еще больше оттеняет ту меру страданий и ту меру скорби, которую претерпела Украина от жестокого разгула охмелевших от первых удач войны немецко-фашистских орд. В стихотворении «День рождения» поэт рассказывает о разоренной, истерзанной земле, отвоеванной у немцев, о женщинах, выходящих с детьми из погребов, о черных язвах пожарниц, о хатах без крыш...

Стихи Первомайского полны гнева и жгучей ненависти к врагу, в них показано рождение великого мужества солдата. Поэт не боится говорить о страданиях войны, о скорби и горечи, которые пережила наша страна. Он говорит об этом, как об огромной скорби народа. Страдания войны очищают душу, закаляют сердце, учат мужеству. Может быть, одно из самых сильных стихотворений Первомайского — это «Отступление», написанное действительно кровью сердца. Оно рассказывает о разграбленных городах, о разрушенных святынях, о горьком хлебе. И в то же время именно в этом стихотворении звучит уверенность в победе, которая никогда не покидала поэта:

Но в каменном сердце есть вера
одна:
Исполнится мера терпения мира,
Блеснет над землею возмездья
секира
И недруг за все разочтется сполна.

В стихотворении «К дочери» Первомайский рассказывает, как в ночь отступления он зашел в комнату покинутого им дома, в комнату дочери. В ней сохранились тетради, погибшая за стеклом аквариума золотая рыбка, детские игрушки — память о днях мира и счастья. В этих деталях прошлого есть какая-то особая лирическая конкретность, ненависть, жажда мщения, непреклонность. Уверенность в победе присутствует в поэзии Первомайского как физически ощутимое чувство. Сколько человеческой теплоты, сердечности, лирического чувства в таких стихотворениях, как «Теплушка», «Ходит, бродит он за мною...» и др. О войне Первомайский говорит торжественно и просто. В «Осени на Дону» слышится народная песня, украинские думы. Ветер приносит червонный кленовый листок, напомнивший казаку о милой:

Тот листочек, может статься,
Мне прислала ты сама.
Видно, больше не дожидаться
Этой осенью письма.

Как и в народной поэзии, в стихах Первомайского природа живет одной жизнью с человеком. Все, что совершается в стихах, связано с ней единым дыханием. В стихотворении «Тишина», например, говорится о жажде мирного труда, о земле, ждущей пахаря, о дыхании весны, вдохновляю-

щей бойца на подвиг. В стихотворении «Снег летит» Первомайский говорит о смерти, но идея этого стихотворения — бессмертие, победа. Не элегия смерти, не траур печали определяют настроение этих стихов, а мужество борьбы, героическая поступь новых бойцов, идущих во имя победы на смену погибшим:

Снег летит и летит... А в степи, на
холмах, на пригорках
Ни крестов, ни имен. Только хлопья
седой пелены,
Словно горькая слава, совьются в
стенаниях горьких.
Лучших лавров не надо безвестным
героям войны.

Снег летит и летит... Мы идем по
взметенному следу.
Что ни шаг, приближается час, и
рожок возвестит,—
И другие пойдут в наступленье, и
вырвут победу,
И пробьются по нашим могилам,
сквозь снег, что летит.

Трагизм поэзии Первомайского оптимистичен, в нем выражается величие народного духа, мужественная и упрямая воля к жизни, к победе: Но с каждым разом мы еще сильнее
были,
Как будто мужество росло от тех
уtrat.

Первомайский говорит о повседневных, будничных делах войны, о скромном трудовом подвиге подчас безвестных героев, о вязнувших в грязи грузовиках и танках, дождливых, бессонных ночах наступления, скупых минутах солдатского отдыха, о командире, читающем на привале стихи Блока, о встрече друзей на военных дорогах:

Ветер, дождик, тьма слепая.
Орудийный дальний рык.
В грязных лужах утопая,
Проплывает грузовик.
Он скрежещет и грохочет,
Но итти вперед не хочет,—
Не умеет иль отвык.

Лирический герой стихов Первомайского — это советский воин, который прошел весь тернистый путь войны от дней отступления до дней победы; это безыменный пилот, несущий врагам расправу за их омерзительные преступления («Подвиг»); это простой боец, принявший на себя командование подразделением и гибнущий в

неравном бою («Микола Шляховой»); это девушка-комсомолка, растерзанная немцами, но до конца сохранившая гордость духа и смело крикнившая палачам слова проклятья («Девушка без имени»). В этих людях—общие черты нашего народа: преданность родине, мужество и рыцарство духа.

Герой Первомайского—это не безымянный герой, он имеет свое внутреннее содержание, свою личную жизнь, по-своему, по-особому любит родину. И в то же время он обобщен, как лирический символ, потому что подвиг бойца Миколы Шляхового или героизм безымянной комсомолки из Малина являются подвигами героизма десятков тысяч советских людей.

Первомайский смог выразить в своих стихах общее чувство войны, сохранив в то же время всю силу переживания ее каждым своим героем. Несмотря на автобиографичность поэзии Первомайского, он говорит не только о себе, но и о своих лирических героях, и это позволяет поэту выступать от имени народа, от имени своего поколения, с которым он прошел долгий путь войны, завоевав право сказать о себе:

Мне суждено пройти сквозь эту ночь
И холод этой правды превозмочь,
Затем что я мужчина и солдат.
Пора! пора! Пробил великий час.
Кто взял винтовку, не свернул назад,
Кто на плечо надел противогаз,
Пусть знает тот, пусть твердо верит
тот:
Дорогой горя к счастью он идет.

Чувство патриотизма у Первомайского чуждо национальной ограниченности. Это—чувство большого простора всей Советской страны. В осенних полях Украины, между снопов почерневшего жита поэт чувствует сердцем родную Москву, он говорит о своих братьях в Ленинграде, Баку и Тбилиси. Из этого чувства единства и вырастает уверенность в победе.

Сквозь ужас разрушений и смерти Первомайский видит рождение новой жизни:

И к песне жизни мертвое железо
Прислушивалось...

Жизнь! Жизнь!
Великое волнующее слово!
И сколько горькой радости и муки
Жестокой в нем...

Это чувство жизни, вера в бессмертие народа являются внутренней осно-

вой поэзии Первомайского. Для него родина и народ—это глубокое внутреннее чувство, раскрывающееся во всей жизненной неповторимости явлений. Почти физическое ощущение жажды жизни, светлого будущего определяет характер восприятия поэтом мира, природы, человеческой судьбы. Потому-то такими радостными, такими бьющими полнокровной жизненной силой словами говорит Первомайский о будущем:

Мы говорим: после войны.

Но и себе мы не ответим,

Какие нам приснятся сны,

К каким мы возвратимся детям...

Он говорит о счастливой судьбе победителей, о хлебах, которые взойдут на испеленных нивах, о чудесном вине, которое нацедят виноградарь, о светлой радости будущего. Именно в конкретности образов, в реальности ощущений, в самом торжественном перечислении элементов этого цветущего бытия—сила этих стихов:

Какая светлая судьба
Ждет победителей счастливых;
Какие вырастут хлеба
На тех испеленных нивах;

Какое выткнут полотно
Для белых девичьих сорочек;
Какое нацедят вино
У виноградарей из бочек...

Прозрачная чистота чувства, целомудрие поэта сказывается в стихах, говорящих о боли утрат. В стихотворении «Соловьи», посвященном памяти погибшего друга, он рассказывает не только о своем друге, с которым спал на одной шинели, делился хлебом и кипятком, но и о той неизбывной силе жизни, которая торжествует над смертью. Победа принесет бессмертие памяти героев, отдавших за нее свою жизнь:

Такой на свете нету силы,
Чтоб мы с дорог своих сошли,
Чтоб мы забыли про могилы,
Где наши братья полегли...

Путь победы—это дорога к дому. Первомайский рассказывает о родном городе, лежащем среди холмов, окруженном цветущими яблонями, о пробуждающей весне («Дорога к дому»). В стихах поэта, в их датах и названиях—хронология и география

побед. От прощания с рекой Берестовую на тихой Полтавщине («На Полтавщине») до Будапешта и немецкой земли простирается путь побед. В «Письмах из Будапешта» уже звучит торжественный металл победы. Покрытые снегом будапештские улицы, баррикады... А над всем этим непреклонная воля советских бойцов, пришедших к победе:

Мы пришли в Будапешт от холодных
руин Сталинграда,
Через мертвый Крешати́к—и путь наш
лежит на Берлин.
Все дороги пройти, все мосты, все
далекие дали,
Не смыкая очей средь проклятой
заснеженной тьмы,
Чтобы песни гремели о том, как
столицы мы брали,
Как в Варшаву и Краков врывались
такие ж, как мы.
Мы идем за Дунай и за Вислу, сквозь
бури и беды,
Через тысячи сел,—путь наш прям,
хоть суров и тернист,
За туманом трубит нам в военные
трубы победа,
Молодая, как наш батальонный
веселый горнист...

Эти слова звучат как торжественный марш. В них передано ощущение нового этапа войны, гордость народа, прошедшего от Волги до фашистского логова.

Особое место в творчестве Первомайского занимают его баллады. В них рассказано о суровом мужестве советских бойцов. Они точны по своим жизненным деталям. Вот, например, баллада «Сапер и смерть». Поэт говорит с сапером о смерти, а сапер «держит смерть в руках» и выигрывает жизнь. «Трубка», «Солдат» и другие баллады подкупают мужеством ритма, лапидарным и четким описанием простого и будничного труда войны. Именно в этих стихах отчетливо бьется сердце солдата:

Закурим трубку, чорт возьми!
Легат бомбить опять.
Зенитка бьет. Ну что ж, греми—
Нам все равно не спать...

(«Трубка»)

Первомайский не замыкается в пределах одного какого-нибудь жанра.

Его поэтический талант многогранен. Но лучшие из его стихов—это такие философические раздумья, как «День рождения», «Апрель», «Зеленый дом», «Земля», «Путь» и другие, проникнутые глубокой мыслью и чувством истории.

Чудесен лирический пейзаж в стихотворении «Апрель». Сверкающее солнечное утро, цветет земля. Но поэт знает, что мир взорван, разрушен обезумевшим немецким хищником. И потому картина природы, завороченная река с плотичками, сверкающими серебром, с безмятежностью покоя и тишины превращается в символ мирного человеческого бытия, противостоящего зловещему разгулу фашистских разрушителей. Тем страшнее, тем чудовищнее злодеяния фашистских убийц на фоне этого цветущего и радостного мира. Не спокойная дума о «равнодушной природе» и человеческих судьбах занимает поэта, а ненависть к фашистским убийцам, клокочущая в каждой его строке.

Для Первомайского очень характерен принцип передачи мысли через эмоционально значимые детали. Но важна для него не сама деталь, а ее символическое, эмоциональное звучание.

Большинство стихотворений Первомайского является как бы продолжением традиций русской элегии или стансов. Это философские раздумья и пейзажи, ритмический строй которых просторен, а живописная точность пейзажа придает монументальность и пластическую выразительность образам.

Ню в то же время Первомайский—поэт романтического склада, для которого мир существует в его многоцветной игре. На смену мерным, торжественным ритмам идут очень личные и взволнованные стихи, выражающие интимные переживания поэта, согретые простым человеческим теплом. В них также прежде всего ощутимо глубокое чувство природы, та пантеистическая струя, которая так подкупает в стихах Первомайского. В этом чувстве природы еще ярче, еще убедительнее его утверждение жизни, его влюбленность в родную землю.

Война не заслонила от поэта волнующей красоты природы. Она обострила ощущение жизни, сделала его еще более глубоким и оптимистичным.

Этим утверждением жизни дышат прекрасные стихи Первомайского, написанные в дни побед:

О ветер, плыви надо мною,
Не дай мне ни сна, ни покоя,
Не дай мне забыться в безволие,
Не дай разлюбить это поле,
Увядавшие стебли душицы,
И мокрую эту дорогу,
И грозные эти зарницы,
И вечную грусть, и тревогу.

При всех достоинствах переводов стихов Первомайского, выполненных такими мастерами, как П. Антокольский, В. Звягинцева, М. Алигер и другие, все же не всегда они передают ту особую прелесть народной песенности, которая присуща украинскому оригиналу. Иногда переводы звучат несколько книжно, из них как бы выветривается аромат народной украинской речи, так украшающий творчество Леонида Первомайского.

В. ГРИГОРЬЕВ

«ПОРТ-АРТУР»¹

I

На страницах исторического повествования А. Н. Степанова оживает героическая эпопея русско-японской войны 1904—1905 гг. В наши дни тема этой книги особенно интересна, она отвечает на многие вопросы, мысли, чувства советских людей—участников и свидетелей Отечественной войны Советского Союза и борьбы демократий всего мира с фашистскими захватчиками.

В январе 1945 года минула сороковая годовщина героической обороны Порт-Артура—незамерзающего русского порта на берегах Тихого океана, в центре мировых бурь. Говоря о Порт-Артуре, В. И. Ленин направил всю силу гнева русского народа и всю горечь негодования, вызванные вестью о падении Порт-Артура, по адресу истинного и единственного виновника этой исторической катастрофы—царского самодержавия и проводников его гнилой и гибельной политики на Дальнем Востоке. «Гроб поваленный—вот чем оказалось самодержавие в области внешней защиты...»—писал В. И. Ленин (т. VII, стр. 48).

Трагедия Порт-Артура, наглядно показавшая порочность внешней политики царизма, тщательно затушевывалась правящими кругами Российской

империи. Однако память о великой кровавой битве за Порт-Артур жила в народе, в его эпосе, песнях, изустных рассказах уцелевших участников обороны, даже в названиях рабочих районов некоторых городов.

Русско-японская война 1904—1905 гг. была, как известно, крайне отрицательно воспринята народом, который не верил в силы самодержавия, идущего на войну с внешним врагом. Народ понимал к тому же, что и в случае победы его кровь и жертвы лишь укрепят на какое-то время шатающиеся и вот-вот готовые рухнуть устои ненавистного строя.

Русская кровь, обильно пролитая на Ляодунском полуострове и укреплениях Порт-Артура, навсегда связала в народном сознании этот далеккий клочок земли с Россией. Страна и народ «кусыновили» Порт-Артур, от которого отрезлось царское самодержавие, запутавшееся в сетях собственной никчемности и народобоязни.

Государственный разум народа и преданность интересам родины раскрываются, например, в волнующей сцене обращения «души» обороны Порт-Артура генерала Кондратенко к солдатам и матросам артурского гарнизона накануне японского штурма (12 июля 1904 г.) ключевых позиций крепости.

«Мы отрезаны от Манджурской армии и России и едва ли можем надеяться на скорую помощь. За нами осталась лишь небольшая пядь русской земли с городом Порт-Артуром.

¹ А. Степанов. Порт-Артур. Историческое повествование. Ч. I—IV. ГИХЛ. М. 1944.

Это наш русский город, ибо на устройство его мы затратили миллионы народных денег и положили массу труда».

Призыв Кондратенко был встречен солдатами стихийной овацией. Вопреки всем уставам и воинской субординации, они, смешав строй, качали заслужившего их доверие генерала и на руках поднесли его к ожидавшей лошади. Высоким чувством долга перед родиной и готовностью честно и преданно защищать ее жила солдатская масса и лучшие люди из младшего и среднего офицерства.

«— Родина — отвлеченное, но великое понятие. Его часто даже не сознаешь, но в конечном счете все делаешь для нее», — говорит один из героев книги, прапорщик Звонарев, идя на опаснейшее, отчаянное дело уничтожения огневой точки японцев ручными подрывными патронами, начиненными пироксилином.

Почему же далекий Порт-Артур, спустивший русский флаг на столь нужном нам незамерзающем берегу Тихого океана, этого «средиземного моря бушующего», остался родным и близким народному сознанию? Почему родина не исключила его из семьи, как говорил Ленин, «нашенских» русских городов?

Заслугой исторического повествования А. Н. Степанова является то, что оно ставит перед современным читателем целый комплекс вопросов, связанных с дальнейшей судьбой русского флага на Тихом океане и, в частности, над Порт-Артуром.

В своем неуклонном продвижении на восток, начавшемся более 700 лет назад, Россия, первая из всех европейских государств вышла на западное побережье Тихого океана. Но в этом своем движении она никогда не преследовала захватнических целей.

Выразительно сказал об этом в своей «Истории русской литературы» А. М. Горький:

«Русский народ... в лице Дежнева, Крашенинникова, Хабарова и массы других землепроходцев открывал новые места, проливы — на свой счет и за свой страх. ~

Этим народом сделано много дела, у него есть большая история...»

В 1904 г. в английской и русской (нелегальной) печати со статьей, содержащей не мало интересных мыслей по этому же поводу, выступил из-

вестный революционер П. А. Кропоткин. «Смотреть на движение России к Тихому океану как на простую жажду побед ее самодержцев — детски наивно. Такое толкование было бы слишком нелепо даже для школьного учебника, в котором все исторические события приписывают воле правителей», — писал он.

Ссылаясь на выступления в прессе некоторых английских журналистов, Кропоткин указывал подспудные поводы войны со стороны Японии и ее конечные цели:

«...все не Корею хотят японцы, а Пекин; вовсе не увеличения территории для своего народонаселения, а военного владычества в Китае»¹.

С начала появления (более 350 лет назад) русских людей за Камнем (Уралом) освоение Россией огромных пространств, лежавших на ее пути к берегам Тихого океана, носило весьма своеобразный характер.

Суровые условия, нравы и характеры русского средневековья в этом движении Руси на восток отразились на коренном населении проходимых и осваиваемых пространств значительно менее болезненно, чем, например, колонизация Центральной и Южной Америки испанцами в XVI—XVIII столетиях, когда с лица земли исчезли многочисленные народы и их государства, или Северной Америки, Австралии и огромных областей Африки в XVIII—XIX столетиях, колонизировавшихся различными государствами Европы.

Чернышевский в письме к А. Н. Пытину говорит, что «не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, а спасителями — спасителями и от ига монголов...»

Туземные народности Сибири и Дальнего Востока, удержавшиеся благодаря ряду исторически благоприятных обстоятельств в своем национальном и племенном существовании, с наступлением советской эры в «истории государства российского» вошли полноправными членами в единую семью народов СССР.

Этим республикам, краям и областям выпала почетная и ответственная роль: они представляют социалистическую государственность на огром-

¹ Цит. по М. Павлович. Русско-японская война. М. 1923.

ном протяжении береговой линии Тихого океана и прилегающих к нему сухопутных границ СССР.

II

Русские политические (дипломатические, военные и придворные) архивы на протяжении XIX столетия, не говоря уже о более раннем времени, не сохранили следов агрессивных намерений России по отношению к Японии. Между тем в самой Японии на протяжении XVIII и особенно XIX столетия общественное мнение и народное сознание систематически натравливалось против «восточного соседа».

Литературные памятники XVIII столетия свидетельствуют о враждебном отношении Японии к появлению русских на берегах Тихого океана. «Хоку теки» — «враг с севера», угрожающий «Ниппону» (Японии), служит постоянной темой японских патриотических произведений.

Излюбленным образом внешнего врага японской поэтической символики является грозный призрачный «Китано васи» — «хищный северный орел» (поэты Шиген Гаяши, Токо Фуджиту и др.), готовый вот-вот растерзать страну Восходящего Солнца.

Виднейший японский поэт Сакума Дродзан (середина XIX столетия) все свое незаурядное дарование посвятил пропаганде руссобоязни и милитаризации Японии.

На почве древней традиционной дружбы России с Китаем Россия приобрела на Тихоокеанском побережье Владивосток, а позже, по арендному договору в 1898 г., Порт-Артур и Талиенван — незамерзающие гавани для своего тихоокеанского флота. Это могло привести к кровавому столкновению с Японией, что предвидели наиболее умные и дальновидные государственные деятели царской России — Куропаткин, Витте.

Однако Николай II, убаюкиваемый родственными советами Вильгельма Гогенцоллерна, ничего не хотел слушать о возможности агрессии и лепетал, как свидетельствует в своих воспоминаниях граф Витте «Портсмутский»: «Это так хорошо, что даже не верится»¹.

Такое восторженное состояние последнего российского императора затянулось вплоть до нападения японцев на Порт-Артур в 1904 г., когда выяснилось, что посланные туда царем титулованные и чиновные казнокрады за шесть лет пребывания Порт-Артура в русских руках не только не отстроили намеченных укреплений, но даже не разработали и мобилизационного плана на случай военных действий.

«Военное владычество над Китаем», к которому в своих сокровенных, далеко идущих планах стремилась Япония и через которое, как мы ясно видим теперь, мыслилась организация «Великой Азии» и установление «нового порядка» на азиатском континенте и просторах Тихого океана под главенством Японии и в теснейшем контакте с Германией, — эта ведущая нить внешней и внутренней политики Японии на протяжении последнего полувека приводила неизбежно страну «Вишневым лепестком» не только к необходимости разрушения русско-китайской дружбы, как основного препятствия для броска «японского тигра» на Китай, но и к бредовым контурам «великой Японии», простирающейся до Байкала, Енисея, Урала...

К концу войны с Россией в 1905 г., после захвата Порт-Артура, после победы под Ляояном и Мукденом, Япония с радостью ухватилась за Портсмутский мир, брошенная ей и обанкротившемуся царскому самодержавию как якорь спасения.

Мировой капитал, мировая капиталистическая олигархия, создав портсмутский договор, поставили точку на дальнейших успехах Японии и спасали царское самодержавие от надвинувшейся и вот-вот готовой разразиться революции.

На протяжении более чем четверть века — с японской интервенции на Дальнем Востоке 1918—1922 гг., до событий Великой Отечественной войны — Советский Союз доказал, что за «нашенские города», за свободу нашей великой Родины мы умеем бороться до конца, до победы и «ни одного вершка своей земли не отдадим никому»¹.

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 361. Партиздат ЦК ВКП(б). М. 1935.

¹ С. Ю. Витте. Воспоминания. Л.—М. 1923—1924.

Этот краткий экскурс в историю поможет нам глубже выникнуть в волнующую тему повествования А. Н. Степанова о Порт-Артуре.

Литературное построение книги о людях и делах в осажденном Порт-Артуре определяется самим характером повествования: это хроника.

Страница за страницей на протяжении 332 дней и ночей осады раскрывается перед читателем героическая эпопея обороны «небольшой яды русской земли с городом Порт-Артуром». Следуя исторической правде и не злоупотребляя художественным домыслом, автор знакомит нас с самыми разнообразными людьми в самой разнообразной обстановке, до конца раскрывая подчас не только этих людей, но и все, что стоит за ними и над ними, вплоть до царского трона.

Многочисленные персонажи этой эпопеи запоминаются, независимо от того, какое место отведено им в книге автором. Они живут в действиях, в органичной взаимосвязи, в динамичном диалоге, в острых штрихах и деталях. Отсутствие почти всегда спорного в историческом повествовании «психологизирования» является, с нашей точки зрения, положительной стороной литературной манеры автора «Порт-Артура».

Удачен исторический портрет адмирала С. О. Макарова, фигура которого завершает галерею славных флотоводцев дореволюционной России.

Волевая, вооруженная огромным житейским опытом и превосходным знанием дела, светлая личность С. О. Макарова живо встает перед глазами читателя в трудах по возрождению боевой мощи Тихоокеанского русского флота. Макаров знает боевой корабль от капитанской рубки до матросского кубрика, умеет проверить состояние самого незначительного винтика этого сложного механизма.

Появление на порт-артурском горизонте нового командующего русским Тихоокеанским флотом было, по существу, будничным, обычным. Адмирал, уклонившись от подобающей его рангу помпезной встречи, прямо с вокзала на извозчике направляется в доки. Доки бездействуют. Рабочие жалуются на голодную жизнь и плохое жильё. Не считаясь с последствиями

своего вторжения в сферу полицейской политики правительства, оберегавшего армию и флот от тлетворного влияния рабочей среды, адмирал разрешает «неразрешимый» доселе вопрос приказанием:

«Немедленно отвести для жилья рабочих одну из флотских казарм вблизи доков и зачислить всех вольнонаемных на флотский паек... Русскому человеку без бани не прожить! Разрешаю всем вольнонаемным пользоваться экипажной баней на общих основаниях с матросами».

Рабочие по первому зову Макарова приступили к ремонту боевых кораблей.

«— Как черти станем работать, ваше превосходительство!» — хором заверили рабочие бородатого адмирала, угадывая в нем «своего» человека.

Так же легко и просто, без подлаживания и игры в панибрата, командующий флотом с первой же встречи на палубе боевого корабля находит контакт с моряками, общий с ними язык:

«— Вы, господа, должны прежде всего сами проникнуться духом борьбы и затем внушить его своим матросам,— сразу же предъявил свои требования С. О. Макаров командному составу флота.— Прежде всего надо помнить, что не так страшен японец, как его малюют! Нужно обрести веру в свою победу и внушить ее и себе, и матросам... Наш матрос чудеса может творить под руководством настоящих командиров».

Автор показывает и взаимоотношения Макарова с генералом Стесселем, который, по глупости или из зависти, делал все возможное, чтобы повредить своему же русскому флоту, казавшемуся этому армейскому выскочке соперником его власти и славы на сухопутии. Нелепость искусственно раздуваемого антагонизма между армией и флотом раскрывается Степановым на первых же страницах повествования. Происходит разговор в гостиной мадам Стессель, ожидающей визита нового адмирала.

«— Флот может и погибнуть, но крепость останется... Это моряки должны себе твердо усвоить,— поучает генерал Фок генерала Стесселя.

— Армия прежде всего, а затем уже флот! — соглашается Стессель.

— Лютейшие недруги мои все самотопы, большие и малые,— поддаки-

вает третий генерал, пьянчуга Никитин».

С несравнимым тактом и самообладанием обходит С. О. Макаров проявляющиеся в дальнейшем на каждом шагу негодные попытки порт-артурской верхушки забить клин во взаимоотношения армии и флота и умеет найти друзей и единомышленников среди сухопутного командования в лице генерала Кондратенко, Белого и других. Надо ли говорить, что среднему офицерству и, тем более, рядовой флотской и армейской массе, связанной взаимными узами боевой дружбы и уважения, был совершенно чужд дух враждебности и «подсизнивания».

Осторожно обходя глупость, завистливость и мелкое тщеславие Стеселя и его окружения, создатель «Ермака» гораздо резче, требовательнее и непримиримее держится в отношении вышестоящих «особ», как например, бездарного и вороватого «сухопутного» адмирала Е. И. Алексеева, носившего пышный титул наместника Дальнего Востока и облеченного «неограниченными полномочиями»¹.

Через голову командующего флотом С. О. Макаров запрещает служебные сношения со штабом наместника и Петербургом:

«— Я не Старк и командовать флотом собираюсь сам. Надо этот вопрос четко поставить перед Алексеевым,— говорит Макаров.— Что касается Петербурга, то с указаниями оттуда я особенно считаться не собираюсь. Нам с места все виднее и понятнее, чем в Питере... Я буду твердо вести свою линию в этом отношении».

Действия и обаяние личности Макарова можно проследить и по репликам моряков, впервые познакомившихся с новым адмиралом.

«— Эту сволочь Вирена², слышать, страсть как ругал. Мне, говорит, такого командира, что матросов на корабле, как арестантов, держит, не

надо», — передает матросам слова Макарова о крейсере «Баян» командир миноносца «Стерегущий».

«— Почуюл, значит старик за порядками и непорядки. Уехал с «Баяна» страсть сердитый! — подхватывают матросы».

На мостике офицеры тоже говорили о Макарове:

— Этот спать эскадре не даст! У него броненосцы за миноносцами поспевать будут,— уверял лейтенант Сергеев, — я с ним в Балтике плавал».

Поставленная С. О. Макаровым задача восстановления технической и моральной боеспособности порт-артурской эскадры была верно понята и положительно воспринята на флоте. Командующий завоевал доверие и симпатии матросской массы и лучших людей из морского офицерства.

Еще резче выступают основные черты характера этого «адмирала из боцманских сынков» во взаимоотношениях с великим князем Кириллом, которого, под угрозой отрешения от должности начальника морского отдела штаба, Макаров заставляет письменно извиниться перед оскорбленными им при исполнении служебных обязанностей лучшими офицерами эскадры — капитанами Эссенем и Грамматчиковым.

«— Вот перо и чернила,— показал на стол адмирал.— Прошу вас тут же написать извинительные письма».

— Однако, адмирал, хватка у вас мертвая,— расписывается в получении урока титулованный хулиган».

Трагическая гибель С. О. Макарова 12 апреля 1904 года вместе со знаменитым русским художником В. В. Верещагиным на подорвавшемся броненосце «Петропавловск» воспринимается читателем как один из тех тяжелых и нелепых ударов судьбы, которые предопределяют гибельный исход грядущих событий, лишенных направленной их высокой воли и разума».

Беспристрастно переданные факты подтверждают сходство художественного образа, созданного автором повествования, с оригиналом. Мы знаем, что за 35 дней своей боевой деятельности в Порт-Артуре С. О. Макаров, несмотря на разлагающее влияние и даже прямое противодействие верхов и саботаж значительной части командного состава на кораблях, сумел так высоко поднять дух и боеспособность русской эскадры, что она под его командованием шесть раз в

¹ Алексеев Евгений Иванович (1843—1909)—внебрачный сын Александра II. Наместник Николая II (своего морганатического племянника) на Дальнем Востоке (1903—1905).

² Командир крейсера «Баян», отличавшийся немецкой педантичной жестокостью и презрением к матросам. Впоследствии дослужился до адмиральского чина. В Октябрьскую революцию был расстрелян.

течение месяца выходила в море и, навязывая кровопролитные бои превосходным силам врага, заставила японцев отказаться от десантных операций.

Гибель командующего флотом, шестисот матросов, тридцати офицеров и лучшего боевого корабля вызывает взрыв радости среди холопов и охранителей трона.

Ревнуя к завоеванной адмиралом огромной популярности среди порт-артурского гарнизона, Стессель запрягает солдатские панихиды по погибшим и одновременно, рабелепствуя перед царским тронем, инсценирует в городском соборе благодарственный молебен с пушечным салютом по поводу «господнего чуда спасения царственного отрока (25-летнего хулигана) великого князя Кирилла Владимировича».

Заметим, кстати, что этот отпрыск династии, забавлявшийся в кабаках заливого кровью Порт-Артура публичными «похоронами» живых догола раздетых проституток, получил, по представлению Стесселя, за свое куланье в море георгиевский крест, «дослужился» до времени февральской революции до адмиральского чина и, благополучно эмигрировав за границу, в течение полутора десятков лет шатался по всем лакейским Европы в качестве официального претендента на сваленный октябрьской бурей престол российских самодержцев.

От Кирилла и солдафона Стесселя, страдавшего при звуке японских шимоз припадками «медвежьей болезни», неотделима Вера Алексеевна Стессель, справедливо представленная автором повествования основной дружиной действий высшего командования, то есть того же Стесселя и его окружения.

Эта дама, под маской провинциальной светскости и внешнего благодушия, несет в себе все качества хладнокровной, умной, ни перед чем не останавливающейся авантюристкой международного масштаба. Угадав интуитивно в генерале Фоке, полковнике Рейсе, инженере Сахарове и в некоторых других окружавших мужа лицах, потенциальных изменников и предателей, жена Стесселя становится все более активной.

А. Н. Степанов показывает постепенный «расцвет» генеральши Стессель, которая, не расставаясь с заботой о своих курах и корове, пре-

успевает в своем политическом авантюризме.

7 июня 1904 года, накануне назначенного, первого после гибели адмирала Макарова, выхода нашей эскадры в море, китаец-лазутчик доставил Стесселю приказ о сдаче им командования генералу Смирнову. Стессель отзывался в манджурскую армию. Приказ был подписан Куропаткиным.

Взбешенный и растерявшийся Стессель, по обыкновению, кидается за помощью к жене. Подумав минуту, генеральша нашла простой выход, в результате которого приказ, с помощью начальника стесселевского штаба полковника Рейса и привлеченного на совет генерала Фока, был утаен и уничтожен. Китаец-лазутчик, доставивший приказ, обвинен в утере секретных бумаг, арестован и расстрелян крепостными жандармами.

«— Одним китайцем больше или меньше — не все ли равно, — вздохнула Вера Алексеевна, включая в свой поминальный список новопределенного раба божьего, «имя же его ты, господи, веси».

Лишенный каких бы то ни было военных способностей и знаний, Стессель был в избытке наделен такими качествами, как зычный голос, крепкая и шедрая на зуботычины рука, держимордовская страсть к гауптвахте. На них единственно и держится и проявляется на всем протяжении повествования стесселевская стратегия и тактика обороны Порт-Артура.

Незадолго до продажи Порт-Артура японцам, к мысли о которой Стессель был подготовлен женой и своей правой рукой — генералом Фоком, Стессель получает за «доблестную защиту» крепости генерал-адъютантские аксельбанты и царский шифр на генеральские погоны. Высокая награда, как тонко подмечает автор, возымела совершенно неожиданное действие.

Стессель, удержавшийся от капитуляции единственно из опасения быть разоблаченным и повешенным за измену, под давлением Фока, Рейса и жены, несмотря на протесты генерала Белого, Надеина и Смирнова, отверг готовность солдат, матросов и большинства честных боевых офицеров до конца защищать Порт-Артур:

«Как генерал-адъютант государя императора и старший из военных начальников в Артуре, я решаю капи-

тулировать... Господи, спаси и сохрани меня от всякого зла! Не миновать теперь мне виселицы...» — патетически произносит он.

«В России, слава богу, еще генерал-адъютантов не вешают, а если они проштрафятся, то направляют их в государственный совет», — успокоила мужа Вера Алексеевна.

Когда стесселевские парламентарии с белым флагом проезжали русские линии, стрелки догадались об их намерениях.

«Поехали продавать Артур япошке, — сердито проговорил Денисов, фельдфебель охотничьей команды Енджеевского и, вскинув винтовку, один за другим выпустил по парламентариям всю обойму».

Услышав за собой стрельбу, парламентарии поспешили укрыться от русских пуль в японских окопах.

Говоря о Стесселе, нельзя обойти обрисованную в повествовании со скульптурной четкостью фигуру генерала Фока, немецкого ландскнехта на русской службе. Внешне собранный, аккуратный, брезгающий водкой и табаком, Фок подвержен другим «слабостям»: безграничному сребролюбию и страсти к молодым красивым адъютантам.

Разговаривая с русскими солдатами только на матерном языке, тошнотворно цинически торгуясь с представителями японской разведки и командования о цене на русскую кровь, народную честь и достоинство, Фок бывает лиричен и сентиментален, как палачи Майданека, разводившие цветочные клумбы вокруг газовых «бань» и кремационных печей.

«Мы, Фоки, родом из Тюрингии. Хотелось бы приобрести там дачку и дожить до конца дней на покое у себя в родном фатерланде. В России не умеют ценить по заслугам людей!» — объясняет Фок свое вступление в ряды японских шпионов и диверсантов.

В итоге можно сказать, что в книге Степанова портартурская верхушка, способствовавшая падению порта, показана детально, с подлинной исторической наблюдательностью. Роковые пороки иерархической лестницы «чинов» — от далекого русского города на берегах Тихого океана до подножья царского трона в Петербурге — выпукло и ярко возникают перед читателем.

Десятки и сотни тысяч простых верных людей в Родине, русские люди в офицерских и солдатских шинелях, гибли, — а смерть их была отмечена лицемерными почестями. Так было, например, с генералом Кондратенко, воскрешенным автором на страницах портартурской эпопеи во всеобаянии этой героической, талантливой и гуманной личности.

В появившихся уже откликах и книгу А. Н. Степанова проскальзывают указания на некоторую расплывчатость, неубедительность образа Кондратенко, как «души» обороны Порт-Артура. Мы не можем согласиться этим мнением.

Кондратенко показан А. Н. Степановым во множестве ракурсов: как стратег, тактик, как достойный героического русского солдата вождь и воспитатель. Сын старого кавказского солдата, он упорным трудом и дарованием пробил себе дорогу в генеральскую среду, но пришелся в ней, что называется, не ко двору и, как беспокойный и неуживчивый человек, был сплавлен в Порт-Артур.

В ряде эпизодов героической борьбы русских за Порт-Артур А. Н. Степанов показывает основное качество душевного склада Кондратенко, который всегда помнил, что, «кроме генералов, еще существует русский народ, одетый в серые солдатские шинели, из которого вышел он сам и кровную связь с которым он постоянно чувствовал. Не раз он видел, как каверзы и прямое предательство завистливых генералов разбивались солдатскую преданность Родине».

Кондратенко прежде всего — и это было необычно для царской армии — видел и уважал в солдате человека, никогда не забывал отметить и поощрить мужество, находчивость, смелую подчиненного. Никогда позволял он себе лично поднять и солдата руку, запрещал это своим офицерам, брезгливо сторонился «рукоприкладствующих» старших. Кондратенко берег и учил беречь людей, но в решительные минуты боя, и спешиваясь с коня, с саблей в руке, он умел повести за собой солдат и, будучи раненым, остаться строю.

«— За вами, Роман Исидорович, мы пойдем в огонь и воду, но вы не можете рисковать собой! — удерживали его боевые командиры».

«— Сами все обладим, не извольте беспокоиться,— любовно шумели солдаты, частенько называя любимого генерала, вопреки уставу, по имени и отчеству».

Героем повествования Степанова является народ. На фоне народа, во взаимоотношениях с ним и с враждебным миром царской опричины, образ славного полководца Кондратенко обрисован, с нашей точки зрения, достаточно полно и многообразно.

Не грешит автор против жизненной правды. Не скрывает он того, например, что в минуту трагического одиночества и упадка духа Кондратенко пишет письмо Стесселю, в котором предлагает сдать Порт-Артур на почетных условиях до неизбежного разгрома. Этим письмом Стессель пробовал козырять, когда его судили по обвинению в государственной измене.

В дальнейших перипетиях обороны Порт-Артура, поддерживаемой воинственным духом Кондратенко и руководимых им солдат, матросов и верных долгу офицеров, загадочным выглядит момент его гибели, явившейся финалом титанических усилий и неизмеримых жертв, понесенных защитниками крепости. На пост начальника сухопутной обороны вступает Фок. Сдача Порт-Артура предрешена.

Под обломками фортов и укреплений один за другим гибнут лучшие люди гарнизона, ставшие близкими и дорогими читателю. Более ста двадцати четких индивидуальных портретов армейцев и матросов, солдат и офицеров дает в своем повествовании Степанов, и неповторимый облик каждого из них легко запоминается.

Штрафной солдат Блохин, с которым мы встречаемся в самом начале повествования, остается в поле нашего зрения на протяжении всех 332 дней артурской обороны. Тяжелая жизнь, бесправие, перенесенные издевательства и оскорбления превратили Блохина в пьяницу и ерника, но не отравили его ума, оставили нетронутыми его врожденные качества — доблесть, неустойчивую находчивость, благородное чувство отзывчивости.

Блохин, как и вся солдатская масса того времени, не имеет еще ясного революционного мировоззрения, но он созрел уже для восприятия революционных перспектив, дошел до понимания того, что жить дальше под

розгами и зуботычинами Вамензонов и Чижей нельзя.

Задушевные солдатские разговоры на боевой Залитерной батарее по вечерам во время затишья верно отражают приближение событий пятого года и Великого Октября, навсегда уничтоживших на русской земле Фок и Стесселей.

«— Без бунта дело, братцы, не обойдется,— говорит Блохин.— Как до дому доберемся— помещицкую землю промеж себя поделим, а попервах всех генералов да офицеров побьем».

— Что ж, ты и Медведя убьешь?— иронически спросил Родионов.

— Зачем? Он у нас за главного будет.

— Так ведь он офицер.

— Душа в нем солдатская, нашего брата нутром чует».

Спокойно идет Степанов и на показ отрицательных фигур былого русского офицерства. Мы видим, например, бездушного, садистски жестокого, лицемерного капитана Вамензона. Чревоугодничая и благодушно выпивая под неугасимыми лампадами дарственных икон генеральши Стессель, Вамензон неумоимо занимается воспитанием и обучением русского воина единственным способом — «полировкой солдатских задниц». И все это совершается под ханжеские сладкие речи:

«— Золотой народ наши солдатики: неприхотливы, терпеливы, богобоязненны, царя-батюшку любят до самоубийства... Выпьем за наш великий народ!»

Заветные мысли и желания Вамензона сводятся к тому, чтобы «вырезать всех до единого проклятых жидов» и «иметь солдат совсем без головы», только унтер-офицерам «можно было бы оставить головы вроде органчика, чтобы заводить их, когда нужно».

Имея перед глазами всевозможные разновидности Вамензонов, солдаты тем более ценили, любили и берегли офицеров типа Стаха Енджеевского, капитана Шметилло, поручика Борейко. Эти люди умеют привить подчиненным любовь к своему делу, чутко прислушиваются к солдатскому опыту, поощряют смекалку и духовный рост солдата.

Заметив, например, в солдате Ярцеве, батарейном «массовике»-сказочнике человека светлого духа, один из таких офицеров дарит ему томик сказок и поэм Пушкина, которые Ярцев выучивает наизусть. В бес-

хитростной его передаче они становятся любимым развлечением солдат в часы затишья, в редкие часы отдыха.

В то же время эти офицеры были чрезвычайно требовательны к солдатам, строги в обучении их, неустанно добивались наивысших показателей в меткости и скорости стрельбы.

Эпизоды беззаветной защиты Порт-Артура претворяются в книге в монументальный памятник-символ, утверждающий и освещающий права Родины на русскую кровь пропитанный, на русских костях стоящий город Порт-Артур — «окно» в широкие просторы Тихого океана.

Галерея женских образов повествования не так обильна.

Превосходно, как мы уже говорили, раскрыта автором генеральша Стессель.

Мы видим и крестницу генеральши Варю Белую, которую мадам Стессель одаривает драгоценностями, полученными от «фирмы Тифонтай» за особо деликатные услуги по интересующим фирму военным вопросам.

Варя Белая — пылкое, молодое, жизнерадостное существо, кубанская казачка, внучка героя севастьяпольской обороны и дочка начальника порт-артурской артиллерии генерала Белого, человека во всяком случае порядочного и преданного служебному долгу. Ей отведено в повествовании довольно значительное место. Девушка эта занята отнюдь не только тем, как устроить свое замужество, как определил ее наблюдательный Блохин. Она самоотверженно и ревностно работает медсестрой на передовых перевязочных пунктах и в госпиталях Артура. Неровности и срывы в характере молодой девушки, воспитанной в семье на каком-то «мальчишеском» положении, выглядят естественными и органичными. Автор не возводит Варю Белую на пьедестал героини, но читатель по праву может воспринять ее как героиню, разделяющую славу мужественных защитников Артура.

После сдачи Порт-Артура эта внешне капризная и избалованная генеральская дочка, под влиянием пережитого и виденного, поднимается до высоты сознания, недоступной большинству женщин ее среды.

В лице Харитины Короткевич — «рядового 7-й роты 25-го восточно-сибирского стрелкового полка» — Порт-

Артур имел свою севастьяпольскую Дашу. Вдова рабочего, призванного и убитого в стенах Порт-Артура, Харитина после смерти мужа добровольно пошла в стрелки — «посчитаться с японцами».

Образ Харитины, отличного снайпера, отважного разведчика, самоотверженной санитарки на поле боя, заботливой хозяйки солдатской семьи, не утрачивающей в суровых условиях военной жизни женственности и душевной мягкости, — счастливая находка автора. Этот «Харитина Короткевич», неоднократно сменявший на протяжении кровавых порт-артурских дней солдатскую шинель на кофточку и юбку, а винтовку на скорую руку и «бабы» заботы о солдатах полон жизненной правды и запечатлен читателем как убедительное доказательство могучих сил и чудесных характеров, тающихся в народе

Самодержавие, довлевшее над жизнью народа, торговавшее его кровью и его будущим, показано в книге Степанова с правдоподобием, которое трудно опровергнуть. Каждая страница повествования свидетельствует о том, что крепость Порт-Артур «удивила весь мир доблестью своих защитников», вопреки воле и усилиям Стесселей, Фоков, Рейсов.

Япония и японцы, как на это указывал адмирал Макаров, могли оказаться совсем «не так страшны, как их малюют», если бы воля и усилия русского народа не подавлялись продажностью и безмерной подлостью слуг самодержавия.

Японский империализм в своем столкновении с русским правильно учел и использовал коррупцию русских верхов и их лакеев. Еще задолго до войны Россия, Дальний Восток и Порт-Артур были наводнены японскими шпионами всех рангов и положений. Среди них мы видим генерала Танаки, майора Тадзима, капитана Кабаяси, «фирму Тифонтай», связанную многомиллионными сделками с русским военным ведомством и привлеченную к снабжению русской армии и постройке портов и укреплений Квантуна.

Готовясь к войне, японцы «закупали» партию русских и интернациональных мерзавцев, вроде строителя Дайренского порта инженера Сахарова, корреспондентов иностранных

зает Эйдельсонов-Эмерсонов и Жамов Лямбраже, от которых получали необходимые сведения и которых в нужную минуту могли послать за новостями».

Раскрытию работы этой «пятой колонны» японской военной машины А. Н. Степанов посвятил немало любознательных страниц. Мы видим квартиру полусветской морской «дамы» Блюм, где собирались и раздекались офицеры артурской эскадры и гарнизона и, считая себя в «своей преде», болтали о предстоящих выгодах в море, о потерях, понесенных в столкновениях с японцами, и т. д., и т. п.

Розовые ушки и проворные ручки всегда вертевшейся среди офицеров служанки-китайки Куин-сан, едва умевшей говорить по-русски и, конечно же, «неграмотной», служили с помощью ее «ляди», нищего китайца генерал-майор Танаки), верным телефоном и копировальной машинкой для японской контрразведки.

Из документально приведенных в книге приказов адмирала Того, дневника генерала Ноги, допросов плененных японцев, записей заговорщицких свиданий русских предателей и японских шпионов неопровержимо явст-

вует, что русская доблесть вызывала среди японцев сомнение в успехе и даже мысли об отказе от дальнейших испытаний воинского счастья.

Важнейшей заслугой книги А. Н. Степанова, ее основным качеством следует считать то конечное и решающее впечатление, которое остается по ее прочтении у читателя и которое с такой четкостью сформулировано Лениным: «Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма... Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению» (т. VII, стр. 49).

На очищенной от Кириллов, Фоков и Стесселей, от больших и малых Вамензонов и прочей погани русской земле вырос могучий СССР.

В великую эпоху Сталина, в дни невиданных в истории побед русского оружия и славы, носительницей которых является Красная Армия, среди нас еще здравствуют и трудятся живые свидетели и участники героической артурской эпопеи.

Они, как свидетельствует историческое повествование А. Н. Степанова, донесли до нас и передали мысли и чувства, одушевлявшие в дни смертельной страды героических защитников этого «клочка русской земли».

БОРИС СОЛОВЬЕВ

«В МИРЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ»

Существует особый род художественной литературы, в области которой возникают явления на первый взгляд странные и непонятные. Кажется, что некоторые наши писатели, работающие в этой области, воображали, что они живут в каком-то особом мире, подчиняющемся особым законам, и что те требования, которые мы предъявляем к художественной литературе, их, этих писателей, не касаются. Мы имеем в виду некоторых авторов произведений авантюрного, приключенческого «детективного» характера, решивших, что работа в этом жанре дает право многим пренебрегать. И они действительно пренебрегают непреложными требованиями, без удовлетворения которых не существует подлинно художественная литература. Авторы эти пренебрегают

не только требованиями идейной глубины, художественной полноценности, творческой самостоятельности, наблюдательности и правдивости, но даже и элементарным здравым смыслом. В мире приключений, мол, «все дозволено», — на то он и мир приключений. Любые средства хороши, если они придают произведению хоть видимость «завлекательности».

Вполне понятно и естественно стремление нашего читателя, особенно молодого, к произведениям с захватывающей фабулой, насыщенным необычными обстоятельствами, замечательными подвигами, романтической открытостью и изобретениями. Однако это стремление писатели подчас используют для того, чтобы предложить самый явный суррогат, самую откровенную подделку под литературу, забывая при этом

не только великие традиции русской литературы, но и опыт таких мастеров западно-европейской литературы, создавших образцовые произведения жанра приключения, как По, Диккенс, Гюго, Стивенсон, Твен, Жюль Верн, Уэллс. Увлекательная, захватывающая фабула не только не мешала этим писателям создавать произведения высокой художественной ценности, но, наоборот, помогала вскрыть художественный замысел в целом, способствовала внутреннему обогащению читателя.

Почему же некоторые наши писатели, решившие удовлетворить стремление читателя к литературе приключений и открытий, следуют традициям третьеразрядной, «детективной» переводной литературы, стандартной и антихудожественной? И почему наша критика обходит молчанием появляющиеся одно за другим произведения подобного характера? Может быть, их считают недостойными серьезного разговора? Но это неправильно, так как всякое произведение, способствующее воспитанию дурного вкуса у читателя, скверных привычек к антихудожественной и безыдейной литературе, должно соответствующим образом расцениваться. Низкокачественное литературное произведение, благополучно дошедшее до читателя и не встретившее осуждения, есть, говоря словами Льва Толстого, «дверь, в которую врываются лицемеры искусства». И такие двери незачем оставлять настежь открытыми.

С этой точки зрения заслуживают внимания появившиеся за последнее время повести Л. Никулина «Золотая звезда», Ю. Либединского «Пушка Югова» и Н. Шпанова «Тайна профессора Бурого». Все они в жанровом отношении носят явно выраженный «авантюрный» характер, ибо их основными сюжетно-слагающими мотивами являются тайны, убийства, погоня, рукопашные и прочие схватки, невероятные совпадения, удивительные открытия, необычайные похождения. Все они так или иначе посвящены войне с немецко-фашистскими захватчиками, все они обладают существенными недостатками, не позволяющими нам признать эти произведения подлинно художественными. Их пороки во многом носят «стандартный» характер, типичный для целого ряда книг подобного рода.

В одной из своих книг Стендаль

сказал: «Здесь я перестал наблюдать а потому должен и перестать писать». Если бы и Л. Никулин придерживался этого правила (на наш взгляд, непреложного для писателя), то, наверное, пера не взял бы в руки для того, чтобы написать повесть «Золотая звезда»¹, в которой нет и признака наблюдательности, и тени реальной жизни, несмотря на то, что повесть имеет, казалось бы, самое непосредственное отношение к нашим действительности, к Отечественной войне с немецкими захватчиками.

Действие повести разворачивается первый период войны, ее герои — ветские люди, партизаны, срывающие планы врага и совершающие у него в тылу замечательные подвиги. Такого характера материал уже послужил и еще явится реальной основой многих произведений об Отечественной войне. Но в основе повести Никулина лежит чистая фикция, голая выдумка; в ней отсутствуют картонажные герои и эпизоды, и ничего общего нет между этим иллюзорным миром и реальной действительностью. Создается такое ощущение, будто глухая стена отделяет художника от реального мира, который он описывает. Повесть вводит нас в сферу условных героев, искусственных движений, заранее заготовленных, механически звучащих фраз.

В повести существуют немцы, вторгшиеся в пределы нашей родины, «фельдкомендант города Плецка» полковник Рихард Шнапек, «группенфюрер» фон Мангейм, «оберштурмбанфюрер» и другие немцы, на душе у которых тысячи человеческих жизней, тысячи убитых детей и женщин, стариков и молодежи (как совершенно правильно думает героиня повести Тася Пискарева). Но в этих немцах нельзя узнать тех убийц и извергов, которых видели наши граждане, оккупированных областях Советского Союза.

Потерявший человеческий облик «фельдкомендант» фон Шнапек оказывается, если верить Никулину, мечтателем, необычайно чувствительным русскому искусству. Когда он услышал романс «Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали...», на его глазах «блеснули слезы умиления».

¹ Лев Никулин. «Золотая звезда», повесть. Издательство «Советский писатель», Москва, 1944.

Этот немец, оказывается, не смог без одобрения слушать слова Фета!

Столь же фальшиво показаны автором и другие немцы. Это не хищные, быстрые и сильные враги, необычайно ловкие и жестокие, борьба с которыми требовала величайших жертв и сил, а картонажные марионетки, настолько беспечные и наивные, что им не стоит обвести их вокруг пальца, обмануть, что не без успеха и делают герои повести Никулина. Такая же слепота обнаруживается у Никулина при изображении предателя и изменника Ерофеева, назначенного немцами «бургомистра города Плецка». Вместе с немцами он участвует в карательной экспедиции, вместе с ними совершает убийства, приказывает жечь избы, стрелять в детей и женщин.

Но автор почему-то говорит не только о тех страданиях, которые причинил этот предатель и изменник своему народу, сколько о «мучениях» и «страданиях» самого «бургомистра» Ерофеева, — ему, дескать, и самому тяжело, и не от хорошей жизни стал он заниматься ремеслом палача. Действует Ерофеев как во сне, соннамбулически, без участия своей воли порабощенной немцами. Похоже, что это не человек, а какая-то одурманенная, сонная кукла, которую немцы дергают за веревочку, и она совершенно механически производит заранее заученные движения. Так обреченный предатель и палач может ненароком сойти за «невинную жертву» немецкого террора и вызвать эмоции, которые в отношении этого героя будут уродливыми и попросту вредными.

Одним словом, образ «бургомистра» Ерофеева получился у Никулина пафосно фальшивым, надуманным, ничего общего не имеющим с фигурами реальных предателей и изменников.

Так показаны в повести Никулина немецкие изверги и их приспешники.

Но автора постигает неудача и тогда, когда он берется за изображенные советских людей. И здесь у читателя возникает ощущение, что автор «припадает на оба уха» и не слышит живого голоса своих современников.

Главный герой повести Женя Хлебников. Он является одновременно безусловным для врага командиром объединенных партизанских отрядов, легендарным народным героем Разгоновым и контрразведчиком Инозем-

цевым, работающим среди немцев и даже пользующимся у них почетом. Скорее же всего это какой-то дикчак-кудрявич, которому все удается без малейшего напряжения. Именно он своим пеннем доводит до слез умиления «фельдкоменданта» полковника Шнапека, именно он является грозой немцев, неуловимым Разгоновым, за жизнь которого немцы готовы уплатить сотни тысяч марок. Но читатель до самого конца повести так-таки и не понимает, почему с такой легкостью Женя Хлебников выполняет все свои замыслы, почему, играючи и напевая «довольно приятным голосом» романы, он успевает подготовить диверсии и руководить партизанами.

Читатель не видит, каким образом и почему Женя Хлебников стал командиром партизанских отрядов, легендарным народным героем, — потому что «народный герой» этот подан автором вне каких-либо реальных связей с народом, с партизанами (если не считать таинственного и буффонадного дядю «Бороду», который в то же время является еще кем-то вроде надсмотрщика в немецком лагере для русских и на виду у хлопочущих глазами немецких часовых выпускает из лагеря русских людей, немедленно отправляющихся к партизанам).

Свершить подвиг Хлебникову равно ничего не стоит; звание народного героя приходит к нему без всяких усилий с его стороны, — просто вручается автором как личный дар. Читатель должен поверить Никулину, что Женя Хлебников (Разгонов, Иноземец) является замечательным дорожником, без помощи которого немцы не могут обойтись. Больше же всего в книге показано, как он пьет вместе с обманутыми им немцами, как пляшет и поет, вызывая своим искусством слезы умиления на их глазах. Немцев он обводит вокруг пальца с необычайной легкостью, — с такой же, впрочем, как и Тася Пискарева, его подруга, советская разведчица.

Все это в конечном итоге напоминает представление, в котором главные роли играют пресиджитаторы и иллюзионисты, либо изделия из игрушечного магазина, с гарантией, что они «не бьются, не ломаются». Хлебников, например, выбрасывается из дрезины, мчавшейся со скоростью 90 километров в час, — и хоть бы что! Кажется, он даже не ушибся в результате этого головокружительного трюка.

Герои повести Никулина вообще ходят словно по самому краю пропасти, но читатель за них совершенно спокоен. Он знает, что имеет дело не с реальной действительностью, а с фикцией, с игрой, согласно правилам которой с героем ничего худого не произойдет, — хоть в семи котлах его вари! Конечно, они по-своему страдают, любят и т. д., но это переживания условные, страсти недостоверные, любовь выдуманная, слова заученные.

Героиня повести Соня Соснова без памяти любит Женю Хлебникова. Для нее, по словам автора, это единственный человек, которому она была «верна даже тогда, когда считала мертвым». Но Никулин не нашел ли одной верной черты, чтобы передать глубину, силу, постоянство этих чувств. Слова — одни слова!

Да и за что, собственно, Соне любить Хлебникова, хранить ему такую неколебимую верность? Чем заслужил он такое чувство? Почему именно о нем, а не о ком-нибудь другом мечтает она? Тайна этих больших чувств проста:

«Это был простой, веселый, неглупый, милый парень, и она не могла его забыть».

Так, мимоходом, второпях поговорив о любви, автор принимается завязывать и развязывать сюжетные узелки.

Герои Никулина обезличены, все они словно бы оптом приобретены в магазине стандартных цен. Никто из них не отличается «лица необщим выраженьем».

О Жене Хлебникове мы знаем, что он «прост и неглуп»; о Соне — что у нее «приглаженные белокурые волосы»; о Тасе — что у нее «пышные пепельные волосы» и «некрасивое, но энергичное лицо». Но некрасивых лиц так много, что по этому признаку различать людей довольно затруднительно.

Тася Пискарева не случайно говорит о себе: «Послезавтра буду среди своих, и не надо будет фигурировать перед немцами». Действительно, она именно «фигуряет» и притом довольно скверно (так же, впрочем, как и другие герои повести). Создается впечатление, что автору просто некогда, а может быть, и неинтересно заниматься своими героями, и он даже торопится отделаться от них.

От тех задач, которые неизбежно должен ставить перед собой смелый и подлинный художник, автор отлучивается, отыгрывается, разлиновывает сюжет на квадратики, по которым в заранее обусловленном и нерушимом порядке передвигаются фигурки, взятые напрокат из ходкого западного детектива, — фигурки, которые автору угодно было назвать именем наших современников, героев Отечественной войны. Но сделано это настолько элементарно, что даже не может вестись в заблуждение. Стоит только посмотреть эти фигурки — и они сразу обнаруживают свое игрушечное нутро.

Такое же смутное и условное представление о действительности сказывается у автора и тогда, когда он говорит о стране в целом, о работе в нашем глубоком тылу.

Часть действия повести происходит на заводе, находящемся на расстоянии двух с половиной тысяч километров к востоку от фронта, на пушечном заводе «Первое мая», где «точно так же, как и на других заводах все делалось без принуждения, споров и окриков».

В общем — не пушечный завод, а кондитерское изделие, рождественская идилия, совсем не схожая с тем, что бывает на заводе «Первое мая», «так же, как и на других заводах».

И если бы автор тоньше слышал, то он мог бы различить в заводской шуме и «окрик», если он нужен; автор мог бы понять, что в систему воспитания людей, не понимающих значения дисциплины и законов человеческого общепития, входят, помимо методов убеждения, и методы принуждения..

Но в том иллюзорном мире, в котором гостит Никулин и его герои, нет никаких реальных трудностей; все идет гладко, без сучка, без задоринки, все в одинаковой степени охвачено энтузиазмом, всем довольны и, как говорится, «претензий не имеют». Может ли наш читатель, так хорошо познавший жизнь за годы войны, поверить в такую идилию? Надо полагать, что и сам Никулин не слишком верит в нее. Наверное, он просто захотел «польстить» нашей действительности, отпустить галантный комплимент по ее адресу, подсластить ту горечь, которая неизбежно вызывается всякими неполадками, препятствиями, трудностями, испытаниями. Медвежья могла получиться услуга, будь наши

люди более легковверными и неопытными.

В результате Никулин создал посредственный детектив из сорта тех, которые, как две капли воды, напоминают далеко не лучшие образчики переводной литературы такого жанра. Конечно, автор обнаруживает свойственное ему литературное умение: все в повести сходится — что автор загадал то он и отгадывает, все заранее предусмотрено, героям заготовлен благополучный выход из самых затруднительных положений. Соя без особенного волнения ждет человека, которого считает погибшим, — она гарантирована, что автор в должный срок выдаст ее замуж за своего героя.

Может быть, автор ответит, что все наши требования в применении к приключенческой литературе неуместны, что он собирался написать развлекательное произведение, и этим ограничиться. Но даже если и признать, что это так, то и поставленная цель не достигнута, ибо кого может увлечь и развлечь книга, в которой герои совершают заранее ожидаемые поступки, говорят заученные неживые слова, одним словом, играют в игру, все ходы которой, вплоть до самого конца, мы способны предугадать.

Напрасно некоторые авторы приключенческих произведений полагают, что, пренебрегая действительностью, они могут что-то выиграть. Именно действительность смогла бы подсказать им такие сюжеты, дать таких героев, рядом с которыми поблекли бы измышления их фантазии (порою, надо сознаться, слишком бледные и чахлые).

Во многом, и даже слишком во многом, повесть, сочиненную Л. Никулиным, напоминает повесть Ю. Либединского «Пушка Югова»¹. Сходство такое, что если бы перемешать страницы этих повестей, то вряд ли и сами авторы смогли разобраться, что кому принадлежит. Произошло это потому, что оба писателя следовали одним и тем же канонам одной и той же третьеразрядной литературы, полагая, что в этом случае дозволено будет пренебречь и правдоподобием, и наблюдательностью, и пристальным вниманием к действительности.

В результате — в повести Ю. Ли-

бединского действуют (если не обращать внимания на фамилии) те же герои и те же враги. Немцы, выведенные в повести «Пушка Югова», больше всего напоминают Глупышкиных из старых-престарых кинокартин (к примеру — образ Зигфрида Пуцци), с единственной, может быть, разницей, что они не так смешны. Они глупы, они растеряны с первого же дня разбойничьего нападения на Советский Союз; они совершают одну нелепость за другой, их (так же как и героев Л. Никулина) ничего не стоит обвести вокруг пальца.

Как легко побеждают этих врагов герои «Пушки Югова»! Они заходят, например, в костюмерную, переодеваются в театральные костюмы, гримируются и приобретают тем самым свойства неуязвимости для врага. С помощью того же театра они до смерти пугают немцев.

«Когда в театре изображается бой, — говорит героиня повести, — совсем не подвозят на сцену артиллерию, а зажигают бенгальский огонь и грохочут железными листами».

И вот партизаны средствами фейерверочной пиротехники наводят панику на врага. Еще бы! — если взорвать побольше пороха, немцы подумают, что это бьет знаменитая «пушка Югова», и в страхе разбегутся. В общем, при наличии достаточного количества всякого рода бутафории и реквизита борьба с немцами не так уж трудна, — надо только использовать как можно больше театральных приемов.

Такова незамысловатая схема борьбы с врагом, которую с успехом, если верить автору, разыгрывают герои повести на ее страницах.

Повесть Ю. Либединского, конечно же, написана не «всерьез». О пародийности авторского замысла свидетельствует прежде всего «цитатность» произведения. В нем нет ничего самостоятельного, все взято напрокат из других произведений. Возникает ощущение, что у авторов повестей, подобных «Золотой звезде» и «Пушке Югова», существует свой литературный «колхоз», общая костюмерная, общая бутафорская, общий реквизит и общая гримерная, которыми они пользуются на равных правах. За теми же цитатными, заимствованными героями гоняются те же самые враги, в поисках тех же самых чертежей; те же самые удивительные пушки ко-чуют из произведения в произведение

¹ Журнал «Красноармеец», 1944 г. № 15—24.

и стреляют с одинаковым успехом; те же самые белокурые девушки, охваченные одним и тем же порывом, готовы упасть на грудь того же самого, единственного человека с тем же самым прорепетигированным криком... И все это прошло через столько писательских рук, до такой степени лишено своеобразия и индивидуальности, что перестало быть чьей-либо собственностью. О творчестве здесь не может быть речи, ибо роль автора сводится только к компановке, монтажу известных мотивов и умению «изложить своими словами тему» (как говорится ученикам в средней школе).

Либединский понимает, что его произведение «держится» на цитатах, и хочет обезоружить своих критиков признанием, что и сам он отлично видит это. Двойники заимствованы? Да. Это из Марка Твена? Правильно, из Марка Твена. Автор и сам говорит об этом «в первых же строках своего письма». Все это напоминает старый приключенческий кинофильм? Но и сам автор признает устами своего героя: «Допустим самое страшное, пусть все будет как в порядочном кинофильме. За конструктором Юговым идет слежка каких-нибудь агентов империализма».

Но уменьшают ли эти признания ответственность автора за свое произведение? Скорее наоборот, ибо он не может сослаться даже на то, что «не ведает, что творит».

Сюжет, в жертву которому приносятся все остальные художественные моменты «Пушки Югова», вызывает явное недоумение. Вместо него мы видим какую-то непродуманную автором толчею, зачастую лишённую малейшего смысла.

Что же касается персонажей, то здесь действуют партизаны, более всего напоминающие участников цирковой пантомимы, девушки с белокурыми волосами, герои старого приключенческого фильма, только что сошедшие с экрана, бойцы и командиры, внутренний мир которых замкнут от читателя на семь замков. Сама пушка Югова — гениальное изобретение советского конструктора, которое хотят похитить немцы, — является только мотивировкой для целого ряда приключений, совпадений, недоразумений и т. п.

Повесть, как полагается, кончается свадьбой: пройдя сквозь самые

немыслимые приключения, порою просто опереточно-буффонадного характера (спасение лейтенанта Балакина) женихи находят своих невест.

Таковы повести Л. Никулина и Ю. Либединского. Еще более неприятное впечатление производит роман Н. Шпанова «Тайна профессора Бурого»¹. Он напоминает о давно забытых традициях бульварного издательства «Развлечение», процветавшего тридцать тому назад и вытескавшего свою продукцию в миллионах экземпляров.

Читая выпуски Н. Шпанова, вспоминаешь старого Ната Пинкертона, знаменитого сыщика, который на каждом шагу то ошеломлял преступника мощным ударом по голове, то рукоятку вонзал в грудь злодею ножом, то сражал его пулей, и в этом видел свое единственное призвание. Почитайте выпуски «Павильон крови» или «Кровавый талисман», или «Хитник китайской курильни», или десятки других, вы не найдете в них ничего, кроме убийств, погонь, луж крови, мордобоя. Конечно, ни о каких «художествах» другого характера здесь нет и речи.

Традиции именно такой «литературы» решил неведомо зачем воскресить Н. Шпанов, а издательство «Молодая гвардия» не только поддержало инициативу автора, но даже оформило это произведение в соответствующем стиле.

По видимости, «Тайна профессора Бурого» носит вполне благопристойный характер. Главными героями романа являются советские офицеры — капитан-лейтенант Жидков и морской летчик майор Найденов. Оба они с детства связаны с флотом, оба служат на нашем Военно-морском флоте. Оба преданы науке и работают над открытиями, имеющими огромное военное значение. Приключения этих офицеров, за которыми по всем странам гоняются фашистские разведчики и диверсанты, пытающиеся воспользоваться секретом их изобретений, и составляют сюжетную основу выпусков «Тайна профессора Бурого».

Характер персонажей и сюжет таков, что автор, казалось бы, мог на этой основе дать нечто подлинно ценное и увлекательное, ознакомить читателей со службой на флоте, с

¹ Издательство «Молодая Гвардия», 1944 г., вып. 1—6.

ными военно-морскими офицерами, со сложными и захватывающе интересными научными проблемами, возникающими перед строителями нашего большого Военно-морского флота. Он мог бы дать произведение, исполненное романтики моря, бескорыстной заинтересованности в науке, доблести и мужества наших моряков, мог бы показать и борьбу поработанных народов Западной Европы с фашизмом, и великую освободительную миссию народов Советского Союза.

Но ничего этого мы не видим в романе «Тайна профессора Бураго». Мы встречаемся с моряками, которые оказываются на кораблях не иначе, как пассажирами, с летчиками, которые не тетают; с изобретателями, которых совершенно не интересуют ни изобретения, ни наука вообще; со странами, существующими только в воображении их автора и не напоминающими даже реально существующие государства Западной Европы. И море, и флот, и научные открытия, и заграничные путешествия героев, и многое другое оказывается в этом романе только предлогом для похищений и погонь, драк и убийств, преступлений и разоблачений. Все остальное является не более чем фоном, декорацией. Жидков и Найденов, хоть и названы они советскими моряками, в конечном итоге «великие сыщики» типа Ната Пинкертона с присущими им убогостью интеллекта, бедностью переживаний, внутренней пустотой, странными замашками и теми же зубодробильными ударами, в которых они находят свое единственное призвание. Правда, язык их зачастую отличается от языка «короля сыщиков», но зато во всем остальном они смело идут по стопам своего знаменитого предшественника. В образах Жидкова и Найденова мы не узнаем наших моряков.

«Научные проблемы», затронутые в «Тайне профессора Бураго», далеко не новы — в основном здесь варьируется «невидимый человек» Уэллса. В этих выпусках нет ни попытки раскрыть перед читателем характер научных изобретений, осуществляемых героями повести, ни попытки ввести читателя в лабораторию научно-исследовательской мысли и тем самым придать своему произведению научно-фантастический интерес. А стоит ли говорить о том, какое важное значение имеют произведе-

ния такого жанра, как пужны нашему читателю книги, помогающие заглянуть в будущее, умеющие смело связать мечту и воображение с реальной действительностью, с ее замечательными, но порою только еще угадываемыми возможностями.

Роль науки в «Тайне профессора Бураго» сводится лишь к мотивировке сюжетных трюков и является только приманкой для возбуждения читательского интереса. Повесть лишена также и глубоких социальных обобщений. Подлинная суть немецкого фашизма, как идеологии хищнического и разбойничьего немецкого империализма, осталась вне поля зрения автора.

А стиль этого сочинения!

«Есть люди, которым чистое белье даже неприлично», — говорит один из персонажей Достоевского. Исходя, быть может, из той же самой логики, автор выпусков «Тайны профессора Бураго» решил, что есть произведения, которые было бы «даже неприлично» писать чистым, сильным и художественно выразительным языком.

Бедности психологической характеристики, отсутствию подлинно художественного замысла, «нат-пинкертоновскому» колориту романа вполне соответствует и его язык:

«Широкое лезвие кинжала глубоко вошло между ребер...»

«Этот тип успел нанести мне удар ногой в пах...»

«Сокрушительный толчок опрокинул Жидкова навзничь...»

«Он схватил китаяца за горло...»

«Их встретил град ударов прикладами...»

«Барон ударил его ногой...»

«Тедди получил сокрушительный удар в челюсть...» и т. д. и т. п., без конца на каждой странице.

Правда, иной раз автор пытается сдобрить это крошево из пробитых черепов и переломленных конечностей «лирическим» соусом, и тогда мы читаем: «голова, склоненная над тетрадь, горела в луче лампы золотом белокурых волос», «офицер распахнул дверь и с гадким смешком потянул Элли к себе», «элегантный туалет подчеркивал тонкость ее черт, грацию стройной фигурки».

Право же, «элегантные туалеты», перемежающиеся мордобоем, могут привить читателю самые дурные вкусы.

У писателей, которые захотели бы

удовлетворить законное стремление нашего читателя к литературе приключений и открытий, загадок и романтики, подвигов и борьбы,— богатейшие возможности. Подвиги наших бойцов, партизанская война, дела труженников тыла, перспективы развития науки и техники — все это дает неисчерпаемо богатые возможности для произведений любого характера и жанра, в том числе и приключенческого. Почему же некоторые писатели, работающие в области «авантюрного» жанра, ищут источники для своих произведений не в самой дей-

ствительности, необычайно богато, сложной и увлекательной, а либо в дешевой переводной развлекательной литературе, либо в бесплодном нагромождении надуманных и неправдоподобных сюжетных трюков, не связанных с каким бы то ни было художественным замыслом?

В «мире приключений» происходит много необычного. Самое же неординарное, к сожалению, то, что время от времени у нас появляются произведения, решительно чуждые задачам, духу и традициям советской литературы.

А. ДЫМШИЦ

СОЛДАТСКАЯ ЛИРИКА

(О поэзии Михаила Дудина)

Так выходи, живое слово,
На караул солдатом стань
И обнажи, как штык, сурово
Свою отточенную грань.

(М. Дудин. «Романтика»)

«Весна» — так называется стихотворение.

...Полна таинственного содроганья
Весенняя природа. Синева
Сквозит над лесом. Робкая трава
На солнцепеке зеленеет. Ломок
Схвативший за ночь лужи у каемок
С ажурными прожилками ледок.
Седой лишай на валунах намок.
Снег ноздреват. Прозрачен и

хрустален

Ручья стремительного перелив.
Серебряные почки тонких ив
Горят на солнце. Пятнами проталин
Покрыто поле. Черные грачи
Сидят на кучах темного навоза.
Сквозь легкий пар скользящие лучи
Нисходят вниз. И тонкая береза,
Как девочка, стоит на берегу...

Какая чудесная картина природы! Какое точное видение мира. Совсем особенное, я сказал бы — эмоциональное его видение. В этом поэтическом восприятии, в верном слове, в нежных и точных эпитетах (которыми так щедро распоряжается М. Дудин) живет — вся в дыхании и в движении — весенняя природа, очарование которой поистине художнически пережито и передано читателю поэтом.

Михаил Дудин — офицер, участник двух войн (финской и Великой Оте-

чественной), молодой поэт, пришедший в литературу дорогой солдата, дорогой славной ленинградской гвардии, которая сражалась в 1939—1940 гг. в лесах Карельского перешейка, в 1941 г. героически обороняла полуостров Ханко, в 1943 участвовала в прорыве блокады Ленинграда и в 1944 шла в авангарде ленинградского наступления на Псков и Нарву, на Выборг и Таллин. Михаил Дудин вырос в боях за Ленинград. Здесь сложился и окреп его талант, в лучших своих проявлениях отмеченный признаками поэтической зрелости.

Еще до войны, в Иванове, вышла первая книжка стихотворений М. Дудина, но то были стихи типичные для начинающего поэта: проба голоса, нащупывание пути, поиски лирического героя. Поэтическую индивидуальность Дудин обрел позднее, — в войне, в боях, боевой работе газетного поэта. Михаилом Дудиным написано огромное количество агитационно-лирических стихов. Как сатирик он работал в военной печати на Ханко летом и осенью 1941 г. и затем до середины 1942 г. — в газете Н-ской армии «Знамя победы» (здесь он часто выступал за подписью «Ефрейтор Минометов»). Множество острых са-

этом в сильной лирической поэме «Дорога гвардии»:

Когда мне в жизни снова будет круто,
В последний час иль в миг прощанья
с ней,
Я вспоминаю снова берега Гангута
И с каждым днем редеющих друзей.
Таких друзей найдешь опять едва ли,
Хоть велика и необъятна жизнь.
Мы обещаний крепких не давали
И в верности друг другу не клялись.
Не это дружбы настоящей мера.
Пусть это так, но между нами есть
Какая-то неписаная вера
И на крови замешанная честь.

У этих «золотых солдат», героев, гвардейцев-гангутцев Дудин научился любви к воину и презрению к мертвой технике вражеских препятствий. Его поэзия — это гимн «воистину бессмертному человеку», и единственно непобедимыми выступают в ней солдаты Родины — святые чернорабочие войны. Перед ними беспомощны вражеские доты и мины, которыми враг пытается преградить дороги. Одна из тем поэмы «Дорога гвардии» — тема победы советского человека над вражеской техникой, над «совсем беспомощными исполинами» — дотами, «установившими в небо коварные лбы». Эта тема дана и в символических деталях поэмы: солдат смотрит на дорогу «под Нарвюю на левом берегу» и через эту «толом начиненную дорогу» видит путь нашей армии на запад.

Эмоционально, строго, просто говорит Дудин о пережитом: не только о патриотическом подвиге, но и о любви к близким, возмездии, — о том, что волнует каждого воина. Любовно-лирическая тема, тема разлуки и грядущей встречи разрешается Дудиным с большой ясностью и чистотой чувств. Вот пример такой солдатской любовной лирики:

Как я давно твоих не видел глаз,
Каким я словом на твоем ответу,
Какое время разметало нас,
Какая буря бросит нас навстречу!
И все-таки через преграды те,
Через огонь, через густую жижу
Я продерусь в крошечной темноте.
Ты ждешь меня —
и я тебя увижу.

Чувства, выраженные здесь, просты, ясны, прямы. Лирический герой Дудина не переживает в разлуке надменной тревоги и потому обращается

к любимой без «магии чувств» и без заклинаний.

Другая тема, естественно центральная для лирики Дудина, — это тема возмездия врагу. Она решается поэтом без риторики и излишней патетики, без частых восклицательных знаков, столь характерных для иных поэтов, подменяющих живое чувство риторическими возгласами. «Декламационное отношение к теме мести Дудину чуждо. Гнев и ненависть рождаются у него из живого опыта борьбы с врагом, возникают оттого, что он лично видел следы чудовищных фашистских зверств, и эти накипевшие в душе чувства выражаются в словах скупых, весомых и точных.

В поэме «Костер на перекрестке», посвященной героическому подвигу комсомольцев Краснодона, Дудин показывает, как рождается в наших людях жажда возмездия. Здесь это и тема эпически-повествовательная, связанная с описанием славных дел Олега Кошевого и его друзей, и тема лирических отступлений, носящих мемуарно-автобиографический характер.

Так было подле Выборга. Граната Разорвалась. На розовом снегу Я только видел голову комбата. И вот тогда я понял, что могу Итти напропалую. Цепenea, Я поднимал багровую ладонь. И два часа гремела батарея, И землю перемешивал огонь.

Да, именно так, в бою, в скорби о павших близких, в негодовании, в званном зверствами врага, рождаются ненависть и жажда отмщения. Школа ненависти — это суровая и жесткая школа солдатских чувств, которые возникают от переживаний, рубящих сердце и память, переживаний, которые побуждают не к словесным излияниям, а к делу.

Коротенькое стихотворение Дудина «Снег», мне кажется, выше и полезнее, чем многие высокопарно-риторические, лишённые живого чувства и непосредственного переживания, стихи о мести. В нем читатель, даже не побывавший на дорогах войны, почувствует и сердечную муку солдата, столкнувшегося с преступлением врага, и священную тревогу, душевную неуспокоенность воина, который не утратил своих горьких чувств до тех пор пока не добьется полного возмездия врагу. Вот это стихотворение:

Метель кружится, засыпая
Глубокий след на берегу.
В овраге девочка босая
Лежит на розовом снегу.

Наотмашь хлещет сильный ветер
В лицо ударами плетей.
Скажи, зачем мне снятся дети,—
У нас с тобою нет детей.

Но, на привале засыпая,
Я спать спокойно не могу.
Мне снится: девочка босая
Лежит на розовом снегу.

В последних стихотворениях Михаила Дудина, таких, как «Весна» и «Осень», помещенных в ленинградском журнале «Звезда», чувствуется, что поэт начинает подходить к работе над эпическими мотивами. Прежде даже в поэмах («Дорога гвардии», «Костер на перекрестке») он оставался лириком, «топившим» эпический сюжет в массе лирических отступлений и ассоциаций. Теперь, в маленьких лирических поэмах «Весна» и «Осень», он дает гораздо больше простора для описаний. Природа и люди появляются не только в авторском лирическом восприятии, но и в чисто эпической живописи, где тонко выписаны детали, а образы воспринимаются порой почти как скульптурные.

Выше уже шла речь о зрелости пейзажного мастерства в стихотворении «Весна». То же можно сказать и в отношении стихотворения «Осень». И здесь ярко передан пейзаж русской деревни. Более того, здесь реалистично даны люди современной деревни: ребяташки, «играющие в наступление», «высокий однорукий инвалид хозяйственно-внимательный и строгий», девушки-колхозницы.

Однако между стихотворениями «Весна» и «Осень», при общей для них судожественной зрелости, существует глубокое идейно-эмоциональное различие. «Осень» носит какой-то преждевременно умиротворенный характер. Преклонение перед вечным миром

природы и труда заставляет автора отступить от своих традиций и в момент, когда мир сотрясается под ударами битв, позабыть о солдатском горе и о печали оскверненной земли.

Как хорошо! Чего еще мне надо?
Осенняя спокойная прохлада
Лежит на сердце. Голубая озимь
При лунном свете, при ночном морозе
Она переливается, как море,
Серебряными блестящими горя.
...Усни, печаль, и позабудься, горе!
Прозрачен мир литого октября.

Нет, такая идиллия еще не может возникнуть сейчас в душе солдата. Поэтому гораздо ярче и идейно цельнее оказывается стихотворение «Весна», звучащее как гимн сражающемуся человечеству, непобедимому и вечному, прекрасному и мудрому, как природа:

Гори, моя солдатская звезда!
О, дай мне сил и мужества, наполни
Мои глаза сверканьем черных молний.
Весенним громом уши оглуши,
Наполни сердце самой едкой желчью,
Дай мне азарт, и дай повадку волчью,
И вырви жалость из моей души.
О, проведи меня по бездорожью,
Развей по ветру горький смрад и
прах,
Чтоб мир опять заколосился рожью,
Чтоб хмелем и смородиной пропах.
Пленительна, печальна и ясна,
За наступленьем шествует весна.
Цветет земля. Огненные и вовек —
Прекрасен мир и вечен человек!..

Михаил Дудин — поэт, воспитанный войною и созревший на войне. Он должен помнить, что его стихи рождены великой войной советского народа и в ее грандиозном эпосе он еще не раз почерпнет и новые темы и свое поэтическое вдохновение. У Дудина есть еще не мало недостатков (многословие, неточность словоупотребления), но крепкая жизненная основа его творчества поможет ему стать крупным поэтом.